GRUNDRISSE

МИХ. ЛИФШИЦ И Д. ЛУКАЧ

ПЕРЕПИСКА
1931–1970

2011

GRUNDRISSE

МОСКВА

Публикация: В.М. Герман, А.М. Пичикян, В.Г. Арсланов
Предисловие: В.Г. Арсланов
Перевод писем, написанных на немецком языке: Г.П. Агальцев
Приложение (составление и комментарии): А.С. Стыкалин
Примечания: А.С. Стыкалин (при участии Г.П. Агальцева, В.Г. Арсланова, А.П. Ботвина)
В подготовке к публикации текста переписки принимал участие Д. Катунин
В подготовке к публикации архивных документов принимали участие А. Колин и С. Корсаков

Издание подготовлено Архивом Лифшица и Институтом Лифшица

Издатель: Надежда Гутова

ООО «Издательство Грюндриссе»
e-mail: info@grundrisse.ru
http://www.grundrisse.ru

Корректор: Ксения Хацко
Макет и верстка: Николая Хацко

Мих. Лифшиц и Д. Лукач. Переписка. 1931–1970 гг. –
М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2011. – 296 с.

ISBN 978-5-904099-07-7

Тираж 400 экз.

© ООО «Издательство Грюндриссе»
© Архив РАН – Архив Д. Лукача
© В.Г. Арсланов, предисловие
© А.С. Стыкалин, В.Г. Арсланов, А.П. Ботвин, составление, комментарии
© Г.П. Агальцев, перевод с немецкого

Предисловие

«Гибель правды есть ее победа...» (Философия и этика Д. Лукача и Мих. Лифшица в свете их переписки)

Переписка Дьёрдя (Георга) Лукача* и Мих. Лифшица имеет, на мой взгляд, не только историческую, архивную ценность. Ее пронизывает тема, которая стала центральной для начавшегося XXI в. – гибель Великого освободительного проекта, от Сократа до Маркса, по словам Ю. Хабермаса. Как жить в этом «после»?

Написав приведенные в заголовке слова, Мих. Лифшиц продолжает: «...насмешка истории есть победа над ограниченностью, половинчатостью правды»[1]. Ученым тартюфам и шутам гороховым наших дней не приходит в голову, что своими издевательствами над Лениным и революцией они прокладывают дорогу «второй иронии истории». Как и во времена Рабле, их опрокинут не козни соперников и не грубое насилие, а прежде всего, для начала – аристофановский юмор. На этом основан мир, согласно тому марксистскому «Логосу», создать который Лифшиц мечтал совместно с Лукачем еще в 1940-е гг. (о чем свидетельствует их переписка). Но обязательное условие будущей победы – постижение ограниченности не лжи, не заблуждения (что само собой разумеется), а ограниченности самой объективной истины, правды.

* В русскоязычных изданиях имя Лукача писалось по-разному: Георг, Дьёрдь, Дёрдь, Дьердь. В настоящем издании – Дьёрдь.

Они сошлись, будучи во многом противоположными натурами. Небольшого роста, сухой, с неизменной сигарой в руке – и крупный красивый мужчина, куривший только во время войны и только махорку[2]; один – «good sleeper»*, другого всю жизнь терзает злая бессонница. Ученый немецкой складки, «не имеющий души» (известные слова Лукача о себе), автор многотомных исследований, поражающий своей продуктивностью, и «мечтатель», «поэт», «эпикуреец», отделывающий свои произведения «под лак», как стихотворение, и затем бросающий написанное в корзину. Да, сказал однажды Лукач, я знаю, что я – плохой писатель, но все же я не такой хороший писатель, добавил он, имея в виду Лифшица, который вообще ничего не пишет. Но «плохого писателя» «Frankfurter Allgemeine Zeitung» почтительно именует «марксистским Паскалем» (см. об этом тоже в переписке), а эссеистика Лифшица практически неизвестна на Западе, хотя Лукач (в письме от 8 ноября 1957 г.) признается Лифшицу: «...не могу не выразить и с моей стороны восхищения Вашим анализом. Удивительно, как в нем мировоззренческое непрерывно переходит в художественное и наоборот. Так должно бы быть всегда – но кто может это делать, кроме Вас? По крайней мере, мне это удовлетворительно удавалось только очень редко».

Различны и посмертные судьбы двух мыслителей. После смерти Лукача создан государственный Архив Лукача (на базе его квартиры и библиотеки) с несколькими штатными сотрудниками, издающий труды философа. В демократической России готовые к изданию архивные работы Лифшица не получили ни одного гранта на издание[3] (исключение – финансовая поддержка Хельсинкским университетом книги «Диалог с Э. Ильенковым»). Российская академия художеств отказалась провести заседание, посвященное 100-летию ее действительного члена. Архив Мих. Лифшица, подготовивший, в частности, настоящее издание – небольшой коллектив поклонников творчества философа, не имеющий ни официального статуса, ни финансовой базы.

Но эти факты не могут заслонить главное – то, чем эта дружба способна согреть современного человека. Дочь Е.Ф. Усиевич вспоминала об удивительной атмосфере поистине аристофановского умного и светлого веселья, которая возникала, когда встречались эти люди,

* Хорошо спящий человек (*англ.*) – так в одном из писем Лифшиц называет Лукача.

участники «течения» 1930-х гг., выброшенные из литературы и оклеветанные. Не менее удивительно и другое.

Много ли известно случаев в истории философии XX в., когда ученый со всемирной известностью, 54-х лет, дарит свою книгу («К истории реализма», 1939 г.) совсем, по нынешним понятиям, молодому человеку с надписью: «Я хочу, чтобы все написанное мною читалось в Вашем свете», приводя слова одного современника Шекспира, обращенные к Шекспиру? Для того чтобы сделать такое признание, хотя бы только наедине с другом, действительно надо «не иметь души»: души как чрезмерной возни «Я» с самим собой. По мнению Лифшица, «нужно иметь много души, чтобы так сказать о себе»[4]. Лукач не забывает о своем друге и оказавшись за пределами СССР. В предисловии 1967 г. к западногерманскому изданию легендарной книги «История и классовое сознание» Лукач назвал встречу с Лифшицем «неожиданным счастливым случаем», который – наряду с впервые полностью прочитанными им парижскими рукописями Маркса 1844 г. – вывел Лукача из творческого тупика. Директор Института философии АН СССР Г.Ф. Александров сообщает «высоким инстанциям» в своем официальном отзыве на работы Д. Лукача от 5 сентября 1949 г.: «Вот что пишет Лукач: профессор Лифшиц – "самый выдающийся исследователь марксистской эстетики" в Советском Союзе. Это неправда. В действительности несомненен, – продолжает Александров, – факт, что М. Лифшиц – "выдающийся" космополит и эклектик, недавно разоблаченный философской кафедрой Института международных отношений в Москве. Пропагандировать в демократической Венгрии М. Лифшица в качестве "выдающегося исследователя марксистской эстетики" в Советском Союзе может только такой путаник и эклектик, каким был и остался Дьёрдь Лукач»[5].

Откроем воспоминания К. Ясперса о М. Хайдеггере – воспоминания о несостоявшейся дружбе, проникнутые, вроде бы, горечью по поводу несбывшегося, от которых веет затхлым духом немецкого университета накануне прихода Гитлера к власти. Вот один штрих, невольный, непроизвольный жест. Когда вышла главная книга Хайдеггера «Бытие и время», «я, – вспоминает Ясперс, – не оказал ему как старший (он был старше Хайдеггера на 6 лет. – *В.А.*), целиком поглощенный своей философской работой, услуги основательного чтения и критики, как он сделал по моей "Психологии мировоззрений". В соответствии с этим, разумеется (! – *В.А.*), и он ко всем моим поздним публикациям со своей стороны больше не обнаруживал интереса»[6]. Очень характерно это «разумеется». И еще один штрих. Ясперс пишет

о пристрастии Хайдеггера к «наушничеству»[7], о его двоедушии и двурушничестве: «Он казался другом, который предает в отсутствие, но в ответственные моменты был незабываемо близким»[8]. Так предавал Хайдеггер друзей или был все же верен им? «И то, и это; и не то, и не это» – вот логос «нечистого разума». Вы не найдете у Ясперса определенного ответа на самый важный в человеческом отношении вопрос.

«Счастливое событие» – так называется заметка Гёте о его встрече с Шиллером, в которой Гёте находил нечто демоническое. Почему же демоническое? Потому что «тут кончается искусство, и дышат почва и судьба». Но поэты склонны к преувеличениям, даже такие реально мыслящие, как Гёте. Написавший процитированные выше строки Пастернак вел себя в разговоре со Сталиным о Мандельштаме, по его собственному признанию, «на четверочку». Пастернак не ответил ничего определенного на прямой вопрос Сталина, является ли Мандельштам мастером или нет. «Между нами такое было невозможно», – скажет Лифшиц, по воспоминаниям его дочери А.М. Пичикян, о разговоре Пастернака со Сталиным. В 1934 г., сразу после убийства Кирова и начавшихся массовых арестов Лукач был обвинен в троцкизме. Лифшиц немедленно отвечает беспощадной язвительной сатирой на клеветников в статье «Безумный день, или Женитьба Фигаро», появившейся в том же самом номере «Литературной газеты», в котором видный партийный деятель А.С. Щербаков обвинит Лифшица в отказе от сталинской теории обострения классовой борьбы – «товарищ Сталин на XVII съезде не так говорил»[9]. В неразберихе тех лет подобные парадоксы были возможны. «Держи вора!» – кричали, пишет Лифшиц, перепуганные люди, чувствуя, что на их голове шапка горит.

Как эмигрант Лукач был наиболее уязвимым звеном в «течении». В 1939 г. в «Литературной газете» появляется статья (Е. Книпович), по сути являющаяся призывом к расправе над Лукачем. Обвинение самое серьезное – проповедь Лукачем термидора (в годы, когда Троцкий писал о бюрократическом вырождении советской власти, о сталинском термидоре). Обвинение не безосновательное: Лукач в своей книге «К истории реализма» действительно доказывал, что термидор – не просто поражение, а осуществление содержания и смысла Французской революции. Обвинение предъявлено влиятельной группой Фадеева – Кирпотина – Ермилова (два первых – секретари Союза советских писателей, авторы докладной записки «Об антипартийной группировке в советской критике», последний – главный редактор «Литературной газеты» в самые мрачные годы сталинизма, автор статьи «О вредных взглядах “Литературного критика”»). Лифшиц

незамедлительно отвечает статьей «Надоело». Когда Лукач был арестован в 1941 г. и находился, по словам Лифшица, как Иов, в «чреве китовом», участники «течения» пишут коллективное письмо в защиту Лукача, со всеми подписями. И уже значительно позднее, в «оттепельные» годы Хрущёва и «застойные» Брежнева, Лифшиц отвечает в «Вопросах философии» (№1 за 1968 г.) неутомимым преследователям Лукача: «поиск ревизионистов, особенно в других странах, не является прерогативой частных лиц». И об этой его позиции тут же сообщается в ЦК КПСС[10].

Лукач и Лифшиц не были святыми, не хотели и не могли ими быть. Они далеко не во всем и не всегда были согласны друг с другом и не скрывали своих разногласий.

Дружба предполагает, что между людьми закончены все расчеты. Эти слова Гёте напомнила жена Лукача Гертруд в письме к Лифшицу о том, как Лукач тяжело переживает свое молчание в ситуации, когда защита докторской диссертации Лифшица была отменена решением дирекции Института философии в 1944 г. (несмотря на то, что Лукач и другой официальный оппонент, В. Ф. Асмус, дали положительные отзывы на диссертацию). На полях этого письма Лифшиц записывает: «Милая душа, а я и не думал сердиться, зная, что такое эта жизнь. Но момент был злой! Как жаль, что я не могу ее снова увидеть. Читаю и плачу».

«Платон мне друг, но истина дороже», – цитирует Лифшиц известное изречение в своих заметках о Лукаче и продолжает: «Поправка, которую я внес бы в это изречение, поскольку в нашем веке из него (да и раньше) делались ужасные выводы, братоубийственные, предательские. <…> В дружбе также приходится ее конкретно ставить иногда выше истины, взятой абстрактно»[11].

Лифшиц вспоминает о конце 1930-х гг.: «У меня было отчетливое представление о близости катастрофы. Но… удержать его (Лукача. – *В.А.*) и других участников "Л[итературного] к[ритика]" было невозможно. <…> У меня был выбор, меня сманивали в другую сторону, и это решило бы многие мои личные вопросы. Однако... И я поступил как шляхтич. В конце концов на моей судьбе, даже в наступившие военные годы задиристость "Л[итературного] к[ритика]" отразилась больше всего»[12] (см. об этом также письмо Лифшица от 5 февраля 1945 г.). Оппоненты «течения» (покаявшиеся после смерти Сталина и ставшие «либералами» для широкой публики, но ревнителями «марксизма-ленинизма», разоблачителями ревизионистов Лукача и Лифшица для ЦК КПСС Я. Эльсберг, М. Храпченко, А. Дымшиц и их многочисленные

ученики, некоторые из которых в наши дни свернули с либерального пути к державничеству и черносотенству) сумели убедить доверчивую публику, «что никакого Лифшица не было»[13]. А если и был некий «ископаемый марксист», то кого может интересовать этот «инквизитор от марксизма-ленинизма» (слова одного автора, авторитетно утверждавшего в эпоху свободы слова и гласности: «до меня никто не осмеливался открыто критиковать его взгляды на искусство»[14])?

Почему же он поступил «как шляхтич» (помня, конечно, слова Ленина о горе-марксистах, марксистах-шляхтичах)? Потому что дружба – это тоже истина, «определенный полюс ее»[15]. Когда при соединении двух индивидов получается арифметическая сумма их достоинств и недостатков, тогда перед нами деловая связь. А когда возникает нечто большее, то это нечто – идеальное, das Ideale. Последнее так или иначе – «заем у бесконечности»[16]. Люди, классы, народы черпают силу, примыкая к бесконечному целому, к абсолюту. Но совершается этот платоновский метексис не в мистической форме, а конкретно, в форме примыкания, например, к другому человеку.

Первая же архивная заметка Лифшица о Лукаче вводит нас в мировую историю, столь же бездонную и многомерную, как история о Христе и Понтии Пилате у М. Булгакова: «А вы думаете, что Тертуллиан был дурак верить в абсурды? Или мошенник, приспособляющийся к принятому учению?»[17]

Что произошло с Лукачем в 1918 г., когда он, написав статью о неприемлемости большевизма с нравственной точки зрения, вступил в Коммунистическую партию Венгрии? Отошедшие от «лукачизма» бывшие ученики Лукача объясняют его поворот в 1918 г. столь же прагматично и рационально, как вульгарный марксизм объяснял факты христианского озарения: «Ведь Лукач знал, что большевизм несостоятелен, и тем не менее хотел в него верить, ибо совершенно не мог уже уцепиться ни за что другое. <…> если коммунизм даже в момент его выхода на сцену истории нельзя было принимать, не “пожертвовав разумом”, то теперь, зная его историю, можно ли держаться за него и интеллектуально его оправдывать?»[18]

В самом деле, для Лукача, автора статьи «Большевизм как моральная проблема», «выбор между двумя позициями, как любой кардинальный моральный вопрос, – это вопрос веры»[19]. Решающей является «чистота непосредственного убеждения», ибо радикальный поворот в истории всегда совершается лишь тем или иным «Спасителем мира»[20], а им не может быть мошенник просто потому, что он весь – в старом, умирающем бытии. Но является ли большевизм «Спа-

сителем мира»? По-видимому, да, пишет Лукач в этой своей статье, ибо большевизм предпринял грандиозную попытку «подвига скорого» (слова старца Зосимы из романа Достоевского, процитированные Лукачем) – попытку непосредственного действия и победы над злом, здесь и сейчас. А социал-демократия, продолжает Лукач, предлагает долгий обходной путь, путь компромиссов и жертв, в том числе и в первую очередь она требует принести в жертву «чистоту непосредственного убеждения». Но скорый подвиг большевизма возможен лишь при условии, что он прибегает к злу, к убийству, и для него тем самым цель оправдывает средства. «Автор этих строк, – заключает Лукач, – не способен разделить подобную веру и потому видит в основе большевистской позиции неразрешимую моральную проблему, в то время как демократия – автор этих строк глубоко верит в это – требует лишь сверхчеловеческого самоотречения и самопожертвования от тех, кто сознательно и честно хочет идти по этому пути до конца»[21].

В следующей своей статье «Тактика и этика» Лукач повернулся на 180 градусов – она уже посвящена «молодому поколению Коммунистической партии». «Всякий компромисс», «любая солидарность с существующим общественным порядком», вступление на пути «реальной политики» «имеет роковое и губительное значение» для социализма, утверждал он. Эту позицию молодого Лукача Лифшиц позднее назовет марксистским гностицизмом: последний, как известно, отказывался от компромисса с материальным греховным миром. Для Лукача социализм есть вступление в общество, где нет насилия, где нет классовой борьбы, и потому не может войти в это новое мировое состояние тот, кто не отряхнет праха старого со своих ног. Следовательно, вместо компромиссов – радикальное отрицание.

Радикальность гностицизма, как известно, была отвергнута христианской церковью и заменена более гибкой политикой. С одной стороны, компромисс с грешным миром, «кесарю – кесарево, а богу – богово». Но с другой – изгнание торгующих из храма и «легче верблюду войти в игольное ушко, чем богатому в царствие небесное», «кто не за меня, тот против меня». С одной стороны, христианское самоотречение смирения, с другой – религиозные войны, инквизиция. В самом деле, нравственно ли мы поступим, смиряясь, отойдя в сторону, когда насильник убивает на наших глазах ребенка? И мы никак не можем остановить убийства ребенка, кроме как насилием над насильником?

Эту дилемму молодой Лукач решает, обратившись к центральной для «течения» 1930-х гг. теме трагического. Убийство – всегда зло, всегда преступление, даже если приходится убить насильника.

«…Этическое самосознание указывает как раз на то, что существуют ситуации – трагические ситуации, в которых невозможно действовать, не навлекая на себя вины…»[22], и «акт убийства, совершенный человеком, который непоколебимо и без всяких сомнений знает, что убийство нельзя оправдать ни при каких обстоятельствах, может иметь трагическую моральную природу»[23]. Свою статью, повторяем, посвященную молодому поколению Коммунистической партии, Лукач заканчивает цитатой из «Юдифи» Геббеля: «И если Бог ставит между мной и возложенным на меня делом грех, то кто я такой, чтобы от него уклониться?»

Грехом Лукач считал компромиссную «реальную политику» социал-демократии и был готов принять на себя этот грех, пожертвовать чистотой своей совести – ради демократии. Но затем его осенило (и не только его, В. Беньямина не в меньшей степени, к примеру, тоже): социал-демократия потворствует массовой бойне Первой мировой войны, она совершает убийства, она организует подавление революции в России и в любом другом месте земного шара. И вот «буквально за какую-то неделю он обратился в новую веру: из Савла превратился в Павла»[24].

И при этом остался верен себе. Ибо и в том, и в другом случае самоотречение и самопожертвование было неизбежным. И в том, и в другом случае Лукач выбирал для себя и своего поколения трагическую вину – вместо вины уголовной, вины тех, кто, уклоняясь от трагической ответственности, увековечивал самое подлое и самое отвратительное насилие. Это вывод тех глубоко верующих христиан, которые поняли, что «в спасении души несть спасения». Последние слова процитированы Лифшицем в его известной статье 1960-х г. «Ветер истории»[25], в которой центральная проблематика – нравственная.

Коллизия, которую решал и в которой объективно находился молодой Лукач (ему, правда, к 1920 г. исполнилось 35 лет), была примерно та же самая, что осмысливалась «марксистским экзистенциализмом» и абстрактным марксизмом (связь между ними видел Лифшиц[26]). А. Кожев в своих лекциях о Гегеле (на них воспитывался, в частности, Сартр) рельефно выявил гегелевскую идею о том, что только перед лицом своей смерти, не испугавшись ее, человек начинает работу самопознания и самостановления объективного мирового духа. Лукач пошел дальше, показав, что есть две формы самопожертвования, и только верно найдя одну из них, можно встать на путь развития, другой путь ведет к разложению и гибели. Критерий для молодого Лука-

ча, автора «Истории и классового сознания», очевиден: одна из дорог ведет к осуществлению истины истории, к решению ее загадки, к спасению рода человеческого, а другая – к гибели человека и культуры.

Но как найти истину истории? Можно ли познать истину? Вопрос Канта оставался, по мнению Лукача, трагически неразрешимым для всего Нового времени. Виной тому – объективное искривление реальности, когда созданная человеком предметность кажется, и эта видимость существенна для капитализма, обособленным от субъекта объектом, чем-то от него независимым, природным, и в качестве природной силы господствующей над человеком. Но как только исторический коллективный субъект, пролетариат, овладевает созданным им предметным миром цивилизации, то эта объективная видимость, т. е. кантианская пропасть между субъектом и объектом, снимается, обнаруживается действительное тождество между субъектом и объектом. Пролетариат выступает в качестве «Спасителя мира» потому, что он не может освободить себя, не присвоив всех созданных человечеством сущностных сил.

Суть изложенной схемы исчерпывающе ясно изложена Лукачем в примечании к одной его ранней статье. Проясненное немецкой классической философией понятие сознания означает «ту особую стадию познания, на которой субъект и познанный им объект являются гомогенными (однородными. – *В.А.*) по своей субстанции, на которой, стало быть, познание совершается изнутри, а не извне. (Самым простым примером этого является, – продолжает Лукач, – моральное самосознание человека, то есть чувство ответственности, совесть, чему противоположностью является познавательный метод естественных наук, где познанный объект, несмотря на свою познанность, остается вечно чуждым познающему субъекту.) Главное значение этого познавательного метода состоит в том, что простой факт познания вызывает существенное изменение в познанном объекте: иными словами, та тенденция, которая присутствовала в объекте и раньше, посредством познания становится – благодаря своему осознанию – более достоверной и сильной, чем она была и чем без этого она могла быть прежде. Но этот познавательный метод, – заключает Лукач, – ведет также к тому, что исчезает различие между субъектом и объектом, а потому – также различие между теорией и практикой»[27].

Вот на этой, по сути, неокантианской позиции остановился и остается до наших дней так называемый неомарксизм, или «творческий марксизм», иначе именуемый деятельностной теорией сознания, возникший почти 90 лет назад под влиянием книги Лукача «История

и классовое сознание». Сам Лукач к моменту приезда в СССР, к 1930 г., уже разошелся с возникшей под его влиянием Франкфуртской школой и находился в творческом тупике (Институт социальных исследований во Франкфурте-на- Майне («Франкфуртская школа») создан в 1929 г. Сведения о том, что к 1930 г. Лукач разошелся с Франкфуртской школой, почерпнуты мною от Лифшица). Что же его не удовлетворяло в собственном детище?

Лукач был не фантазер, не создатель умственных схем, а прежде всего реально и трезво мыслящий человек – черта, свойственная тем, у кого слова не расходятся с делами. К 1930-м гг. многим стало ясно, что революция зашла в тупик, что совершена ошибка. По свидетельству Лифшица, на дискуссии (1930 г.) в Институте Маркса и Энгельса под председательством Д. Рязанова обсуждался вопрос об ошибке Маркса, допущенной им в революции 1848 г., а имелась в виду революция Октябрьская[28]. Однако если перед нами не временный сбой в ходе революции, а ее катастрофа, то либо вожди не доросли до высоты масс, либо сама эта революция – ошибочная, не имеющая исторического оправдания. Ибо истина истории есть тождество субъекта и объекта, а тут, оказывается, между ними опять если не пропасть, то щель.

Лукач снова обращается к исследованию трагической ситуации и выясняет, что для Маркса и Энгельса трагедия не в том, что вожди оказались ниже исторической задачи (так думал Лассаль, автор трагедии «Франц фон Зикинген») – такое бывает, и очень часто, но это не трагедия, а просто ошибка. Трагедия тогда, когда ошибка неизбежна именно для тех и прежде всего для тех, кто прав в самом глубоком, всемирно-историческом смысле слова. Ибо в истории бывают ситуации, когда совершение действия необходимо для продвижения истории и совершают это действие те, кто правильнее всех понимает эту необходимость истории. Но вместе с тем политики, владеющие истиной ситуации, обречены на поражение, ибо полная победа их – впереди, а сегодня они должны погибнуть, ситуация не позволяет им победить, однако, погибая в борьбе, они сдвигают с мертвой точки мировую историю. Такова, по мнению классиков марксизма, трагическая коллизия Томаса Мюнцера. Исследование Лукача на эту тему (оно было опубликовано в 1932 г.[29]) – его большое достижение, по мнению Лифшица.

Однако из такого понимания трагедии следовало сделать мировоззренческие, философские выводы. Если не только в предшествующей истории, но и в борьбе пролетариата возможна – и даже неизбеж-

на – щель между субъектом и объектом как отражение щели в самой действительности, в объективном мире, то каков же тогда критерий истины? Или истиной будет отражение неистинной, искривленной действительности (таков вывод неомарксизма, Франкфуртской школы, А. Хаузера и т. н. «вульгарной социологии» в СССР), и истиной мы должны признать правдивое отражение объективной лжи, кривизны реальности, или мы возвращаемся к агностицизму Канта. Кажется, другого выхода нет?

Но лучше Кант, полагает Лифшиц, чем неокантианство, неомарксизм и вульгарная социология. Ибо агностицизм Канта вырастал как раз из сильной стороны его концепции деятельности – понимания того, что не мы создали природу и, следовательно, природа не может быть продуктом нашей опредмечивающей деятельности. Лукач слишком легко решил эту проблему в «Истории и классовом сознании», объявив природу общественной категорией.

Фихте, Шеллинг и Гегель решили проблему Канта гениально просто: сама природа есть не что иное, как деятельность субъекта, но не эмпирического, а трансцендентального (абсолютного субъекта Фихте и Шеллинга, абсолютной идеи и мирового духа Гегеля). Автор «Истории и классового сознания» заменил абсолютного субъекта коллективным, пролетариатом, который творит осознанно историю и тем отличается от действующего эмпирического субъекта предшествующей истории, который не понимает, что он делает, и поэтому не может быть тождественным объекту. Но как быть с объективным заблуждением не прошлого, а настоящего, не буржуазных мыслителей и практиков, а Маркса и Ленина, заблуждением, в котором, однако, – высшая правда времени? Если и они заблуждались, то где объективная точка отсчета, критерий истины, который молодой Лукач находил в тождестве субъекта и объекта?

В дискуссии 1930 г. под председательством Д. Рязанова Лифшиц выступил с концепцией истории, которую Д. Рязанов назвал «эстетической»[30], поскольку она, писал по этому поводу Лифшиц в статье «Ветер истории», «делает трансцендентальную точку зрения «обыкновенной», т. е. наглядно связывает наш обычный мир с бесконечностью»[31]. Позволю себе проиллюстрировать суть этой точки зрения на примере полемики Лифшица с Лосевым, и не только с ним, но и с Гегелем в толковании одного места у Гомера. Разгневанный Ахилл хочет убить Агамемнона, он хватается за меч, но ему является Афина, успокаивает его и заставляет вложить меч в ножны. Гегель, а за ним и Лосев, рационалистически толкуют этот момент: Афина – это

отчужденный от Ахилла образ его собственной воли, его истинного сознания, которое в иллюзорном образе Афины заставляет погасить чувственный аффект. Другими словами, субъект тут работает с самим собой, более интеллигибельная его сторона, трансцендентальная, подчиняет себе эмпирическую.

Лифшиц иначе толкует эту ситуацию. «Собственно, – пишет он на полях книги Лосева, – это диалектика и очень умно. Боги – остаток глубокого прошлого, но и способ понимания того или выражения того, что выходит за пределы рассудочной обыденности»[32]; «... здесь важно то, что поворот (речь идет о смирении гнева Ахилла Афиной. – *В.А.*) является как бы внешним, ибо все же есть действительная внешность ситуации, которая решает»[33].

«Внешность ситуации» – это то, что в переписке с Лукачем Лифшиц именует «марксистским богом». Разум не столько в нас, сколько в реальных, существующих вне нашего сознания, созданных бесконечностью ситуациях, называемых Ф. Бэконом «прерогативными инстанциями» – такова отправная точка онтогносеологии Мих. Лифшица. Существование таких реальных точек разумности, «априорных фактов» в объективном мире свидетельствует, согласно материализму Лифшица, о том, что парменидовское Единое, «Идея» Платона или Бог – не пустая выдумка.

Лукач, примкнув к московскому «течению», преодолевал абстрактный марксизм, из которого вырос экзистенциализм с его роковой свободой человека, свободой в бессмысленном бытии, в которое человек заброшен (позитивистский марксизм Лукач начал преодолевать уже в своей книге «История и классовое сознание», которую Лифшиц оценивал высоко, находя в ней «что-то напоминающее безличный анализ Denkformen*»[34]).

Как ни странно, но, сделав после 1930 г. шаг вперед, Лукач вместе с тем совершил, возможно, в некотором отношении два шага назад[35]. Дело в том, согласно Лифшицу, что «Лукач и Корш, как и у нас Богданов, смешали буржуазную рассудочность с отражением»[36]. И это смешение не было до конца преодолено Лукачем, хотя и отказавшимся от своего гностицизма эпохи «Истории и классового сознания».

Вернемся к прерванной логике наших рассуждений. Когда стало ясно, что пролетариат и его вожди в 1917 г. совершили трагическую ошибку, то бывшие социалисты, такие как Оруэлл, стали писать пародии на социализм, изображая его «скотным двором». Они, согласно

* Мыслительные формы (*нем.*).

логике Франкфуртской школы, правдиво отражали ложь, кривизну самой реальности! Другие превращались в циничных сталинистов. Но Лифшиц и Лукач в этой поистине страшной ситуации (массового раскулачивания и затем возмездия за него – 1937 г.) почувствовали, уловили какой-то ветер истории в мире искривленного, ложного «социализма». Его уловил и Андрей Платонов, у которого в «Ювенильном море» электричество – вопреки всем законам науки и разума – действительно стало получаться каким-то чудом из ничего, из дневного света. Вот почему в этой повести Платонов столь иронически изобразил бухаринский план построения социализма. Разумеется, он, как и участники «течения», не стал сталинистом. Так что же из себя представлял тот «ветер истории», который наполнил паруса в том числе и сталинской бюрократии, ибо она оседлала этот необъяснимый порыв и прорыв истории?

«Не могу скрыть от вас, дедушка, – писал Лифшиц в своем памфлете 1965 г., – что сначала это возведенное в принцип презрение к объективным условиям показалось нам с И. Жуковым очень странным, каким-то даже новым проявлением детской болезни "левизны", неуместной в марксизме. Но потом мы пришли к выводу, что эта черта получила такой монументальный рост, что ее тоже нужно принять в расчет и причислить к объективным условиям. В большом потоке, который рванулся куда-то в неведомое и завертел нас, как щепки, много было такого, что хоть плачь. Столько всяких ненужных, нелепых, иррациональных затрат и жестоких деяний, что хватило бы на три исторические трагедии. Но миллионы людей пришли в движение – поход, война, ну, словом, что-то значительное, даже возвышенное. На болотах росли города, в пустыне зажглись огни современной индустрии»[37].

Вот реальная причина возникновения сталинского мифа, большой утопии, имеющей массовый, почти религиозный, квазирелигиозный характер в стране, где в это время самым варварским способом разрушались христианские храмы, в стране воинствующего атеизма.

Религиозное, как и квазирелигиозное, сознание порождено ощущением щепки, которую завертел и понес куда-то могучий поток. В этом ощущении и в этом сознании есть великая правда – постижение исторической необходимости, действительный смысл которой по тем или иным причинам не доступен сознанию субъекта. Разве понимали христиане первых веков нашей эры, куда несет их исторический поток? Могли они предполагать кровопролитные религиозные войны и действия инквизиции, с одной стороны, а с другой – фантастический технический и научный прогресс европейской христианской

цивилизации? Но в их «верую, ибо абсурдно» был отказ от узкого рационализма, в их готовности приносить величайшие жертвы было сознание более высокое, чем любые рациональные доводы противников христианства. Так что же представляла собой эта правда, которая не была продуктом деятельности самого субъекта, созданием его внутреннего мира, его внутренней логики? Правда, которая, согласно первому тезису теории отражения, требовала безусловного подчинения субъекта тому, что вне него?

В безусловном приоритете того, что христиане называли богом (а Маркс, вслед за Гегелем, – действительностью), над субъектом, над его малым бытием и его психологией – неотъемлемая черта религиозной веры. Задача субъекта – не лезть к богу со своим «бедным, заносчивым умишком» (слова Белинского), предъявляя богу свои узкие расчеты и соображения, свои упреки и свои претензии к миру, а прежде всего стать «чистой доской», способной отразить божественную правду, превосходящую все наши субъективные мнения и измерения[38]. «Недаром начало Божией мудрости и созерцания, – писал византийский теолог, – есть страх Божий: не уживаясь с иными богами, избавив душу от всякой скверны и как бы разгладив ее молитвою, он делает ее, словно дощечку для письма, пригодной для запечатления дарований Духа»[39]. Зачатки онтологической гносеологии, учения о том, как само бытие идет к своему познанию, формируя для себя те «чистые доски», tabula rasa, в которых оно отражается, находим не только в первоначальном христианстве, но и гораздо раньше – в древней мифологии. «В действительности не мы мыслим и чувствуем объективную реальность, – доказывал Лифшиц, – она мыслит и чувствует себя нами»[40].

Вот второй важнейший тезис теории отражения, как ее понимал Лифшиц, который гласит: зеркало субъекта вторично потому, что оно есть отражение и выражение зеркальности объективного бытия. И эта мысль была известна христианским теологам: Бог «являет себя очистившемуся уму как бы в зеркале, сам по себе оставаясь невидимым, потому что таково свойство зеркального образа: он и очевиден, и его не видать, потому что никак невозможно одновременно глядеть в зеркало и видеть то, что отбрасывает в него свой образ»[41]. Бог в таком толковании есть свойство действительности, благодаря которому вещи становятся видимыми, понимаемыми, отражаемыми, иначе говоря, бог есть зеркальность бытия, т.е. «свет, разлитый по всем видимым вещам»[42].

Разумеется, коперниковский переворот материалистической теории отражения вовсе не был возвратом к религии и мифологии, но

он был связан с раскрытием той великой правды, которая породила эти первые акты человеческой сознательности. Смею утверждать, что именно такое, или близкое, понимание теории отражения увлекло Лукача в 1930-е гг., о чем говорит прежде всего его великолепная продукция этого времени. Возьмите хотя бы «Исторический роман» Лукача, раздел о Вальтере Скотте, в котором замечательно развернута и продемонстрирована относительная правота отсталых шотландцев в их борьбе с более передовой Англией.

Передовые, «прогрессивные» мыслители и идеологи более логичны, ясны, последовательны, ибо концы с началами у них увязываются. А у «отсталых» шотландцев или у первых христиан, у русских крестьян накануне революции с их лозунгом «земля ничья, земля божья» такой логической правильности вы не найдете, потому что реально логика их нелинейна. Рассуждения о нелинейной логике сегодня можно обнаружить в любой мусорной корзине, по выражению Лифшица, тогда как онтологическая теория нелинейного мышления, разработанная «течением», остается, как и вчера, вне умственного горизонта современности.

В сознании первых христиан и русских крестьян отразилось то, что в самой реальности еще не приняло окончательной формы, не связалось, но эта неоформившаяся тенденция заключает в себе могучую силу истины, которая будет формировать жизнь людей, ведя их к неведомому пока будущему. И потому подлинное различие между «темными», смутными идеями первых христиан и «отсталых» шотландцев, с одной стороны, и рациональным мышлением поздней античности и прогрессивных англичан, с другой, это различие – не в форме (смутных чувств, интуиции – и строгой логики, доказательности), а в содержании. Глубокое содержание формально более отсталых, консервативных слоев населения может быть в определенных условиях более прогрессивным, более истинным по сути. Когда Лифшиц доказывал, что искусство есть прежде всего мысль, то он не только хотел тем самым подразнить «всякую сволочь, вроде Эльсберга», бывших сверхортодоксов, ныне «болтающих о “специфике искусства”»[43]. Лифшиц доказывал, что самые глубокие мысли могут существовать не только в форме строгих силлогизмов. «Возможно ли мышление без слов, услышанных по крайней мере одним человеком в глубине его души, без verbum mentis*? Возможно, поскольку оно опирается на

* Слово ума (*лат.*), т.е. слово, сказанное «про себя» – в отличие от verbum vocis, слова произносимого.

явления чувственной действительности, на молчаливые образы ее, заключающие в себе реальный смысл»[44].

Выдающаяся книга Лукача «Молодой Гегель» (посвященная Лифшицу) на огромном фактическом, историческом и философском материале разрабатывала центральную идею «течения» – идею «великих консерваторов человечества», которые высоко поднялись над своим временем, над более стройно, демократически мыслящими современниками (такими, например, как Робеспьер) не только вопреки, но в известной степени и благодаря своей консервативности, в иных случаях – даже реакционности.

Не только вопреки, но в известной мере и благодаря иррационализму христианской веры рос объективный разум европейской цивилизации. В известной мере не только вопреки сталинской бюрократической машине, иррациональности нового квазирелигиозного культа, «культа личности» (впервые этот термин Лифшиц услышал от своего преподавателя философии, Сарабьянова, очевидно, еще в 1920-е гг.), но в определенной мере и благодаря им «на болотах росли города, в пустыне зажглись огни современной индустрии», была одержана победа в войне, совершен прорыв в космос и создана первая в мире атомная электростанция… Всемирно известный пианист и дирижер М. Плетнёв, живущий ныне на Западе, недавно сказал по центральному телевидению, что в СССР была лучшая в мире массовая музыкальная школа. Но цена этих побед непростительно высока! – справедливо говорим мы сегодня. Она могла быть меньше, если бы не крайняя левизна вчерашних бурсаков и обывателей, ставших, может быть, от страха суперреволюционными. Но для того, чтобы заплатить эту непомерно высокую цену, надо было иметь реальный кредит истории, позволивший совершить «заем у бесконечности». В этом кредите Франции, например, было отказано – и вся практически континентальная Европа оказалась под властью фашизма, в том числе и духовной.

Как и во всякой народной религии, в подъеме 1930-х гг. был не только самоистребительный безумный компонент, но и «что-то значительное, даже возвышенное». Христос потерпел на земле «позорное» (по определению христианских теологов) поражение – открывшее, однако, дорогу для спасения всех людей (увы, и для порабощения их тоже!). Каждая великая эпоха открывала для себя заново эту фабулу, достаточно вспомнить хотя бы о Шекспире. Что добавила к ней наша эпоха? «Если на другой день после Октября не совершилась мировая революция… то свершилась мировая реформа…»[45]. Эта точка зре-

ния ныне принята некоторыми авторитетными историками XX века на Западе[46]. Правда, в любой, самой глубокой и народной религии всегда присутствовало не только «благодаря», но и «вопреки»: реальная мысль пробивала иррациональную форму ее существования, время от времени происходило то, что Макс Дворжак называл «открытием самоценности земных вещей» (обусловившее, по мнению австрийского искусствоведа, художественный взлет готики, не говоря уже о Ренессансе). И все же в конечном счете преобладало «благодаря».

Однако XX в. – не I в., и «революция сверху» 1930-х гг. – не массовое движение первых христиан, соотношение между «вопреки» и «благодаря» существенно изменилось. Лифшиц писал об энантиодромии первых месяцев войны, когда рухнула идеологическая и военная система, основанная на лжи, и когда люди поняли, что им есть что защищать, и они сами нашли опору в неискаженной правде социализма – великий перелом сознания масс, классическим выражением и отражением которого явился «Василий Тёркин» А. Твардовского. Увы, победа в этой войне, как стало ясно Лифшицу в последние ее месяцы, привела к усилению власти Сталина, квазирелигиозный миф вернулся в самой отвратительной, черносотенной форме. Письма Лифшица 1945–1946 гг. – может быть, самые трагические в его жизни.

Ключ к нашей истории – в понимании того, «почему Иван Денисович молчаливо поддерживал Сталина. И почему он впоследствии не молчаливо, но грозно смотрел на его деяния»[47]. Но уже без всякого благодаря, а только вопреки сталинистской идеологии и ее проповедникам, митиным и ермиловым, и таким бывшим «сверхортодоксам», как Л. Копелев и его жена Р. Орлова, ставшим затем либералами, – рождалась мысль XX века, отразившая в себе мысль миллионов, объективную логику реальности.

Вот почему главный пафос фундаментального труда Лукача «Своеобразие эстетического» – освобождение от «благодаря», т.е. от религиозного, а тем более квазирелигиозного сознания сталинизма как первостепенная задача дня. При полном сохранении уважения к искренне верующим людям, «святым», по словам Лифшица, сидевшим в лагере вместе с Иваном Шуховым («старик, Алешка-баптист», которому, замечает Лифшиц, «Лакшин хочет немножко сбавить цену за его сектантство»[48]). Но поклонники Р. Гароди, а затем Н. Бердяева и В. Розанова Лифшицу, как и Лукачу, отвратительны: «По секрету скажу вам, милый дедушка, что я скорее пойду к отцу Никодиму в настоящую церковь, чем в этот прогрессивный кафешантан»[49].

Заигрывая с религией, т.н. «творческий марксизм» Р. Гароди или Ю.Н. Давыдова (ставшего затем антикоммунистом) безыдеален по сути, он – соединение таких крайностей, как сциентистский номинализм (тесно связанный с субъективизмом и более отдаленно – с кантианской идеей трансцендентального субъекта) и мистика. Позднего Лукача Лифшиц упрекал за недооценку этой опасности: «Здесь я, пожалуй, ближе к экзистенциалистам и онтологам. У Лукача своего рода остаток трансцендентального, целеполагающего существа. Для меня весь смысл на стороне бытия»[50].

Но третий пункт коперниковского переворота теории отражения качественно отличает ее и от хайдеггеровской алетейи как «просвета бытия». Ибо зеркалом и «просветом бытия» человек становится, доказывал Лифшиц, только вызывая ответ мира на себя и тем самым субъективизируя объект. Пересоздание мира заключается не в том, чтобы уже существующее «вывернуть сущностью наизнанку», а в том, чтобы довести вещи до их первообраза, идеала. Только изменяя, можно познавать, доказывает неомарксизм. Эта мысль верна для Лифшица в том случае, если наше вмешательство в бесконечную реальность доводит бытие до его нормы, возвращает мир к самому себе. Без человека, развивает Лифшиц мысль Герцена, природа не полна, более того, она – природа только в абстракции, в пересоздании природы человеком природа возвращается к своей норме, которая для Лифшица – не абстракция, а нечто в высшей степени реальное. Существование человека получает онтологический смысл, вместе с тем далекий от сциентистских космологических фантазий. Лифшиц, по собственному признанию, ближе к средневековому реализму и, может быть, к тем христианским мыслителям, для которых Бог нуждается в человеке и его разуме, чтобы стать вполне Богом (таков, по словам Маркса, «великий Себастиан Франк – настоящий мистический пантеист»).

Эта идея зрела в полемике «течения» с вульгарной социологией: не выворачивать Пушкина наизнанку, демонстрируя узкие классовые интересы дворянства, а раскрыть, как Пушкин доводит до идеала, до первообраза идею России, постигая ее судьбу, еще не вполне развернувшуюся в истории. Причем удалось это сделать Пушкину потому, что он, принадлежа к великой дворянской культуре, благодаря этой культуре, а не только вопреки ей, поднялся до народной точки зрения, что замечательно показано Лукачем в его статье о Пушкине[51] 1951 г. Идеальное, создаваемое человеком (в данном случае Пушкиным), способствует тому, что вещи становятся видимыми, т.е. природа возвращается к самой себе, и без человека, его свободы, его разума

такое возвращение природы к себе невозможно. Последнее добавление – идея Лифшица, а у Лукача рано созрела мысль, что «свобода не может быть лишь плодом, результатом развития, в развитии должен наступить такой момент, когда она становится одной из его движущих сил»[52]. В частности, без идеальных образов, созданных искусством, природа еще не становится вполне видимой, постигаемой – эти образы доводят природу до полноты зеркальности (божественности, как сказал бы Григорий Палама), способствуя пересозданию ее. Однако из этого не следует, что материальная и духовная деятельность, теория и практика в идеале тождественны, как думал молодой Лукач, а за ним – неомарксисты.

«Ни одна вещь на свете не сводится к одной тенденции», – писал Лифшиц. Отличая истинное, «симфоническое» тождество от тождества крайностей, Лифшиц не останавливается на этом различии, а идет дальше по дороге дифференцирования. В ходе развития то, что ранее было отброшено как ложное, может оказаться истинным. Таково возвращение христианства к трансцендентному мировоззрению Древнего Востока после античной философии. Подобно тому, как ложь политрука, выводящего отчаявшихся людей из окружения, об открытии второго фронта – «благородный вымысел, по терминологии Платона»[53]. Когда на тебя летит пикирующий бомбардировщик, что остается? – Молиться, отвечает Лифшиц. Это не мольба о помиловании, а обращение к «марксистскому богу» как непосредственный контакт с абсолютным началом мира ради того, чтобы остаться верным избранному пути. Сколько суперреволюционеров 1920–1930-х гг., видевших в Лифшице «декадента», консерватора, поклонника Шпенглера и Вико, сломалось, «сошло с рельсов», не выдержав крутых поворотов истории! Достаточно вспомнить, как закончили свою жизнь А. Фадеев, В. Ермилов, Я. Эльсберг, В. Кирпотин. Нет, не им, а Лифшицу суждено было оказаться «последним марксистом», солдатом марксизма, не покинувшим свой пост до конца. В чем причина такой поразительной прочности «марксистского Логоса» Лифшица и Лукача?

«Логос» Лифшица непоколебим именно потому, что он – подвижный и изменчивый, но эта изменчивость есть гибкость мысли, которая опирается на безусловные грани, которые перейти нельзя. Отношение Лифшица и Лукача к модернизму в широком смысле слова и к либерализму – красноречивое свидетельство тому (несмотря на определенные разночтения: Лукач, в отличие от Лифшица, не считал, что либерализм в 1950–1970 гг. более опасен, чем догматизм, смотрите об этом их переписку и комментарии к ней в настоящем издании).

Только по этой причине они могли быть бесконечно гибкими. Доходя, как Лукач, до тертуллиановского этического максимализма: «Лучше быть заключенным в социалистическом лагере, чем профессором в буржуазном университете». И до отказа от дачи показаний против Имре Надя: когда мы вместе будем на свободе, тогда возобновим наш спор[54]. О поразительном мужестве Лифшица в страшные 1930-е гг. пишут А.А. Тахо-Годи и Т.М. Коваленская, Н.А. Барская и другие свидетели.

Каков источник этого бесстрашия? «Я помню, как однажды, – вспоминает Лифшиц в своих "Беседах", – в позднейшие, более трудные годы, Елена Усиевич, судорожно схватив меня за руку, сказала: "Мы бессмертны!"»[55] Для человека периода первоначального христианства, не имеющего шансов на осмысленную и гуманную жизнь Пушкина, Гёте и Демокрита, материалистическое понимание бессмертия лишено смысла. Но за веру в христианское личное бессмертие человечество заплатило высокую плату. Развивая мысль Лессинга об истинном мужестве греков в отличие от бесчеловечных римлян, Лифшиц писал под впечатлением кончины Лукача: «…если даже кто-нибудь торжествует над всем, как факир, то это ведь тоже только игра природы. Есть люди, способные есть стекло, есть истерички, которые могут выдержать испытание каленым железом, средневековый «божий суд». Гордиться здесь особенно нечем. Это не человечно»[56]. Ибо такое мужество – крайность и парадокс бесчеловечного мира.

Фанатик имеет свои преимущества перед Гёте и Спинозой, его самоотверженность есть определенный предел человеческой природы. Но на другом полюсе того бытия, где возможен подвиг «святости» – темнота, идиотизм основной массы населения, голод и пытки на дыбе. Лукач и Лифшиц предпочитали демонизм Пушкина и Моцарта как предвосхищение свободы и гуманной нравственности для всех. Они, подобно Гёте и Марксу, фабульный мир свободы и высокого человеческого достоинства, в котором за явление идеального в реальном не надо платить кострами для иноверцев и дикостью массовых человеческих жертвоприношений, самоуничижением и страхом, ставили выше веры в личное бессмертие. В мире бессмертного творчества природы, освобожденного и очеловеченного, метафизические хайдеггеровские страх и забота, сопровождаемые гнусным и мелочным интриганством, исчезают, заменяясь светлым пушкинским: «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть, И равнодушная природа красою вечною сиять». В этом мире, где сияние вечной красоты – его онтологическое качество, природа уже не равнодушно,

а с равной душой относится и к мотыльку-однодневке, и к гигантской метагалактике, существование которой длится миллиарды лет, что соответствует гуманной норме и становится реальностью благодаря человечеству, вернувшему бытие к его глубочайшим основам.

Гёте сказал в разговоре с Эккерманом: для того, чтобы стать великим человеком, надо получить великое наследие, так Наполеон получил в наследство Французскую революцию, а Лютер – поповское мракобесие. Мы получили в наследство еще более грандиозную революцию, чем Французская, и не меньшее массовое затемнение сознания, чем во времена Лютера. Но нынешние «властители дум» предпочитают носиться со своими стеклянными бусами, не замечая сундуков с настоящими драгоценностями. Лукач и Лифшиц показывают пример того, как можно этим наследством пользоваться. Хочется верить, что уже в наше время найдутся люди, которых воодушевит пример их удивительной и плодотворной дружбы – одного из реально-идеальных явлений Октябрьской революции. А если нет, то свет этой дружбы и смысл рожденного ею марксистского Логоса дойдет до тех, кто придет после нас. Может быть, по этой причине Лифшиц хотел взять эпиграфом для своего главного, не написанного им труда какие-нибудь слова Иоанна Предтечи.

В настоящем издании впервые публикуются все известные письма Лукача Лифшицу и Лифшица Лукачу. Оригиналы всех публикуемых писем находятся в Архиве Д. Лукача (Венгрия).

Копии писем по просьбе вдовы Мих. Лифшица Л.Я. Рейнгардт были переданы ей Архивом Д. Лукача и хранятся ныне в Архиве РАН. Сотрудники Архива Д. Лукача при любезном посредничестве сотрудницы Венгерского культурного центра в г. Москве Е. Варги предоставили ряд материалов для подготовки настоящего издания, чтобы уточнить те письма, которые неясно читались в копиях.

Выражаем признательность Архиву РАН, его директору В.Ю. Афиани и заведующей отделом Е.В. Туговой за предоставленные копии писем Мих. Лифшица и Д. Лукача и содействие в их публикации.

Все письма Лукача написаны по-немецки на машинке, рядом с письмами Лифшица уточнен способ их написания.

В Приложении приводятся документальные материалы, характеризующие исторический фон, на котором эта переписка разворачивалась. Большинство материалов Приложения публикуется впервые.

Принятые обозначения:

в квадратных скобках [ ] – уточнения от составителей пропущенных или сокращенных корреспондентами слов;

в угловых скобках < > – вставка принадлежит составителям.

Мих. Лифшиц и Д. Лукач.
Переписка. 1931–1970 гг.

Д. Лукач – Мих. Лифшицу[57]
Берлин, 20 сентября 1931 г.
Темпельхоф, Кайзеркорсо 4. IV. лестн. у Мартина

Дорогой друг,

я был чрезвычайно пристыжен, получив Ваше письмо[58], хотя я («самокритично») всегда знаю, что очень ленив на письма. Но по отношению к Вам это потому так скверно, что Вы меня с этой стороны еще не знаете и потому, может быть, не поняли бы мое молчание. И это недоразумение особенно резко противоречило бы действительности оттого, что почти ни дня не проходит, чтобы я меланхолически не думал бы о тех прекрасных «полуэстетических, полуполитических, полуисторических» беседах, которые мы вели на «блаженном острове» института[59] и которых мне здесь не хватает. Здесь есть очень много умных людей и хороших товарищей*, но никого, с кем можно было

* В оригинале «Genossen», товарищи по партии, по убеждениям. – *Перев*.

бы вести философские беседы для самопонимания, никого, кто действительно и по существу дела интересовался бы философскими проблемами. Однако я не хочу только жаловаться. Так как в общем – если не говорить о работе – я чувствую себя здесь несравненно лучше, чем я себе это представлял. Меня приняли намного лучше, чем можно было ожидать. Первый секретарь, один из моих старых друзей 20–21 годов[60], сразу же дал мне очень интересную ячейку (огромное предприятие, где наше положение довольно плохое). Это уже само по себе было бы очень отрадно. Но кроме того, высказано пожелание использовать мое «доброе имя» в работе с интеллигенцией. И вот так я – представьте себе – попал к писателям и стал теперь «бонзой» в этой области[61]. Это очень почетно, но ужасно, так как на неделе имеешь три-четыре заседания, которые длятся с 6 часов дня до 1 часу ночи, кроме того, еще огромное количество встреч, телефонных разговоров, писем, циркуляров и т. д., так что я едва успеваю перевести дух. При этом мне очень повезло, так как я приехал прямо накануне «поворота» и мне удалось этот поворот в короткое время провести[62]. В результате этого возникло отношение доверия. Это означает, правда, очень много работы сейчас, и количество ее в ближайшее время, вероятно, еще более увеличится, но, по крайней мере, конец той изоляции, в которой мне приходилось жить за границей. Поэтому я все это охотно принимаю, правда, надеясь, что со временем, когда доверие еще более укрепится, смогу перейти к другой работе. Как Вы знаете, я не очень люблю писательскую отрасль и особенно коллег-писателей, в особенности если речь идет об «известных» буржуазных писателях, которых

нужно обрабатывать одновременно и осторожно, и энергично. Кроме организационной работы это положение означает, что мне в ближайшем будущем придется много заниматься бумагомарательством по поводу современной литературы[63]. Из всего этого Вы можете видеть, что с философской работой дело обстоит не хорошо. И, к своему несчастью, я примерно неделю назад получил задание прямо сейчас быстро написать объемную работу к гегелевскому юбилею[64]. Дело в том, что наши к гегелевскому юбилею издают Sbornik* и работа должна быть готова в начале октября. Я пытаюсь из моря моих заметок выловить вопрос о термидоре, но Вы можете себе представить, как такая работа, с таким уже самим по себе невозможным сроком сдачи (2-3 недели) и при таких условиях работы, будет выглядеть. Я пошлю ее Вам, как только она будет готова, с просьбой сразу же ее прочитать и сообщить мне Ваши замечания авиапочтой**, чтобы я мог ошибки, которые, конечно же, вкрадутся, исправить уже в корректуре. Если эта работа, на что я не надеюсь, все же окажется хорошей, то можно будет подумать о том, чтобы предложить ее и русскому «Знамени»[65]. Но об этом мы можем поговорить только когда рукопись будет уже готова. Кстати, мне сообщили, что Фурщик, который сейчас редактирует немецкое «Знамя»[66], мной интересуется. Я попросил передать ему письмо к Вейлю[67], может быть, оно даже там появится***. Если удастся и то, и другое, то

* Русское слово «сборник» немецкими буквами в оригинале. – *Перев*.

** В копии «авиапочтой» подчеркнуто от руки, возможно, получателем письма. – *Перев*.

*** Грамматическая неясность в оригинале: «даже появится там» или «даже в этом журнале появится». – *Перев*.

это было бы большим шагом вперед, из которого я, правда, при сегодняшних условиях работы вряд ли смогу извлечь пользу. При таких обстоятельствах дела с Мерингом не хороши[68]. Я как раз хотел за него засесть, но тут пришел этот заказ на Гегеля. Теперь мне пришлось его отложить. Спросите, пожалуйста, не терпит ли дело до середины октября, потому что раньше я его представить никак не смогу. Как дела с Вашей эстетикой Маркса[69]? В таком ли она уже состоянии, чтобы ее можно было напечатать в виде немецкой книги[70]? Если да, пришлите мне при случае что-то вроде содержания, потому что тогда можно было бы поговорить об этом здесь, возможно, не с Вейлем, а с [вычеркнуто] каким-либо более близким к нам издательством. Что Вы скажете, если приложением к этой книге включить работы о Лассале и Меринге[71], правда, только в том случае, если Вы могли бы написать похожую работу об эстетике Плеханова, потому что тогда в приложении были бы основные* тенденции искажения марксистской эстетики во II Интернационале. Правда, было бы еще лучше, если бы в конце можно было бы дать краткое изложение воззрений Ленина[72]. Тогда это была бы действительно актуальная книга, которую можно было бы здесь издать. Если Вы согласны с этим планом и пришлете мне набросок, то совершенно необходимо одновременно сообщить, какие русские инстанции одобрили Вашу работу о Марксе, так как иначе тут люди испугаются (разумеется, Луначарский в этом отношении не будет успокоением, лучше всего было бы получить согласие людей из РАППа[73]).

* Возможно, «все основные»: в оригинале определенный артикль. – *Перев.*

И Гертруд[74] тоже очень занята, но у нее все-таки больше времени, чем у меня, так что ее книга о кризисе продвигается[75]. Дети приезжают 1 октября[76], потому так поздно, что не один месяц похоже было на то, что и мы станем жертвами кризиса. Но мы хотя едва-едва, но спаслись.

Большой сердечный привет Вам и Вашей жене от нас обоих.

<от руки> Д. Л.

Ваше письмо я прилагаю с корректурами, Вы можете по ним увидеть, какой большой прогресс Вы сделали в немецком языке. У Вас ошибки почти только в порядке слов.

Д. Лукач – Мих. Лифшицу

Берлин, 18 ноября 1932 г.

№ 24, Фридрихштрассе 129 дом А. Подъезд II лестн. II

Дорогой друг,

опять я бесконечно долго Вам не писал, и сейчас мое письмо тоже, собственно, не ответ на Ваше письмо. Я был, да и теперь еще ужасно занят повседневными делами и пытаюсь в промежутках все-таки закончить мою книгу[77]. Но это очень трудно, потому что все вещи слишком сильно разветвляются – и все же, на мой вкус, слишком поверхностны. Все, что я в этот период делаю, как-то ублюдочно. Так, у меня было намерение написать для одного здешнего журнала маленькую работу о Фейербахе и литературе. Но получился из этого тот монстр, которого я Вам посылаю

в Приложении[78], и посылку эту сопровождаю двумя просьбами.

1. И это главное: тщательно прочитайте эту работу и выскажите мне возможно быстрее и очень откровенно Ваше мнение. Ужасно, что здесь нет ни единого человека, с которым можно было бы по существу дела и откровенно поговорить о теоретических вопросах. А как Вы увидите, в этой работе речь идет о нескольких важных вопросах. Итак, я прошу Вас поскорее послать мне подробную критику.

2. Если Вы сочтете эту работу правильной, то отдайте ее «Литературному наследству», где был напечатан «Зикинген»[79], она могла бы появиться там, так как сейчас юбилей Фейербаха[80]. (За «Зикингена» я еще не получил гонорар.) Посылаю также содержание книги. К сожалению, важная работа о Бальзаке все еще не написана[81], и я не знаю, когда она состоится.

Что еще нового? Как у вас дела? Над чем работаете Вы[82]? У нас – не считая нехватки времени – все хорошо, и Гертруд тоже энергично работает над своим «Кризисом»[75].

С сердечным приветом и от Гертруд и также Вашей жене.

Ваш Георг

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
<без даты*, по-русски, от руки>[83]

Дорогие Георг и Гертруда!

Прошло уже два месяца со времени моего отъезда, а я еще не удосужился Вам написать. Мне было еще более некогда, чем в Москве. Видимо, у всякого человека есть свой стиль жизни, который он и возит за собой. Теперь я свободнее и начал лучше себя чувствовать, хотя меня обременяет и раздражает обилие хозяйственных забот. Кроме того, живя здесь, я должен поддерживать свое чернильное рабство – шесть статеек в месяц для Информбюро[84]. Теперь я стал журналистом, как Вы, Юри, лет пять назад. Только не знаю, кто меня читает кроме редактора. Служебные мои занятия мне невероятно скучны, боюсь, что мне просто скучен всякий труд. Впрочем, некоторые слабые увлечения еще возможны. Я сделал здесь в Академии, где я работаю, доклад на тему о диалектике современной войны и в этой связи опять погружен в Ленина, эпоху империализма, национальный вопрос и тому подобное. Меня только во всем этом не хватало! Читаю журнал «Мировое хозяйство и мировая политика» и нахожу, что он интереснее других. Интересоваться такими вопросами в моем положении – почти то же самое, что интересоваться астрономией.

* Мих. Лифшиц в январе 1944 г. был назначен старшим преподавателем по литературе в ВМПУ ВМФ (Ленинград), с апреля того же года был назначен преподавателем кафедры марксизма-ленинизма ВМОЛА им. Ворошилова (Ленинград) – сведения из военного билета. Так как в письме Лифшиц упоминает Академию, то письмо написано весной или в начале лета 1944 г.

Никакого практического влияния на звезды оказать все равно нельзя.

Бог знает, скоро ли мы увидимся. Я уверен в том, что большие события, которые меня удерживают в моем нынешнем положении, продлятся не один и не два месяца. Да и захотят ли меня отпускать после этого. Большой вопрос! Я бы хотел получить от Вас, в виде утешения, какие-нибудь письма на теоретические темы. Это необходимо, как гимнастика, ибо бедная теория другого применения не имеет. Кстати, не желаете ли тряхнуть стариной? В Ленинграде выходит журнал «Звезда», в нем сейчас новая редакция, которая не так плохо настроена. Меня усиленно зовут сотрудничать[85]. Мои писательские квоты, как Вы знаете, не велики. Не желаете ли Вы, Юри, что-нибудь написать[86]? Бедный Юра Фридлендер все еще томится в своем изгнании[87], и Эренбург, видимо, ничего не сделал. Нельзя ли еще немного на него поднажать через Ольгу Осиповну[88] или как-нибудь иначе? В Ленинграде Юра очень популярен как местный «вундеркинд». Многие его превосходные товарищи, увы, погибли на фронте или от голода.

Ничего не знаю об Игоре[89], слышал, что он в Москве. Куда ему писать? Как поживает наша высокопоставленная дама-патронесса?

Надеюсь, что Вы оба здоровы, что есть какой-нибудь интерес к труду и к жизни, что философы не так уже донимают Вас[90]. Кстати, что слышно у них? Как идут дела с изданием Ваших книг[91], посланных Шершенко[92]? Все это меня интересует. Главным образом то, что касается Вашего благополучия, здоровья, настроения и труда. Общие вопросы интересуют гораздо меньше. Отсюда меня не так раздражают все эти

Баскины[93], Еголины[94] и К°. Надеюсь, что я научусь смотреть на все это как подобает философу.

Если Вам, Юри, не особенно тяжело это сделать, пришлите мне список книг по социологии, политике, нац[иональному] вопросу, которые Вы читали в последнее время. Я ведь здесь не имею ничего под руками и не помню даже точного названия книги Отто Бауэра[95] и др. Может быть, я найду здесь кое-что в библиотеках (новейшая политико-социологическая литература особенно в связи с государством и национальностями). Впрочем, это не так обязательно – по возможности, чтобы я вовсе не одичал. А я Вам в следующем письме пришлю, может быть, тезисы моего доклада[96]. Суета сует!

Обнимаю Вас.

Хотел бы побывать в Москве и попробовать вкусных блюд, приготовленных Гертруд.

Ваш М[иша].

Письмо жены Д. Лукача, Гертруд, Мих. Лифшицу
9 июня 1944 г.

Дорогой Миша, когда вчера Дьюри после заседания пришел домой и рассказал мне о происшедшем[97], мне сразу стало ясно, почему Вы просили позвонить Вам, как бы поздно Дьюри ни придет домой: для Вас речь шла о вопросе, имеющем большое значение в двойном смысле: поднял ли он голос в мою защиту? И оправдал ли мои надежды последний друг, на которого я рассчитывал в моем деле?

И теперь я понимаю, как глубоко Вас должно было задеть то, что Дьюри ни слова не сказал в Вашу защиту. Конечно, Д[ьюри] совершил здесь ошибку, и никто не сознает эту ошибку в такой степени, как он сам. Он так подавлен, что то и дело вызывает во мне болезненное воспоминание времен моей молодости: моего отца, которому в его молодые годы за политические убеждения выбили в доме стекла и которого я потом из-за одного компромисса, который он заключил по материальным соображениям, застала всего в слезах. Здесь не имеет значения, что политические убеждения были ложны, что тот компромисс в наших глазах сегодня был бы смешным пустяком, сущность дела остается той же, так же как и мое [чувство] подавленности [и боли] об этих обоих столь дорогих мне людях.

Первоначально я собиралась подробно расписать Вам, как Дьюри пришел к совершению этой ошибки, как трудно сегодня лавировать между донкихотством и правильным использованием хотя и тесного, но все же пространства для маневра и т. д. – но дело ведь здесь не в объяснениях. Я просто прошу Вас, чтобы Вы не сердились долго на Дьюри и не презирали его чрезмерно. Я знаю, что здесь останется тень, но все же: друзья – это те, как говорит Гёте, кто уже закончил все расчеты. Что, конечно, не означает, что долг и долги вины можно накапливать бесконечно, но все-таки хотя бы то, что сделанные в прошлом инвестиции гарантируют определенный кредит.

Вы знаете так же хорошо, как и я, что выступление Дьюри ничего бы не изменило, и все же было бы хорошо, если бы он сказал несколько спокойных,

добрых слов о Вашей работе. Дорогой Миша, попытайтесь не сердиться, подумайте о том, как тяжела и наша жизнь.

Гертруд

<слева под текстом от руки приписка Мих. Лифшица>

Милая душа, а я и не думал сердиться, зная, что такое эта жизнь. Но момент был злой! Как жаль, что я не могу ее снова увидеть. Читаю и плачу.

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу.
Ленинград. 12 января 1945 г.
<по-русски, от руки>

Дорогие Георг и Гертруда!

Давно Вам не писал – много работы, мало времени и сил. Военная служба заполняет всю жизнь, а когда служба кончается, нужно взяться за перо, начинается чернильное рабство – статьи в Информбюро. Я уже написал чуть ли не о всех русских художниках и теперь взялся за писателей. Они мои рабы, кормят моих детей, но сам я раб 20-ого числа, когда платят гонорар. Пока все шло хорошо. Но что будет, когда все писатели и художники иссякнут? Придется перейти на знаменитых футболистов, шахматистов и т.д.

Как Вам живется на философских хлебах? При каждой новой сводке вспоминаю Вас и домик на окраине Будапешта[98]. Домик-то, увы! От него, наверно, мокрое место осталось[99]. Придется новому венгерскому правительству подарить Вам другой[100]. Просите дачу на берегу Дуная[101]. Я приеду в гости (если начальство

отпустит)[102]. В Венгрии, наверно, тоже будет Союз писателей, Литфонд и дом творчества в замке какого-нибудь магната, потомка одного из министров Атиллы или Франца-Иосифа. Президентом Литфонда – я надеюсь – будет Ольга Осиповна[88] (в качестве представительницы демократического фронта). Этот пост нужно сохранить в надежных руках. В доме творчества будут подавать старое венгерское, а мы захватим с собой русскую горькую. И будем жить на берегу голубого Дуная под звуки Штрауса и Брамса.

В Болгарию меня когда-то приглашал старик Георгий Бакалов, обещая почетное место в тамошнем Институте Маркса и Энгельса. Но Бакалов – увы – умер в Париже[103]. Зато член регентского совета Павлов-Досев[104] нам хорошо известен. Там уже началось предсказанное Платоном господство философов. В Греции совсем другое. Заметили ли Вы, что в новом греческом правительстве несколько Джонов[105] и только один Перикл?

Я шучу все на эти темы, так как у меня теперь в голове преимущественно международные отношения. Ради них я даже насел на английский язык. Читаю краснобая Черчилля[106] медленно, как Шамполион разбирал свои иероглифы. Ругаю англичан за их собачий язык, однако думаю скоро одолеть. Мне нужно было бы сейчас встретиться с каким-нибудь английским Лукачем. Но, увы, Лукач во всем свете только один, да и тот остался в Москве.

В моих нынешних занятиях Ваше общество было бы для меня незаменимо. Я взялся за сложное дело – хочу внести в область гражданской истории, политики, теории государства, международных отношений, войны хотя бы то, что мы сделали для эстетики. Ведь

наше объяснение исторической эмпирии до сих пор остается абстрактно-марксистским: мы, например, объясняем империалистическую войну борьбой интересов, но не объясняем (как несущественное), почему группировка держав в 1914 г. была та, а не другая, оставляем в стороне всю диалектику политических форм и т.д. Здесь еще непочатый край вульгарной социологии.

Есть у меня кое-какие мысли, но боюсь, что, по обыкновению, они не дойдут до систематической реализации. Не хватает знаний, а знания – функция времени. Эта жизнь уходит на глазах, уходит в занятиях пустых. Говорят, что паровым молотом, весящим несколько тонн, очень хорошо колоть орехи. Мои занятия носят, примерно, такой характер.

Общее положение – сносное. В квартире тепло. Комната хорошая. Отношения по службе неплохие. Питание не на высоте, но терпеть можно. Здоровье не особенно хорошее, однако работать еще могу.

Что же у Вас? Напишите мне. Имеете ли Вы сведения о Ферри[107]? Как Игорь? Бываете ли у Елены Феликсовны[108]? Как идет «Социология знания»[109] и прочее? Есть ли сведения об издании Ваших книг в Америке[110]?

Обнимаю Вас обоих. Желаю в новом году крепкого здоровья. Лида[111] Вам кланяется. Она поедет в Москву. Я застрял здесь крепко.

Горячий привет! М[иша].

Ленинград 12.I.1945 г.

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
<без даты*, по-русски, от руки>

Дорогие друзья!

Итак, мое шутливое письмо[112] оказалось пророческим – вы уезжаете[113]! И кто знает, увидимся ли мы когда-либо снова? – Все так глупо устроено на этом свете. В самом деле, приходится винить себя, что время мало использовано для совместной работы, для наших задушевных бесед. Виноват, конечно, я, как более молодой, к тому же за мной всегда бывала остановка, мне не хватало времени. И ведь действительно не хватало – с тех пор как остались позади счастливые времена подвала в Институте Маркса и Энгельса[57]! Слова ничего не стоят и нечего сожалеть, поскольку помочь уже ничем нельзя. Будем надеяться хотя бы, что в ближайшие годы между нами не будет каменных стен и прочих преград. Может быть, ваш отъезд – дело временное[114], или обстоятельства потребуют посещений Москвы[115] – послушайте только моего совета: не летайте, не поддавайтесь соблазну, лучше пострадать немного дольше в поезде. Куда вы едете – я не знаю. Надеюсь, не к своим новым друзьям, которые проливают крокодиловы слезы после ваших докладов[116]. Если на родину, то это, может быть, будет не так плохо, однако – не спешите, побудьте с нами, пусть сначала все наладится. Надо подумать о здоровье, о возрасте. Я очень рад вашим успехам, еще более рад оптимистическим известиям о Ферри. Но что касается фельдмаршалов, то ваше здоровье дороже целого генерального штаба, и я не хотел бы,

* Очевидно, что письмо относится к 1945 г. – году отъезда Лукача в Венгрию.

чтобы вы тратили много сил на просвещение этих «эччеленца»*, даже у вас на родине. Или, может быть, вы сами теперь получаете звание генералиссимуса? В таком случае не забудьте об одном капитане, который может быть морским атташе в стране, не имеющей моря. Увы, я не могу приехать в Москву попрощаться с вами, разве что вы потребуете этого через вышестоящие инстанции. Надеюсь скоро узнать от Лиды все подробности вашего отъезда. Будете ли вы мне аккуратно писать? Благодарю за теоретические замечания. Прошу и в дальнейшем все, что придет вам в голову по поводу моих проблем, сообщать мне; я очень нуждаюсь в библиографических указаниях, очень заинтересован вашей «социологией знания». Кстати, вы обещали мне узнать название сборника и статьи, в которой фигурирует рассказанное мне вами (со слов, кажется, Видена[117]) место о будущем Германии с точки зрения английского капитализма. Я читаю сейчас – сколько хватает времени – английские и американские журналы, если что-нибудь интересует вас – охотно напишу.

Писать о своей жизни мне нечего. Она внешне терпима, хотя тяжела. Угнетает меня бесперспективность; я человек неглупый, способный делать обобщения, и понимаю, что я попал в ловушку, крышка которой захлопнулась. Когда я перебираю в уме все силы, которые могли бы мне помочь, то вижу ясно, что все они направлены против меня и грозят мне окончательным удушением. Один шанс против девяносто девяти, что я еще сумею работать, что мне дадут свободу, что кто-нибудь заступится за меня. Буду надеяться на этот шанс; сравниваю себя с Эпиктетом[118].

* От eccellenza (*итал.*) – Ваше Превосходительство.

В крайнем случае, остается еще один выход – когда немного подрастут мои галчата. Сейчас, пока, они требуют, чтобы я жил для них – раз не могу жить для большего числа людей.

Итак, всего лучшего. Не говорю прощайте. До свидания. Будем следовать каждый своей судьбе. Не забывайте меня и пишите. Алла иль Алла, Магомет расуль Алла!*

Ваш М.Л.

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
5 февраля 1945 г.
<по-русски, от руки>

Дорогой Юри!

Не знаю, застанет ли Вас еще это письмо в Москве[119]. Во всяком случае, хотел бы напомнить Вам о том, что я, пожалуй, забыл сказать перед отъездом, хотя это очень важно.

Из всех философов прошлого мое положение напоминает мне разве что Эпиктета. Но у меня нет столько внутренней свободы или самодовольства, сколько было у этого джентльмена в ошейнике. Скоро у Вас будет много возможностей в разных местах и среди разных, имеющих влияние людей, распространить известие или слух, что существует среди гиперборейцев муж, достойный лаврового венка. Это – я. Пусть это будет преувеличение, неправда или вексель на будущее. Но ведь другого выхода нет! Покривите душой ради меня. Единственный способ сделаться

* Нет бога кроме Аллаха, и Магомет – пророк его (*араб.*).

вольноотпущенником у нас это заслужить внимание извне – особенно это так будет в ближайшие годы. Два слова Томаса Манна или какого-нибудь англичанина, американца, черта, дьявола достаточны для того, чтобы я получил слабую возможность трудиться по своей специальности. И честное слово – это не будет совершенно напрасный труд. В отличие от Канта, я напишу какую-нибудь «Критику нечистого разума», eine «Kritik der unreinen oder sogar schmutzigen Vernunft»*. Если даже она будет издана в количестве трех экземпляров, напечатанных на машинке, – один из них в роскошном переплете с посвящением получите Вы.

Итак, вот, Юри, моя просьба. Скажу Вам правду – я очень мало надеюсь на освобождение от военной службы. В первом туре сражение уже проиграно. Московское начальство приказало меня ни в коем случае не отпускать. Можно будет еще попробовать. Но, конечно, надеяться можно только на случайность. На помощь Е.Ф. [Усиевич][108] и т. п. я мало рассчитываю. Вообще ближайшие годы жить будет трудно. Я думаю, Вам понятно, что все течение моей военной службы (начиная с Пинской флотилии[120]) и мое нынешнее положение является прямым следствием всей бесконечной драчливости «Литературного критика»[121], никчемной драчки с союзом писателей и т.д. и т. п. Во всем этом я был замешан только по чувству товарищеского долга и даже против моей воли. А расплачиваться приходится мне. Я уже испытал унизительную процедуру напоминания Е.Ф. [Усиевич] о моем положении. По-моему, она продолжает забывать обо мне. Я уже сделал вывод по отношению к

* «Критика нечистого или даже грязного разума» (*нем.*).

Кеменову[122]. Тяжелы бывают такие выводы, но лучше остаться одному и опуститься на дно, чем тешить себя ложью. Впрочем, я еще не могу окончательно придти к заключению, что в сорок лет я растерял свои прежние жизненные позиции, что мне нужно все начинать сызнова в совершенно новой среде. И, по правде сказать, нет никакой охоты начинать. В научном отношении у меня именно в последнее время прилив новых идей, в наименее ясных мне ранее областях. Очень жалею, что не могу познакомиться с Вашей работой о социологии знания, поскольку именно теоретико-познавательные, онтологические и психо-физиологические вопросы меня сейчас очень интересуют. Если есть лишний экземпляр библиографического списка использованной литературы[123] – пришлите хотя бы его в письме.

Когда Вы будете draussen*, не хотите ли заключить контракт на обмен книгами? Так как Вы теперь читаете по-русски, а я хорошо знаю Ваши интересы, то я мог бы посылать Вам из Ленинграда полезную литературу (здесь ее много) в обмен на иностранщину. Мои интересы Вам тоже превосходно известны. Обмен этот делает ВОКС.

Кстати, из двух моих книжек не можете ли Вы мне Чемберлена[124] прислать бандеролью? (Так как я сейчас читаю Канта). Книгу Горького разрешите презентовать Вам на память.

Игорь мне не пишет, а я не знаю его точного адреса. Не знаете ли, что с Игорем, как его здоровье?

Когда Ваш отъезд? Как устраиваются Ваши дела?

Горячий привет Гертруд и всей семье от меня и Лиды[111]. 5/II 45 г.

* Здесь: за границей (*нем.*).

Д. Лукач – Мих. Лифшицу[125]
для Миши*
Будапешт, 11 февраля 1946 г.

Дорогие друзья,
сегодня случайно выдался день посвободней, и я пользуюсь этой редкой возможностью, чтобы Вам написать. Жизнь в последние 14 дней была сплошной ужас, поток различнейших заседаний и совещаний по самым разнородным вопросам, начиная с реорганизации Академии наук и кончая мелкими вопросами в Arbeiterkulturbund**, в промежутке три больших доклада («Ленин о вопросах культуры»[126] в Союзе писателей, «Демократия и литература»[127] в большом открытом цикле докладов нашей партии, «Кризис демократии»[128], реферат в большой открытой дискуссии по озаглавленному так докладу), при этом доклады нужно было писать сразу для публикации и т.д., и т.д. Сегодня относительное затишье после этой бури.

Это маленькое введение уже дает определенную картину стиля нашей жизни[129]. Но я хотел бы свободное время использовать прежде всего для того, чтобы дать Вам определенную картину здешнего положения. Здесь все еще в наличии относительное равновесие между силами демократии и реакции. Реакция наносит удары непрерывно, но пока без успеха. Было разработано Положение о проведении земельной реформы[130], которое по существу означало бы в значительной степени аннулирование земельной реформы; это нападение было отбито. Несколько дней назад

* Вероятно, письмо было направлено И. Сацу и передавалось через него.
** Рабочий культурный союз (*нем.*).

в парламенте официальный оратор Партии мелких сельских хозяев, составляющей большинство в парламенте, выступил в открыто шовинистически-подстрекательском тоне; возник большой парламентский скандал, и партия была вынуждена публично заявить, что соответствующий господин высказал только свои личные взгляды, и т.д. При этом идет открыто реакционное подстрекательство со стороны так называемого князь-примаса кардинала Миндсенти, главы католической церкви[131]. Как следствие этого вчера в Будапеште уже прошла хотя и маленькая, но открыто фашистская уличная демонстрация. Что касается репрессий, то тут идет «позиционная война». Полиция в левых руках (начальник полиции – коммунист, хороший и умный товарищ[132]) и арестовывает всех заговорщиков, большую часть спекулянтов и т.д.[133].Однако прокуроры и суды большинство снова отпускают. Как отец в старом еврейском анекдоте, который, услышав о новейших похождениях своего сына, закричал: «Я бы тоже смеялся, если бы дурак был не мой», мы бы тоже могли смеяться над такой партизанщиной, когда, например, группу заговорщиков отпускают и мигом в тот же день силами политической полиции снова арестовывают. Эта «позиционная война» в решающем экономическом вопросе выражается для нас в высшей степени невыгодно в том, что мы ничего не можем сделать против инфляции[134]. Попытка заштемпелевать деньги до 25% стала полным фиаско; сегодня поток различнейших заседаний продолжается бешеным темпом. Вот вам наглядный пример стоимости наших денег: моего месячного оклада университетского профессора хватило бы на то, чтобы купить на черной бирже полдоллара. Каково соотношение сил между

правыми и левыми, скоро станет ясно, так как сейчас начинается борьба за сокращение и чистку государственного аппарата. Это, по всей вероятности, вызовет некоторое движение в наших рядах. Влево или вправо – сегодня еще не видно. Потому что положение и внутри левых партий вовсе не простое. Если я правильно помню, то в одном из прошлых писем писал вам о правых и левых крыльях разных партий. Наше постоянное общение с левым крылом, усиление этого левого крыла временами идут очень хорошо, особенно с левым крылом социал-демократов. Но вопрос очень сильно усложняется близостью переговоров о мире[135]. Разумные люди во всех партиях знают довольно точно, что мы вряд ли можем рассчитывать на очень хорошие переговоры о мире, и уж вовсе не может быть надежды на исправление границ[136]. Но только Коммунистическая партия отваживается открыто об этом говорить[137]. Обе крестьянские партии, даже и более левая из них Национально-крестьянская партия, ведут совершенно безответственную шовинистическую пропаганду, замазывают вину в войне, пробуждают иллюзии и т.д., и т.д. Очень интересно, что несколько дней назад в Форум-клубе (эксклюзивный клуб, где объединилась интеллигенция четырех образовавших коалицию партий[138], – где я, кстати сказать, один из президентов) были внешнеполитические дебаты, где – так как дискуссия находилась в интимном кругу – все ораторы высказывались трезво и разумно. Наш товарищ Реваи[139] с полным правом устроил дружеский скандал, почему эти же самые люди, которые в закрытых помещениях так трезвы и разумны, сразу же становятся шовинистическими агитаторами, если выступают публично. Эта речь произвела там впечат-

ление; на долговременное воздействие, естественно, рассчитывать нельзя. Это положение омрачает наши отношения с левым крылом Национально-крестьянской партии. Она долгое время была очень хороша. Сотрудничество с этой партией очень важно, особенно в области культуры, поскольку ее вес среди интеллигенции несравненно больше, чем ее численность; лучшие писатели и т. д. у них[140]. Мы были уже на пороге совместного издания крупного журнала, главной задачей которого было бы начать преодоление продолжающегося вот уже 25 лет (или еще дольше) раскола венгерской литературы и искусства на сельскую и городскую[141]. Дело долгое время выглядело благоприятно, так как левая интеллигенция этой партии имеет действительное доверие к Реваи и ко мне. Переговоры, однако, провалились в последний момент, так как вожди «центра» этой партии против того, чтобы партия до заключения мира связывала себя такой кооперацией. То есть здесь много таких, в том числе и в правом крыле демократии, которые хотят сохранить полную свободу действий для возможных поворотов после заключения мира. Этим они, естественно, ослабляют дееспособность левого крыла демократии и продлевают это неблагоприятное и нерадостное временное состояние. Так что я и сейчас не могу указать никаких верных перспектив. Если я говорю, что мы, несмотря ни на что, пробьемся, то это только субъективная надежда.

Я думаю, уже из этого анализа вы видите, что я стал человеком не только загнанным, но, как говаривала Елена[108], «респектабельным». Это изменение принесло с собой некоторые интересные и приятные вещи, напр[имер], в январе я получил большую

литературную премию (премию Баумгартена), завтра получаю от города Будапешта премию за научную работу (премия Свободы). Это означает, что мы и в условиях инфляции можем жить без забот. «Респектабельность» приносит с собой вместе с очень многими излишними заседаниями, визитами и т.д. также и кое-что интересное. Постов у меня нет, ни в государственном аппарате, ни в партийном аппарате, но я принимаю участие во многих межпартийных обсуждениях (в обсуждениях, которые не имеют официального характера на уровне высокой политики, но по существу дела довольно важны) и благодаря этому познакомился со здешней относительно молодой демократической интеллигенцией, что было небезынтересно. Это положительные моменты, а отрицательные – то, что научная работа в таких условиях совершенно невозможна.

Но теперь довольно обо мне. Меня наполняет большим беспокойством то, что Елена больна – пожалуйста, пришлите нам при первой возможности подробное сообщение об уже, как мы надеемся, наступившем выздоровлении. Меня беспокоит также, что я и от Миши вообще не получаю прямых известий. Я предполагаю, что Вы письма, адресованные ему, переслали[142]. В ближайшие дни выходит маленькая хрестоматия Маркса на венгерском языке[143]; если возможность отослать это письмо затянется, то я пошлю с ним экземпляр для Миши. Веду, кроме того, переговоры с партийным издательством по поводу издания его работ[144]. Не исключено, что мне удастся этого добиться. На сегодня заканчиваю, так как нужно еще просмотреть и отредактировать массу вещей – поскольку у меня сегодня «незанятый» день.

Итак, большой привет вам всем (включая Фридлендера, повороты судьбы которого меня очень обрадовали[87]). Пишите как можно скорее и как можно подробнее. От Миши даже и двум словам буду рад чрезвычайно.

Дьюри

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу и своим друзьям
<без даты*, по-русски, от руки>

Дорогие друзья!

Я только что прочел одно письмо Юри, еще одно у меня есть, а прочие до меня не дошли. Надеюсь, что их удастся разыскать у Елены, которая сейчас больна. Я, наконец, демобилизован[145], после больших хлопот. Только что приехал в Москву, сделал свои дела и через несколько часов уезжаю обратно в Ленинград, где у меня еще Лида[111] и Вета[146]. В течение лета думаю перебраться в Москву. Страшно рад получить вести от Вас. Видел Анчи[147], которая прекрасно выглядит. По приезде в Ленинград напишу Вам подробно. По Вашему письму вижу, что бодрость и энергия есть; веры в будущее много. Я тоже стал легче смотреть в туманное будущее и надеюсь, что в новом положении мир будет выглядеть для меня более приятным. Не верю в то, что мы больше никогда не будем теоретически работать вместе. Мы еще создадим новый марксистский «Логос»[148]. Спасибо за присылку венгерской книжки[149]. К сожалению, не могу прочесть предисловие. Не забывайте меня.

Привет от Лиды. Целую вас. Миша.

* Весна 1946 г.

Д. Лукач – Мих. Лифшицу и друзьям
25 марта 1946 г.

Дорогие друзья,
я начинаю с важнейшего для меня актуального вопроса: Миша наконец снова свободен от военной службы и в Москве. Я надеюсь, что в результате снова может возникнуть непосредственная связь между нами. Будет ли она опять – как в старые добрые времена – теоретической, я, к сожалению, сомневаюсь. У меня очень мало времени, его почти нет для теории, и я, конечно, не знаю, каковы будут Мишины обстоятельства в Москве. Пока что я посылаю венгерский экземпляр Маркса и Энгельса о литературе и искусстве с моим предисловием[150]. Пассаж о Мише Гертруд для вас переведет отдельно[151]. Как я уже писал, я планирую издать здесь по крайней мере Мишиного Маркса[152]; план все еще в силе, но исполнение придется отложить, так как сейчас сколько-нибудь объемная книга стоит 6–7 миллионов пенгё, что примерно соответствует месячному окладу чиновника нижнего уровня. Есть, правда, несколько отчаянных издателей, которые печатают мои книги (так, в ближайшие дни в партийном издательстве выйдет моя книга о русских реалистах[153], а через несколько недель – книга «Гёте и его время»[154]). Но что они из тиража продадут, об этом лучше не думать. Вследствие этих обстоятельств и перевод Гертруд из Добролюбова[155] лежит в архиве издательства*.

* С того времени <как были написаны эти слова>, дело продвинулось; книга, вероятно, все-таки выйдет к маю <примечание Д. Лукача>.

Перехожу теперь к более интересным вопросам. Мы недавно успешно пережили кризис. Вы, может быть, читали, что партия большинства, Партия мелких сельских хозяев, была вынуждена исключить из своих рядов 20 реакционных депутатов вследствие давления масс снизу, прежде всего давления будапештских рабочих. Дело это было, несомненно, тактическим успехом левой партии и может – если обстоятельства останутся хорошими и партии будут действовать правильно – означать начало процесса оздоровления. За этот успех следует благодарить то, что реакционные силы, которые сами по себе довольно сильны, вследствие обстоятельств вынуждены были нанести удар преждевременно. Причина этого – в аграрной реформе. Теперь как раз время для того, чтобы юридически зафиксировать результаты раздела земли. Крупные землевладельцы собирают все силы, чтобы это саботировать и даже более того, чтобы аннулировать результаты раздела земли, под различными предлогами забрать у крестьян землю обратно. Это привело к довольно сильным волнениям на селе, которые наша партия и Национальная крестьянская партия умело использовали. Со времени объявления закона о разделе земли[156] отношения между рабочими и крестьянами еще никогда не были такими хорошими. Это изолировало реакцию от масс (за исключением городской мелкой буржуазии) и принудило ее к отступлению. Это отступление делается со многими и частью довольно умелыми уловками; истинная причина исключения 20-ти идеологически замазывается, и даже сомнительно, означает ли разрыв организационный разрыв на деле. Сейчас речь идет о том, удастся ли левым партиям дальше продвигаться

вперед. К сожалению, в самом решающем вопросе, в вопросе инфляции, почти нет шансов достичь чего-то мало-мальски успешного[157]. Возможно, однако, во-первых, юридически завершить аграрную реформу, а именно так, чтобы отклонить притязания крупного землевладения. Во-вторых, есть возможность провести энергичное сокращение в государственном аппарате и т.д., что с классовой точки зрения означало бы сильное ослабление власти Gentry[158]. В-третьих, есть возможность создать крестьянские товарищества, что до сих пор непрерывно саботировалось, в-четвертых, есть возможность в области огосударствления горнодобывающей промышленности добиться контроля над предприятиями, работающими на репарацию[159]. Все это не обойдется без больших боев. С моей точки зрения, дело не только в том, чтобы как-нибудь достичь этих целей, но и главным образом в том, чтобы борьба привела, с одной стороны, к углублению сегодняшних хороших отношений между рабочими и крестьянами, что означает, что крестьянские массы, которые сейчас в Партии мелких сельских хозяев (это, к сожалению, партия большинства[160]), приблизятся к нам, с другой стороны – что здесь теснейшим образом взаимосвязано, – чтобы разрыв, существующий между крестьянскими массами Партии мелких сельских хозяев, с одной стороны, и ее реакционным правым крылом из крупных капиталистов и крупных землевладельцев – с другой, углубился и стал бы осознан в крестьянских массах[161]. Насколько мы этого достигнем, сегодня еще не ясно. Очень многое при этом зависит от международного положения, от заключения мира[135] и т.д.

Конечно, успехи имеют и здесь сложные субъективные условия, постоянный контакт и возможно более свободное от трений сотрудничество между леводемократическими партиями. Здесь есть очень сложные проблемы.

Демократическое левое крыло Партии мелких сельских хозяев очень слабое и поэтому не всегда (и редко в достаточной степени) может влиять на крестьянский центр партии. В Национально-крестьянской партии нет единства. После выборов[162] преобладало правое крыло, и партия очень сильно подчинилась шовинистским течениям. Лишь реакционное нападение на земельную реформу вызвало здесь изменение, и на съезде партии, который прошел недавно, правое крыло потерпело поражение (этим я не хочу сказать, что левое крыло победило). С тех пор улучшаются, конечно, и наши отношения. Очень сложны также и наши отношения с братской партией[163]. Там тоже есть правое крыло, которое нельзя назвать несущественным. Хуже то, что левое крыло идеологически идет очень своеобразными путями. Оно хочет, например, – правда, только в пропаганде, не на практике, – перескочить через современную стадию демократии, ведет открытую пропаганду за социализм, отрицает важность национального вопроса и т.д. Отсюда возникают двойные трения между обеими рабочими партиями: как практический оппортунизм, так и пропагандистское ультралевачество приводят к многочисленным конфликтам, особенно в организациях нижнего уровня. В последнее время состоялись и теоретические дискуссии между теоретическими органами обеих рабочих партий[164]; приведут ли они к выяснению или к обострению отношений, пока

еще не ясно. Все это разыгрывается в основном за кулисами, в длинных личных встречах и т.д.

Такова общая картина. Для специфики моей партийной работы среди интеллигенции отсюда следует: очень много работы и очень мало результатов. В партии ужасно много комиссий и заседаний, докладов, брошюр и статей, но ни большинство массы интеллигенции, ни большинство действительных верхов не завоевано для демократии. В этой связи расскажу, что вас, может быть, заинтересует, что в связи с опубликованием моих первых вещей начинаются литературные дискуссии. Пока на уровне защиты l'art pour l'art* и чистого «мастерства» против притязаний реализма[165]. Но и здесь мы стоим лишь в начале.

Надеюсь, это письмо застанет вас всех, прежде всего Елену[108], в более хорошем состоянии, чем раньше. Болезнь Елены нас обоих очень обеспокоила. Пожалуйста, напишите подробно, как ее состояние сейчас. И про состояние Раи[166]. Если у Игоря есть экземпляр его Щедрина[167], пусть его пошлет, может быть, позднее можно будет сделать перевод.

На обороте (см. ниже. – *Ред.*) я еще добавляю для Миши перевод тех частей (из предисловия к сборнику), которые касаются его.

Сердечный привет всем вам шлет Дьюри
Гертруд**

Отбор и компоновка – работа проф. Лифшица, превосходного <ausgezeichneten> исследователя в области марксистской эстетики. Правда, в обстоятельствах нашей страны невозможно издать этот сборник

* Искусство для искусства (*франц.*).

** В письме именно так: сначала Дьюри, а потом Гертруд, хотя письмо писал Д. Лукач.

во всей его полноте. Проф. Лифшиц издал на русском языке полное собрание литературных штудий Маркса и Энгельса в объемном томе в 800 страниц[168].

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
Москва, 7 ноября 1946 г.
<по-русски, от руки>

Мои дорогие друзья!

Я с радостью узнал из ваших писем к Елене, что вам живется хорошо, что жизнь ваша наполнена полезной работой, короче говоря, что вы «возделываете свой сад». Этому можно только завидовать. Дело, конечно, не только в благоприятных внешних обстоятельствах, но прежде всего в вашей изумительной, истинно-мудрой философской способности, применяясь к любым обстоятельствам, находить удовлетворение в деятельности. Будем надеяться, что после первого пароксизма общественной работы вы получите также возможность создавать что-то новое для европейских читателей в широком смысле слова. Пишу вам в день праздника Октябрьской годовщины и поздравляю с нашим XXIX-летним юбилеем. Лида тоже просит передать свои поздравления.

Я только что перебрался в Москву; еще не успел привести в порядок свои книги. Только что начал новую, гражданскую работу. Работа эта преподавательского характера – я вернулся к преподаванию философии. Внешние и материальные стороны жизни устраиваются более или менее благополучно; не знаю, конечно, насколько прочно. Что касается внутренней

нашей жизни, то вы, вероятно, имеете наши газеты. «Культура и жизнь»[169] дает полную картину послевоенного состояния нашего идеологического фронта. Могу еще добавить для полноты картины, что Ермилов[170] вот-вот будет назначен редактором «Литературной газеты», а председателем вновь созданной в Союзе писателей секции критиков является Кирпотин[171] (его заместитель – Альтман[172]). Мне непосредственно не приходится иметь дело ни с Союзом, ни с газетами, так как я давно ничего не писал и, занятый преподавательской работой, едва ли буду писать. Впрочем, как обернутся дела, предвидеть трудно, но при всех случаях я надеюсь продержаться на достигнутой в настоящее время точке покоя.

Плохо то, что Юдин[173] тоже, кажется, будет редактором какого-то журнала; по этому поводу Елена в волнении, но я в тайне надеюсь, что бог этого не допустит.

До нового года я еще буду занят всякими работами, а с 1 января 1947 года, если ничто не помешает, думаю отдаться немного наукам. Меня тоже интересует распространение экзистенциализма на Западе; кое-что из сочинений Сартра я уже читал, остальное думаю достать. Цели прямой у меня нет, но думаю как-нибудь послужить критикой буржуазной философии. В последнее время я много писал для ВОКСа, писал, конечно, ремесленно, как пишут в это учреждение, но все-таки из этого получилось нечто не лишенное интереса. Я сочинил большую статью о философии истории Герцена и еще большую (что-то около пяти листов) о русской критике, принципы которой излагаю в систематическом порядке. Это предисловие к большому, составленному мной сборнику «Класси-

ческая русская критика». Сейчас я думаю составить также сборник из сочинений Герцена, написанных на французском языке – главным образом, о судьбах Европы. Это очень интересно. Таким образом, я кормлю свое семейство. В Информбюро больше не пишу, там перемены.

Настроение у меня сносное. Может быть, это объясняется общей моей усталостью, которая несколько охлаждает порывы даже к научному чтению и тем вносит примирительный тон в мою жизнь. Мне бы хотелось получить от вас когда-нибудь письмо, адресованное лично мне, так как, при всей моей любви к Игорю и Елене, я образую автономную республику.

Обнимаю вас и прежде всего желаю здоровья.

Мих. Лифшиц

P.S. Ваш привет «Конюха»[174] мне передала; книги обещает передать, я их еще не видел. Привет Габорам[175].

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
Москва, 9 января 1955 г.
<по-русски, от руки>

Дорогой Георг!

Недавно я получил предназначенную для меня книгу («Die Zerstoerung der Vernunft»[176]). Очень благодарен Вам за этот подарок. Пользуюсь случаем, чтобы попросить книгу о молодом Гегеле[177]: здесь ее достать нельзя. Если Вы можете послать мне ее, сделайте это, пожалуйста, по адресу: Академия наук СССР, Институт истории, Волхонка 14, для меня.

О моей жизни Вы, наверно, что-нибудь знаете. Очень грустно, что после Вашего отъезда Вы ни разу не написали мне[178]. Но должно быть, для этого у Вас были достаточные основания. Так или иначе, я всегда отношусь к Вам и Гертруд с прежним расположением. Поздравляю с Новым годом, желаю Вам и всем Вашим близким здоровья и счастья. Лида также желает Вам этого.

Большой привет от всех Ваших знакомых.

Мих. Лифшиц.

Д. Лукач – Мих. Лифшицу
Будапешт, 25 января 1955 г.*

Мой дорогой Миша!

Мы были чрезвычайно рады получить от Вас письмо[179]. Книга о Гегеле[180] уже ушла к Вам на указанный адрес. Надеюсь, Вы ее получите, но я очень Вас прошу подтвердить мне в нескольких строках ее получение.

Конечно, очень скверно, что мы так мало знаем друг о друге. Но ужасно трудно вести с такого большого расстояния в пространстве и времени переписку, которая затрагивает действительно важные вопросы. Гертруд знает, как часто я говорю о том, что определенные вопросы можно было бы обсуждать только в личной беседе с Вами. А к каждому письму нужно было бы прилагать книгу, которая рассматривала бы внутренние и внешние предпосылки соответствую-

* Письмо, судя по его содержанию, написано в 1955 г., а не в 1954 г. (эта дата стоит в письме), потому что является ответом на предыдущее письмо Лифшица.

щей проблемы и мою позицию по отношению к ней. А это, конечно, невозможно. Можно только надеяться, что добрая судьба подарит нам все-таки еще одну встречу. Сейчас неожиданно появилась возможность для меня поехать в мае в Хельсинки на большую встречу по вопросам мира. Может быть, дорога пойдет через Москву[181]. В этом случае я дам Вам знать телеграфом о возможностях личной встречи. Вашу прекрасную и очень поучительную для нас статью мы оба прочитали с большим удовольствием[182]. Было бы, конечно, исключительно интересно услышать Ваше мнение о моих книгах.

Я прошу Вас передать Игорю, Елене и всем другим друзьям большой привет от нас обоих. Мы постоянно думаем о днях, которые мы провели вместе в Москве и особенно о беседах, бывших у нас с Вами.

С сердечным приветом в духе старой дружбы

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
21 октября 1955 г.
<по-русски, машинопись>

Дорогие Гертруд и Георг!

Благодарю вас за добрые слова обо мне в письме к Игорю[183], которое он дал мне прочесть. Что касается извинений, то это скорее мы должны извиняться, что не поздравили вас с семидесятилетием Юри. К счастью, весь мир сделал это[184], так что наше отсутствие не так заметно. Хотя и с опозданием, я хотел бы пожелать Вам еще многие годы деятельной и счастливой жизни.

Перелистывая книгу, изданную к семидесятилетию Юри[185], можно удивляться и даже завидовать такой глубокой связи с благодарным читателем. Что может быть лучше этого? Больше всего мне нравится поздравление Томаса Манна[186]. Он многое понимал, жаль, что старика уже нет на свете[187].

«Die Zerstoerung der Vernunft»[176] мне понравилась. Это, вероятно, и есть та «Критика нечистого разума», о которой мы когда-то беседовали с Юри. Я мог бы сказать кое-что, но вполне разделяю Ваше мнение, что беседовать по теоретическим вопросам на таком расстоянии друг от друга трудно. По крайней мере, в двадцатом веке это не принято.

Хочу сообщить Вам, что эта книга намечена к переводу в «Издательстве иностранной литературы»[188]. Надо будет постараться, чтобы переводчиком оказался Игорь[189]. Еще один вопрос: Вы уже знаете, что студенты Университета перевели «Молодого Гегеля»[190]. Редакция «Вопросов философии» выразила желание напечатать часть этой книги в журнале. Статья может быть размером не более полутора печатных листов. Но за ней может последовать другая статья. Редакция просит указать, что Вы сами считаете более всего удобным и важным для опубликования в журнале. Может быть, раздел об экономических занятиях Гегеля[191]? Напишите, пожалуйста, об этом как можно скорее. Что касается приглашения, то это не исключено. Делаю то немногое, что могу, и надеюсь на успех этой идеи, если не сейчас, то в недалеком будущем[192].

Еще раз желаю всего лучшего.

Лида кланяется Вам. Усиевичи также просят передать привет. За последние годы мы так сблизились с ними, что составляем почти одну семью.

М. Лифшиц

Д. Лукач – Мих. Лифшицу
Будапешт, 13 ноября 1955 г.

Дорогой Миша!

Мы оба, Гертруд и я, Вашему письму очень обрадовались[193]. Большое спасибо за поздравления к 70-му дню рождения. Конечно, было жаль, что мы тогда так и не смогли увидеться. Но для меня неизменно остаются наиглавнейшими Ваша оценка, Ваше отношение ко мне, а также оценка и чувство всех других тамошних друзей, Игоря и Елены. Я, конечно, очень был рад немецкой юбилейной книге[194], в особенности потому, что из нее было видно, как велико количество молодых людей, на которых подействовали мои вещи[195]. Но Ваше письмо с подтверждением того, что Вам понравилось «Разрушение разума», в моем ощущении намного важнее. Очень позабавила меня Ваша остроумно переделанная цитата из бальзаковского «Дома Нусингена» о критике нечистого разума[196]. Вы этим в очередной раз попали в самую точку вопроса.

Новости, которые Вы сообщаете, нас тоже очень обрадовали. Конечно, было бы очень хорошо, если бы «Разрушение разума» смогло выйти на русском. Но было бы очень важно, чтобы за перевод взялся Игорь – хотя жертва это была бы немалая, – так как иначе есть опасность того, что в русском тексте будет очень много неясного и могущего быть непонятым <Missverständliches>. Постарайтесь этого добиться – если, конечно, план перевода серьезный.

О плане студентов перевести «Молодого Гегеля» я уже слышал[190]. С выбором экономической главы для

напечатания в Woprosi Filosofii* я был бы согласен. Я бы только попросил при опубликовании добавить примечание в том смысле, что здесь речь идет об изображении экономических воззрений Гегеля и что в книге специальная глава посвящена критике этих воззрений.

О нас можем сообщить мало нового. Гертруд, к сожалению, опять болела, но сейчас вышла из больницы и чувствует себя вполне хорошо. Наш прекрасный план совершить в сентябре-октябре поездку в Италию не осуществился из-за трудностей с визами[197]. Но сейчас, похоже, что эта поездка сможет состояться в марте-апреле. В остальном я завален различными делами (на следующей неделе должен даже в качестве депутата принимать участие в заседаниях парламента), так что первый том «Эстетики» продвигается очень медленно[198].

Мы оба с радостью прочитали про хорошие отношения, которые связывают всех вас в Москве в большую семью. Как было бы прекрасно – мы надеемся, что все еще остаемся членами этой семьи – принять участие в таких встречах. Надеемся, что это еще сбудется.

С приветом всем друзьям в духе старой дружбы

<от руки> Дьюри

Сердечный привет и старая дружба относятся, разумеется, и к обойденным в этом письме Дьюри вниманием женщинам Лиде[111] и Рае[166].

<от руки> Гертруд

* Название журнала «Вопросы философии» в оригинале немецкими буквами. – *Перев.*

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
1955 г. <?>
<по-русски, машинопись>

Дорогой Георг!

Я получил в конце концов Вашу книгу[199]. Дело задержалось просто вследствие беспорядка в нашем институте. Очень тронут Вашим посвящением[200]. Спасибо, это доказывает, что Вы не забыли меня, погребенного под обломками тридцатых годов. Я с волнением узнал из Вашего письма[201] о возможном свидании с Вами и молю марксистского бога о том, чтобы Ваш путь лежал через Москву. Есть многое, о чем нужно было бы поговорить, не для удовольствия только, но для пользы дела.

К сожалению, я не могу послать Вам мои книги – их у меня нет; в последние годы было не до книг, да и не от меня это зависит. Посылаю чужую книгу, которая, может быть, будет Вам полезна для чего-нибудь. Решил послать также оттиск моей статьи о Вольтере[202], напечатанной 2 года назад. В ней много недостатков, она написана для популярного журнала, но есть и кое-что оригинальное. Лида также посылает Вам оттиск одной из своих статей по современному западному искусству. Это все, чем мы располагаем в настоящее время.

Мы с радостью узнали, что Вы оба чувствуете себя хорошо и что внешние условия жизни не оставляют желать лучшего. Надо что-нибудь сделать, чтобы Ваши книги выходили здесь. Несколько лет назад мы с Игорем перевели Вашу полемику против экзистенциалистов[203], но, после долгих разговоров, книга не

была издана. Теперь обстановка лучше, но требуется небольшой толчок со стороны самих венгров.

Все наши друзья кланяются Вам и желают здоровья.

Мариша Усиевич[204], которая теперь уже экономист, работает в Академии Наук и недавно делала доклад на советско-венгерской сессии, имеет просьбу к Ферри[107]. Нельзя ли попросить его посылать ей лекции и брошюры, выходящие в Венгрии по экономическим вопросам? Она прекрасно читает по-венгерски, написала книгу о венгерской экономике. В обмен она могла бы посылать необходимые русские книги. Она просит также устроить, чтобы учреждение, в котором работает Ферри, высылало в Институт экономики Академии Наук СССР Волхонка 14 (там имеется специальный закрытый отдел) те материалы, которые получают другие институты, как то экономический бюллетень посольства и Sztatusztikai evkonyv 1951, 1952, 1953, 1954.

Еще раз – большой привет от всех Вам и Гертруд.

Ваш М[иша]

По просьбе Мариши прошу Вас передать Ферри, что экономические учреждения других стран народной демократии уже установили постоянный контакт с их Институтом, обмен делегациями, книгами и т.п. Только с Венгрией этого пока еще нет. Не заинтересует ли это Ферри?

Привет ему и Анче[147] от меня и Лиды.

М. Лифшиц – Д. Лукачу
5 февраля 1956 г.
<по-русски, от руки>

Дорогие друзья!

Давно уже пора написать вам, но занятость и бессонница подавляют всякие добрые побуждения. Надеюсь, что Вы здоровы, что «Эстетика» движется, что Вы приняли предложение Института философии посетить нас[192].

В последние месяцы по отношению к Вам, Георг, есть много хороших признаков. Я имею в виду интерес и внимание с разных сторон. Благожелательные рецензии заказаны в «Иностранной литературе» и в «Вопросах философии»[205]. Книги Ваши бывают в московском магазине иностранной литературы и быстро раскупаются. Не дошла до нас, почему-то, лишь книга о «Молодом Гегеле». Недавно Игорь редактировал перевод отрывков из этой книги, которые должны быть напечатаны в «Вопросах [философии]», и будет также переводчиком Вашей книги для издательства[206], к сожалению, пополам с еще одним товарищем. Говорят, что это делается для ускорения выхода перевода на русский язык. Действительно в издательстве «Иностранной литературы» так поступают, обычно, при переводах. Надеюсь, что это не отразится на качестве. Мы с Игорем считаем, что книга о Гегеле хорошо написана, не говоря о серьезности ее содержания.

Напишите, пожалуйста, когда Вы думаете быть в Москве, ибо я не сомневаюсь в Вашем желании посетить нашу столицу. Если что-нибудь мешает Вам, мне хотелось бы это знать. У нас сейчас организуются

экскурсии в страны народной демократии, и не исключена возможность, что мы с Лидой могли бы поехать в Венгрию[207]. Разумеется, в этом будет играть большую роль желание встретиться с Вами.

Желаю вам обоим здоровья.

Привет детям. Лида, Игорь и Усиевичи кланяются. Миша

Д. Лукач – Мих. Лифшицу

Будапешт, 18 февраля 1956 г.

Дорогой Миша!

Ваше письмо[208] нас обоих очень обрадовало. Прежде всего перспектива, что мы все-таки сможем еще раз лично встретиться в обозримом будущем. Я пока ничего не знаю о приглашении Института философии[209]. Когда я его получу, я не только отвечу официально[210], но и напишу Вам[211], чтобы эта поездка одновременно привела бы к встрече с Вами и другими друзьями. На этот год моя программа поездок, к сожалению, и так уже слишком плотная. На следующей неделе я, предположительно, поеду в Варшаву, выступать с докладом. В начале апреля – сессия Всемирного совета мира, предположительно в Италии[212]. Вслед за этим я буду выступать с циклом докладов в важнейших итальянских городах и, вероятно, также и в Швейцарии, и в Вене. То есть я буду в разъездах до середины мая. На август мы приглашены в Германию[213] и вряд ли будем обратно в Будапеште раньше середины сентября. Все эти даты я Вам пишу прежде всего потому, что Вам и Лиде надо согласовать с ни-

ми Вашу будапештскую программу. Ведь было бы, можно сказать, катастрофой, если бы Вы приехали в Будапешт[214], а нас бы случайно не было. Гертруд и я были бы чрезвычайно рады возможности приветствовать Вас в нашем новом доме[215].

И другим известиям я тоже был рад. На «Woprosi Filosofii» я подписан, так что ту рецензию, которая, возможно, появится, я получу[216]. Но на «Inostrannaja Literatura» – нет. Я был бы Вам очень благодарен, если бы смог через Вас получить номер с рецензией[217]. Еще важнее было бы, конечно, издание книги побольше. Насколько я понял Ваше письмо, речь сейчас идет о моем Гегеле. Мне бы, конечно, хотелось, чтобы раньше вышло «Разрушение разума» – но так тоже хорошо. Надеюсь, что выполненный не Игорем перевод будет верным и читабельным. Во всяком случае, прошу Игоря позаботиться о том, чтобы книга получила свое настоящее название: «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества»[218]. В швейцарском издании я вынужден был ослабить название[219].

«Эстетика» продвигается медленно. Я мечтаю о том, чтобы закончить первый том в конце этого года. Но, возможно, это только мечта[220].

У нашей большой семьи (16 человек, считая 8 внуков)[221] дела идут хорошо – надеемся, что у Вашей тоже.

С большим сердечным приветом от дома к дому и всем друзьям

Ваши Георг и Гертруд

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
28 апреля 1957 г.
<по-русски, от руки>

Дорогой Георг!

Поздравляю Вас и нашу дорогую Гертруд с великим пролетарским праздником.

Из газет я узнал, что Вы вернулись к научной работе[222]. Это хорошо для научной работы. В последние месяцы мы очень беспокоились о Вашем здоровье[223]. Надеюсь, что с детьми тоже все в порядке.

Мы с Лидой желаем Вам, Гертруд и всему семейству здоровья и счастья.

Мих. Лифшиц

Д. Лукач – Мих. Лифшицу
Будапешт, 8 ноября 1957 г.

Дорогой Миша,
собственно, Гертруд уже сказала все существенное о полученной нами Вашей работе[224]. Я не хочу все повторять, но не могу не выразить и с моей стороны восхищения Вашим анализом. Удивительно, как в нем мировоззренческое непрерывно переходит в художественное и наоборот. Так должно бы быть всегда – но кто может это делать, кроме Вас? По крайней мере, мне это удовлетворительно удавалось только очень редко. И особенно радует то, что после такой долгой разлуки принципиальное единство по решающим вопросам осталось. Расхождения в способе выражения меняют в этом очень мало.

Потому что я в последнее время в небольшой книге об актуальном значении критического реализма, вышедшей пока только на итальянском[225], главную атаку также направил против ревизии марксистской эстетики, но наряду с этим – и это было при данных обстоятельствах необходимо – попытался показать, что борьба против ревизионизма будет бесполезной, пока позиции догматиков не будут разрушены теоретически. У Вас была счастливая тема, позволившая Вам истолковать эту полемику, всегда сохраняя дистанцию, и создать нечто намного более стройное и красивое, чем это удалось мне. Надеюсь, что вскоре мы получим другие Ваши работы.

В остальном про нас мало что можно сообщить. Я мучаюсь над главой о мимезисе в моей «Эстетике», написал уже 300 страниц, а земли еще не вижу. Если не говорить о внутреннем беспокойстве этого процесса работы, мы живем внешне очень спокойно, хотя есть и кое-что волнующее и беспокоящее.

Здесь распространилось известие, что «Разрушение разума» выйдет на русском языке. Правда ли это? Для нас это была бы большая радость, но мы не отваживаемся еще этому верить. Может быть, Вы или Игорь напишете несколько строк и об этом.

Я забыл Вам написать, что мои ученики тоже с восторженным восхищением изучают эту Вашу работу.

Передавайте привет от нас обоих Лиде, Игорю, Елене и всем другим нашим друзьям.

Ваш Дьюри

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
1 мая 1963 г.
<по-русски, на машинке>

Дорогие, бесконечно дорогие друзья!

Как тяжело, что стена постоянно возникает между нами; былые дни нашей близости и совместной работы кажутся золотым веком. Я вспоминаю подвал Рязанова[57], времена «Литературного критика»[120], наши постоянные разговоры на самые разнообразные темы. Жаль, что у нас не было, по крайней мере, записывающего аппарата.

Мы с Лидой так рады были слышать о вас обоих от тов. Золтаи[226] – каждое известие, доходящее до нас, мы всегда ловим с жадностью. Берегите здоровье и подавайте о себе время от времени какие-нибудь весточки.

Я благодарю Юри за книгу о реализме[227] и за доброе намерение прислать мне его «Эстетику», о которой я много слышал, хотя читал только одну главу в немецком журнале[228]. К сожалению, по независящим от меня обстоятельствам, я не мог написать Вам[229]. Не теряю надежды, что положение изменится и будет возможно постоянное общение между нами.

Недавно мы справляли 70-летие Елены[108]. Собралось человек пятьдесят, в том числе Юдин[173], Розенталь[230] и другие, кто жив. Нет, к сожалению, В.Б. Александрова (Келлера)[231], нет Андрея Платонова[232], Лизы Рамм[233]. Вечер прошел тепло и вылился в юбилей журнала. Нужно сказать, что за последнее время отношение к «Лит. критику» меняется, а молодежь охотно читает его. Но в головах людей все же большой беспорядок, много нелепых представлений,

и мало кто понимает, что в те времена были созданы ценности, которые могут служить исходным пунктом для движения вперед. Стихийная реакция в сторону всякого модернизма и не-марксизма очень сильна. Как Вы понимаете, защитники так называемой догматики своей защитой много способствуют этой стихии и сами недалеко ушли от нее.

В тот день, когда совершится, как я надеюсь, Юри, Ваше восстановление во всех регалиях[234], можно будет снова начать дело там, где мы оставили его после второй дискуссии – в 1940 году[235]. Это в высшей степени важно для теоретического марксистского роста нашего молодого поколения. А в этом именно, если я не ошибаюсь, ключ к будущему. Я слишком хорошо знаю, что Вы способны сами разобраться в своих делах. Я горжусь тем, что Вы голосовали против выхода из Варшавского пакта[236]. Это для меня в данном случае достаточно ясный показатель, а все остальное, как это бывает на свете, я смогу живо себе представить. И если я пишу о том, что для общего дела было бы чрезвычайно важно Ваше возвращение в партию[237], то это лишь моя мечта. У меня, как Вы понимаете, могут быть для этого причины, и не только личные.

О себе ничего интересного рассказать не могу. Старею, одолевают разные физические немощи и недуги, но, разумеется, еще не увял, производство идей не сократилось и боевой пыл еще есть. Беда в том, что не с кем поговорить, кроме Лиды. Елена очень ослабела, главным образом, вследствие приема разных лекарств, действующих на мозг и нервную систему. Игорь[89] много пьет и стал еще более мотыльком, чем в прежние времена. Дружу немного с Твардовским[238], но он не принадлежит к людям, интересующимся

теорией. Есть молодые друзья, но без полного единства взглядов. У них уже, по причинам общего порядка, не хватает царя в голове. Незаметно для себя я стал, таким образом, исторической реликвией, обломком прошлого.

Кстати, я дед и скоро буду им дважды. Вета[146], которая так смеялась, когда Юри говорил по телефону, теперь уже мать. Сын давно работает, он историк. Младшая дочь окончила университет и тоже работает, она историк искусства по античности[239]. Надеюсь, что ваши дети и внуки[240] здоровы, что все у них ладится, все хорошо.

Очень хотелось бы увидеть вас обоих, но реальные возможности пока невелики. Мы с Лидой молимся нашему марксистскому богу о вашем здоровье и благополучии. Самые лучшие, теплые сердечные пожелания нашей дорогой Гертруд[241] и Вам, Юри, от нас обоих. Привет всему семейству.

До свидания. Мих. Лифшиц

Пришлите, если можно, фотографии.

Д. Лукач – Мих. Лифшицу
Будапешт, 15 мая 1963 г.

Дорогой Миша, дорогая Лида!

Ваше письмо[242] и сообщение Золтаи[226] о Вашей жизни были для меня большой радостью, хотя я и то, и другое получил в период отчаяния. 28 апреля умерла Гертруд. Единственное, что успокаивает, это что она умерла относительно спокойно и что ее смерть

освободила ее от нечеловеческих и безнадежных мучений.

Я не хочу говорить в деталях о себе. Вы знаете, и я знаю, что надо жить дальше, работать дальше. Хотя справиться с этим – нелегкая задача. Разумеется, Вы правы, когда пишете о золотом веке наших встреч тридцать лет назад. С тех пор, как мы расстались, положение для меня было такое же, что и для Вас: действительно делиться своими мыслями до того, как они созрели, можно было только с Гертруд. Я, конечно, не хочу жаловаться, у меня есть хорошие друзья и очень способные ученики[243]. Но все это только чтобы делиться уже для этого созревшим, не для мыслей in statu nascendi*. А для работы, как и для жизни, именно это является решающим.

Я очень был рад различным известиям, прежде всего о том, что Вы сохранили нерушимую веру в то, что я в тяжелых конфликтах все же принял в конечном счете верное решение – разумеется, это решение в непосредственной практике не обязательно должно быть полезным. То есть Ваша радость [по] тому [поводу], что в деле Варшавского пакта я решил верно, справедлива. Здесь я хотел бы только сказать, что я в эти времена никогда не имел ничего общего с какой-либо группой. Я всегда выступал как идеолог, который ответствен только перед собственной совестью и перед историей. Если Вам неизвестна моя тогдашняя речь в политической академии партии, попытайтесь ее получить; она опубликована на немецком в журнале «Ауфбау»[244] в сентябре 1956-го.

Что касается моей итальянской работы, в которой действительно выражается моя сегодняшняя точка

* В стадии зарождения (*лат.*).

зрения[245], то я при случае попытаюсь достать Вам экземпляр. Но мне вспомнилось сейчас, что здешние экономисты приходили к дочери Елены Феликсовны, и та посоветовала им прочитать эту работу. Может быть, Вы через них сможете получить этот текст быстрее, чем я смогу его послать. Наконец, что касается принадлежности к партии, то не от меня зависит, что обстоятельства остались неурегулированными. Сразу после моего возвращения из Румынии я направил письмо в компетентную инстанцию, в котором я высказал желание перевести мое старое членство в партии в новую партию[246]. На это письмо я до сегодняшнего дня ответа не получил. Итак, если этот вопрос не урегулирован, то зависит это не от меня. Я знаю, конечно, как желательно, и не только с моей точки зрения, было бы урегулирование. Но тут я ничего не могу сделать.

В вопросе марксизма мы, конечно, одного мнения. Я убежден, что если Вы читаете мои работы, то Вы тоже того же мнения. Моя «Эстетика», т.е. первая часть, появится предположительно уже этим летом. Я обязательно попрошу переслать Вам экземпляр[247]. Вы один из немногих людей, суждение которых для меня в этом деле важно. Ведь Вы знаете из наших разговоров мое скептическое мнение о ценности моего производства. Но я думаю, что сегодня жизненно важным вопросом является построить мост из прошлого в будущее. Что и попытался я сделать в этой книге. Для меня вторичный вопрос, если выяснится, что мост всего лишь понтонный, который рано или поздно будет убран и заменен более солидным.

Я был рад услышать от Вас и Ваши семейные новости. И я сообщу Вам в телеграммном стиле о моей

семье. Старший сын Гертруд стал, как Вы знаете, всемирно известным физиком. Сейчас он работает над крупными вопросами физики, которые очень значимы философски. Младший сын, которого Вы, вероятно, знаете по Москве, из хорошего инженера стал великолепным экономистом. Его первая книга выходит на венгерском языке в этом году. Моя дочь счастливо замужем и у нее двое прелестных детей 12 и 10 лет[240].

Простите сухость этой хроники. Но ничего лучшего у меня не выйдет, а слишком затягивать дело с письмом Вам я не хотел. Пожалуйста, передайте Лиде и всем московским друзьям мой сердечный привет.

<от руки> Ваш Г. Л.

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
27 мая 1963 г.
<по-русски, машинопись>

Дорогой Юри!

Печальное известие, заключенное в Вашем письме, тяжело поразило нас с Лидой. Милая Гертруд была для меня не только Вашей верной подругой – у меня были личные основания ценить ее высокое благородство, ее симпатию ко мне[248]. Теперь увидимся только в Елисейских полях. Но это уже не так далеко.

Я не хочу больше растравлять Вашу свежую рану. Вы правы – нужно найти в себе силы, чтобы жить и работать. Труд не опиум, но в известных случаях он – анестезирующее средство. Это большое счастье, что Вы увлечены трудом, не теряете веры в его необходимость. Что касается Вашего скептического

отношения к своим литературным произведениям, то как может иначе относиться к этому марксист, знающий свою обусловленность и свои границы? – При всем том, очень хорошо, что Вы много пишете. Производительность – это важная черта таланта. Я нимало не сомневаюсь в богатом содержании Вашей «Эстетики», из которой мне известна только одна статья в журнале «Зинн унд форм»[249].

Содержание Вашего письма я сообщил Игорю. Елена в настоящее время тяжело больна, лежит в больнице. Прошу Вас передать мое сочувствие и самые теплые приветы Вашим детям. Все мои близкие кланяются Вам. Мы с Лидой обнимаем Вас и желаем крепких сил для жизни и труда.

Ваш Мих. Лифшиц

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
3 ноября 1963 г.
<по-русски, машинопись>

Дорогой Юри!

Позвольте поздравить Вас с днем великого Октябрьского праздника. Лида присоединяется к этому поздравлению и к тем искренним лучшим пожеланиям, которые я Вам посылаю.

К сожалению, я еще не мог прочесть Вашу статью в «Nuovi argomenti», но я нашел этот журнал и собираюсь прочесть. Недавно в английском журнале, занимающемся восточной Европой – Survey, я прочел статью о Вас какого-то ренегата, видимо, знающего русский язык и Москву тридцатых годов. Этот автор

утверждает, что Вы теперь находитесь в конфликте с молодежью, которая настроена в духе модернизма, а не классики. Такая ситуация и мне знакома. Думаю, однако, что у детей тоже бывают дети.

Последнее мне очень хорошо известно, так как у меня родился уже второй внук.

Сведения о наших общих друзьях не будут особенно утешительны. Елена очень больна и уже не встает с постели. Недавно я присутствовал на церемонии вручения ей ордена по случаю семидесятилетия. Игорь в своем обычном репертуаре. Он много редактирует для «Нового мира», переводит какие-то книги с немецкого[250]. Недавно написал статью о модернизме, весьма критическую, за что его ругают наши либералы[251].

Мне хотелось бы получить Ваши фотографии и фотографии бедной Гертруд, которую мы так любили.

Большой привет и лучшие пожелания Вашим детям.

С неизменной старой дружбой

Мих. Лифшиц

Д. Лукач – Мих. Лифшицу
Будапешт, 11 ноября 1963 г.

Дорогой Миша!

Прямо перед тем, как я собрался отсылать Вам «Эстетику» и одно ранее написанное письмо, пришло письмо от Вас. Большое Вам за него спасибо. Немецкую версию статьи из «Nuovi argomenti»[252] я так и так хотел Вам послать. Что про меня за границей

очень много писали и пишут глупого и злобного, я рассматриваю как хороший знак: в определенных реакционных кругах находят, что мои работы оказывают слишком большое влияние на интеллигенцию, и хотят это остановить. Что имеются противоречия с частью молодежи, настроенной решительно модернистски, – это, конечно, верно. Она имеется и здесь. Немало есть таких, которые думают, что критерием разрыва с догматизмом является увлечение Пикассо. Это, конечно, детскость, но в определенных кругах пока имеет действие. С другой стороны, догматики, кампания которых против меня по линии ревизионизма привела к сомнительным успехам, пользуются этим сегодня для того, чтобы <показать>, что я собственно консерватор, не понимающий сегодняшнее время. Ну, что ж. Во всяком случае, я убежден, что – если смотреть с большой перспективы – все модернистское движение приходит в упадок. Оно, конечно, будет еще долго производить большой шум. Если можно, пришлите мне, пожалуйста, статью Игоря (хотя я и просил Вас в последнем письме писать Ваши заметки по эстетике на немецком, это, конечно, не значит, что я совсем разучился читать по-русски. Это только особое пожелание для данного случая, что очень важен для меня).

Передайте, пожалуйста, от меня привет Лиде и всем московским друзьям, особенно Игорю и Елене. Я очень сильно переживаю, что она до сих пор больна. Пожалуйста, передайте ей от меня сердечный привет и пожелания скорого выздоровления. Посылаю Вам также фотографию нас с Гертруд, снятую прошлой зимой.

Ваш искренний друг

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
Москва, 21 марта 1964 г.
<по-немецки, машинопись>

Дорогой Юри!

С величайшим удовольствием прочитал Ваше интервью чешскому еженедельнику[253]. Само собой разумеется, я в целом того же мнения. Не хочу вдаваться в детали, так как такие мелочи можно по-настоящему обсудить только при личном разговоре. И потом нельзя переоценивать мои возможности в искусстве писания немецких писем.

Надеюсь, что мы кое-что из этого интервью сможем напечатать на русском языке. Твардовский очень его хвалил[254].

Получили ли Вы что-нибудь от Игоря? Он мне сказал, что написал Вам и послал бандероль, но ответа еще не получил.

Елена чувствует себя лучше, но все-таки она, бедная, так стара и слаба, что вряд ли будет диктовать свои мемуары.

Моя последняя работа наделала здесь много шуму. Я послал Вам оттиск[255].

<от руки> Большой привет от Лиды и всех друзей.

Ваш Мих. Лифшиц

Д. Лукач – Мих. Лифшицу
Будапешт, 28 марта 1964 г.

Дорогой Миша!

Я очень был рад Вашему письму от 21 марта. Особую радость мне доставила статья из «Нового мира»[255]. Это шедевр полемики. Не только разорван на куски совершенно неизвестный мне автор совершенно справедливым образом, но, кроме того, в очень конкретном анализе его воззрений всплывают и общие актуальные проблемы, которые и здесь играют большую роль и с которыми никогда еще не боролись соответствующим образом. Я как раз вчера подробно говорил с моими молодыми друзьями, нельзя ли было бы опубликовать эту статью в какой-либо газете. Она теоретически была бы здесь чрезвычайно полезна.

Большой радостью для меня было и то, что мое интервью у вас понравилось. Конечно, из такого далека можно установить только общие соответствия; о деталях можно вести только непосредственный личный разговор. Что вещь понравилась Твардовскому, это очень хорошо; для меня здесь – и для правого дела тоже – много значило бы, если бы она смогла появиться в «Новом мире»[256].

Теперь еще один вопрос, который у меня на сердце. Я слышал и не знаю, насколько моя информация верна, что Ваша большая книга потому не выходит, что Вы не считаете ее вполне законченной[257]. Позвольте мне, пользуясь традицией старой дружбы, против этого высказать протест. Сегодня так чудовищно важно высказывать точки зрения подлинного марксизма, что дело действительно не в большей или меньшей

степени законченности. Я знаю, например, очень хорошо, как много незаконченного и предварительного содержится во всех моих работах, в том числе и в «Эстетике»[258]. И все же они оказывают хорошее влияние в прокладывании пути для подлинного марксизма. Я часто имею здесь возможность говорить с людьми из самых разных стран[259], кроме того, я получаю очень примечательные письма (например и от гимназистов) из Западного мира и вижу, как важны там для лучшей части людей марксистские ориентиры. Книга, написанная Вами, могла бы оказать чрезвычайно широкое и благоприятное действие. Поэтому я прошу Вас, во имя нашей старой дружбы – которая, как знаю и я, лучше, чем все новые дружбы – не быть слишком скрупулезным и опубликовать книгу как можно скорее[260]. Мы живем в период очень запутанного перехода. С одной стороны, на Западе непрерывно растет тоска по подлинному марксизму, с другой стороны, есть некоторые люди, которые вначале искали свой путь в верном направлении, а теперь стали полными или частичными капитулянтами. Таким образом, Вы окажете правому делу марксизма неоценимо большую услугу, если как можно быстрее опубликуете Вашу книгу.

Я за последнее время написал работу о Солженицыне[261]. Как только смогу, пошлю Вам экземпляр. Я был бы очень рад, если бы работа Вам понравилась; конечно, я ожидаю от Вас совершенно откровенную критику. Если она Вам понравится, было бы, конечно, очень хорошо опубликовать ее и у вас[262]. В ближайшем будущем она выйдет на нескольких языках.

Пожалуйста, передавайте самый сердечный привет от меня Игорю. Я прочитал его работу[251] с большим

интересом, но это был период времени, в который я не писал писем[263]. Что Елена чувствует себя очень слабой, мне очень жаль. Было бы очень интересно и ценно, если бы Вы смогли написать и опубликовать Ваши мемуары[264]. Я тоже думаю о том, чтобы после «Этики»[265] (правда, это еще через несколько лет) написать маленькую автобиографию[266].

Пожалуйста, передавайте привет от меня всем друзьям, разумеется, включая Лиду.

Ваш старый друг

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
Москва, 7 июня 1964 г.
<по-немецки, машинопись>

Дорогой Юри!

Извините мою непунктуальность в переписке. Я все время живу в очень задавленном состоянии, под давлением спешки. Из этого следует и то, что я не могу писать, а иногда и читать книг. Из Вашей «Эстетики»[267] я до сих пор прочитал еще довольно мало. Это меня очень огорчает, но чтение продвигается очень медленно. Романский собор! Это единственное, что я могу тут сказать.

Помню, что в наше старое время Вы меня называли «эпикурейцем». Конечно, очень своеобразный вид эпикурейства, но он все же существует. Каждое разумное существо, не только боги, ведут свое j'ai vécu* в порах более достаточно просторного мира[268]. Для меня было настоящей радостью, что мое лите-

* «Я жил» (*франц.*), здесь, судя по контексту, «существование».

ратурное сообщение о себе, простое подтверждение того, что я еще существую, Вам понравилось[269]. Непонятно, почему я стал такой бесплодной смоковницей. Может быть, действительно не хватает характера, потому что в теоретическом смысле я в последние годы довольно продвинулся. Но оставим это. Ваша дружеская забота о моей продуктивности и Ваш совет меня глубоко тронули.

Услышанное Вами о моей книге очевидно преувеличено. Эта книга только очерк истории идеала и идеи эстетического воспитания – написанный с птичьего полета и для наших философов[270]. Теперь я хочу снова обработать часть ее, а именно для публики. В этом случае я не могу делать уступок или, как говорит Кант, «коалиций», ибо наш бедный марксизм уже и так многие вообще не принимают всерьез. Что же, и мне вносить в это свой вклад? – Нет. Лучше пусть книга не состоится. Ваше положение, Ваша манера, Ваша деятельность – это все нечто иное. Поверьте мне, что я не из высокомерия жил в последние годы так по-эпикурейски[271].

Разумеется, дорогой Юри, я сделаю все возможное, чтобы опубликовать что-либо Ваше у нас. Я понимаю, как полезно это было бы для правого дела. Но от меня тут зависит немногое. Сейчас положение совсем не то, что тридцать лет назад. И все же надежда есть.

Я сказал Солженицыну, что Вы написали о нем статью[272]. Ему это было бы очень интересно[273]. Пошлите мне по почте рукопись, если у Вас есть копия. Вы читали что-нибудь из ожесточенной дискуссии об «Иване Денисовиче»[274]? У нас это острый вопрос.

Мне сказали, что вы сейчас в довольно хорошей спортивной форме. Это меня очень радует, и это именно самое важное.

Передавайте, пожалуйста, привет всем Вашим родным от меня и Лиды.

Елена и Игорь передают Вам сердечный привет.

С самыми дружескими пожеланиями

<от руки> Мих. Лифшиц

Д. Лукач – Мих. Лифшицу

Будапешт, 12 июня 1964 г.

Дорогой Миша!

Я был очень рад Вашему письму[275], хотя я и узнал из него, что Вы вынуждены жить в задавленном состоянии. Ничего, что Вы мою книгу читаете медленно. Когда-нибудь я все-таки услышу от Вас критические замечания[276]. Для меня это было бы чрезвычайно важно. Потому что вся мировая ситуация – совершенно не говоря о моих личных недостатках – приводит к тому, что книга по необходимости содержит очень много проблематичного. И тут Вы самый компетентный человек, который может обратить мое внимание на эти вопросы. Именно в таких случаях я чувствую мою глубокую связь с Вами; это не связь сходных воззрений (что, к сожалению, тоже не часто), но глубокая дружба, такую я испытал только в моей ранней молодости[277].

Я думаю, Вы недооцениваете значение Ваших небольших работ. О присланной мне я Вам уже написал[278]. (Мои ученики пытаются опубликовать эту работу здесь на венгерском языке.) Между тем я [в]

пражском журнале «Эстетика» тоже с большим удовольствием прочитал рукопись* Вашей небольшой работы, почему Вы не модернист[279].

Это, конечно, не делает излишней большую книгу. Наоборот. Я вполне понимаю, что Вы не хотите делать никаких уступок. В больших принципиальных вопросах это действительно объективная необходимость. Меня тревожит только то, что Вы и в малых вопросах предъявляете к себе самому преувеличенные требования. Отсюда мои увещевания раньше и сейчас.

Я знаю, что возможности публикации у вас для меня очень малы. Как бы то ни было, посылаю копию статьи о Солженицыне. Очень интересно, что Вы и автор об этом скажете[280]. О дискуссии я только слышал. Что касается конкретных обвинений и как построена защита, я не знаю. Первые я могу себе представить. О вторых был бы рад услышать[281].

Сообщения о моей «хорошей спортивной форме» несколько преувеличены. Со времени прошлогодних событий[282] я сохранил прежнюю энергию только в небольших статьях. Главные работы продвигаются очень медленно.

С сердечным приветом Лиде и старым друзьям Ваш

<от руки> Дьюри

* Так в письме (Manuskript).

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
16 июля1964 г.
<по-русски, машинопись>

Дорогой Юри!

Я вынужден написать Вам это письмо по-русски, так как здесь, в Эстонии, где я оказался на отдыхе, у меня нет под руками ни словаря, ни грамматического справочника, а без того – боюсь наделать ошибок. Немецкий язык я почти забыл с тех пор, как у меня не с кем здесь больше разговаривать. Придется Вам на этот раз пострадать или попросить кого-нибудь перевести.

Большое спасибо за Ваше теплое письмо от 12.VI.1964 г. Я все дожидался копии статьи о Солженицыне[283], но до 6 июля она еще не была мною получена. Надеюсь, что по возвращении домой я уже застану ее в Москве. Мне в высшей степени интересно будет Вашу статью прочесть. Что касается споров на сей сюжет, то вы можете составить себе представление о них, прочитав статью В. Лакшина в журнале «Новый мир» (№1 за 1964 г.)[284]. Это единственная, собственно, полемическая статья в защиту Солженицына, не считая переписки редакции «Н[ового] М[ира]» и самого Лакшина с редакцией «Литер. газеты» (на страницах той же газеты, №№ не помню)[285]. Из статьи Лакшина можно узнать все, что нужно, о критиках Солженицына, что же касается защиты, то она выдержана в достаточно умных тонах, хотя имеет, с моей точки зрения, один недостаток. Автор толкует образ Ивана Денисовича немного по-народнически и в дидактическом духе, чего у самого писателя нет. Лакшин, во всяком случае, преувеличивает имеющийся у

Солженицына сарказм по отношению к «придуркам», т.е. людям, не работающим на «общих работах», физически. Получается у критика род социальной трудотерапии, а это уже недалеко от генеральной идеи, на которой был основан этот санаторий. Некоторый оттенок народнического осуждения интеллигенции и умиления перед простотой, имеющийся в статье Лакшина, не усиливает его позицию, а ослабляет.

Я теперь иногда читаю статьи о Вас в англо-американской и французской печати. Недавно прочел, например, более благожелательную статью Alfred Kazin[286] в Partisan Review и совершенно подлую чушь Melvin Lasky в N.-Y. Times Book Review[287]. Вы можете, конечно, быть довольным славой, но и яду здесь достаточно. Читая эти пошлости, скажу о себе, что я нисколько не раскаиваюсь в маратовском тоне моих полемических статей 30-х годов и всей моей былой, как и нынешней, «ортодоксии».

Между прочим, у Lasky я вычитал, что Томас Манн, будто бы, изобразил Вас в виде Naphta из Zauberberg[186]. Стыжусь моего невежества, но я этого не знал, да и кажется мне это мало правдоподобным.

Боюсь, что в моем предшествующем письме[288] я слишком жаловался на тягость внешних трудовых обязательств. На самом деле я сам мастер создавать для себя безвыходные положения – иду слишком широким фронтом, берусь за многие дела, не могу удержаться от соблазнов публицистики, одним словом, хочу подтвердить слова Гёте о том, что нельзя сделать ничего хорошего без самоограничения. Однако характер – это судьба, или, как говорит русская поговорка, «Каков в колыбельке, таков и в могилку». Я оставил недописанной статью для «Нового мира»[289],

и сейчас, на отдыхе, голова у меня занята эпохой Возрождения, поскольку скоро мне предстоит уже сдача глав из той книги[290], о которой Вы слышали. Я очень боюсь за нее.

До свидания! Лида просит передать Вам искренний привет и лучшие пожелания. Мы оба кланяемся Вашим родным и близким.

Ваш М.

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
Москва, 14 октября 1964 г.
<по-немецки, машинопись>

Дорогой Юри!

Очень сожалею, что после моей летней поездки[291] все еще не ответил на Ваше письмо от 8 августа. Кроме разных дел и болезней, учтите еще и мою малую продуктивность в области немецкой корреспонденции. Я не хочу писать по-русски, чтобы не доставлять Вам трудностей. Итак, Вы видите, смягчающие обстоятельства все-таки есть.

Большое спасибо за Ваше письмо от 3.X, которое я как раз получил, так же как и статью, книгу о немецкой литературе[292] и другие вещи. Статья мною сразу же была прочитана. Примечательно, что мы в общем, да часто и в деталях, не расходимся. Статья, по-моему, очень хороша. С некоторыми сокращениями она, может быть, могла бы выйти у нас[293]. Но я думаю, что для первого раза лучше было бы издать что-либо чисто теоретическое. Кстати, и для Италии, и для Герма-

нии я бы посоветовал Вам вычеркнуть на странице 22 предложение в скобках.

Чтение Вашей «Эстетики» продолжаю. Я хочу выбрать из нее кусок побольше для русского перевода. Все, что я читаю, мне очень интересно. Разумеется, главные линии я нахожу совершенно верными. Но так как Вы хотите критических замечаний, то я предварительно об этом кое-что сейчас напишу.

Понятие повседневной жизни <Alltagsleben> мне кажется несколько двусмысленным. Или это идентично исторической действительности (труду, государству и т.д.), или это нужно рассматривать как срез жизни отдельного человека (как у Фрейда или у экзистенциалистов), т.е. как «obiwatelschina», Spiesserei*. В этом втором смысле повседневная жизнь есть определенно нечто нестабильное и сомнительное, но в этом смысле это не «плодотворная середина» (стр. 34) между наукой и искусством, но скорее остаток ограниченности <Borhiertheit> всех эпох, из чего может получиться только скверная метафизика, квази-рациональный и эмпирический метод «человеческого здравого смысла».

Вы в большинстве случаев говорите о труде и производстве, т. е. об историческом бытии. Но в этом случае я не совсем понимаю, почему реальная объективация <Objektivation> в материальной практике располагается на том же и даже более низком уровне, чем объективация в искусстве. Что с каждым кризисом стабильности в экономике гибнет стабильность в искусстве, мы знаем совершенно точно. Духовное производство содержит в себе нечто стабильное,

* Обывательщина (*нем.*).

а материальное – нечто преходящее? – Нет, это не может быть Вашей точкой зрения.

Искусство вечно, абсолютно и т. д., говорите, что хотите. Очень хорошо, но объекты искусства имеют совсем другую, идеальную [ideal] природу, в сравнении с трудом и его изделиями, то есть это сравнение должно иметь известные границы.

Не всегда ясно также, говорите ли Вы об отражении в повседневную жизнь или в повседневной жизни. Возможно, я в Ваших рассуждениях чего-то не понял. Конечно, обсуждаемая вещь по самой своей природе сложна и, может быть, даже и полная чистота терминологии не все сможет привести в порядок.

Что касается сообщений о моей популярности в Венгрии, то мне совершенно ясно, что мои старые безделки вряд ли сделают из меня кинозвезду. Что-нибудь новое было бы именно теперь словом в подходящее время, но этого слова еще долго ждать[294]. В любом случае, спасибо за Вашу дружескую предупредительность.

Еще одна небольшая вещь практического характера. Владимир Достал <Vladimir Dostál>[295] из редакции чешского эстетического журнала, один из немногих приверженцев реализма в сегодняшней Праге, хочет обсудить в этом журнале Вашу книгу (я думаю, «Эстетику»). Но – странно – в Праге невозможно найти ни одного экземпляра, и редакция не в состоянии заказать экземпляр в Западной Германии. Не могли бы Вы послать книгу Вашим пражским друзьям[296]? Адрес: Vladimir Dostál, Barrandovská 60/335, Praha 5- Hlubočepy.

Сердечный привет Вам и Вашим детям от меня, Лиды и всех друзей.

<от руки по-немецки инициалы> М.Л.

Д. Лукач – Мих. Лифшицу
Будапешт, 31 октября 1964 г.

Дорогой Миша!

Большое спасибо за Ваше письмо[297] и за журналы. Работа мне понравилась[298]. Верно, что эти вопросы нужно рассматривать не технически, а в общем развитии искусства, даже выходя за его пределы. Только с такой позиции изображения – что я считаю одной из самых важных точек зрения в критике современных тенденций – станет видной ужасающая бедность измерений и категорий. Для этого Ваша статья дает хороший базис.

Я рад, что Вы читаете «Эстетику» и что в существенных пунктах между нами царит согласие. Что у Вас относительно повседневной жизни есть сомнения, меня огорчает, потому что я боюсь, что тогда я этот в высшей степени важный вопрос рассмотрел недостаточно ясно. Дело в том, что я считаю, что мы не сможем прийти к верному анализу более высоких объективаций, если не проанализировали верно этот базис всякой общественной жизни, из которого поднимаются и в который впадают – хотя часто и в очень неадекватной форме – все объективации. Невозможно, например, сделать действительную онтологию, если не исходить из «наивного реализма» повседневной жизни и т.д., и т.д. В книге, которую я сейчас пишу, «К онтологии общественного бытия»[299], я надеюсь эту структуру и ее динамику вскрыть подробнее и лучше.

Конечно, я не думаю, что духовное производство стабильно, а материальное преходяще. Оба являются средством непрерывности развития человечества,

хотя, конечно, очень по-разному, что следует уже из того, что одно из них есть материальная действительность, а другое – отражение.

О Вашей популярности здесь я могу сообщить только хорошее. Надеюсь, что Ваша книга выйдет[300]. Прекрасно было бы, если из этого получилась бы возможность снова увидеться.

Владимиру[295] я попрошу прислать экземпляр «Эстетики».

С сердечным приветом Лиде и всем друзьям Ваш

<от руки> Дьюри

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу

29 декабря 1964 г.

<по-русски, машинопись>

Дорогой Юри!

Даю Вам честное слово, что это последнее письмо по-русски. Впредь буду писать только на немецком языке. Извините меня – все это время у меня было много работы, спешной, настоящий конвейер. А написать письмо по-немецки для меня теперь все же некоторый труд. Отвык, да и голова плохо работает.

По той же причине я не мог Вам сразу ответить по получении писем и книг[301]. Все собирался написать на языке Гегеля и Маркса, но так и не успел. Тов. Новак едет домой, и я хочу передать с ним эту весточку.

Большое спасибо за письма, фотографию, книги и статью. Письма читал с волнением, даже прослезился – старый друг лучше новых двух, гласит русская поговорка, а у меня новых друзей вообще нет.

На фотографию тоже не могу смотреть без волнения, особенно потому, что на ней вы оба точь-в-точь, как в былые дни в Москве, в квартирке по соседству с Кабачником[302], который давно уже стал академиком и, наверно, старик.

Но Вы выглядите на фотографии, как я говорил в былые времена, «sehr* молодцевато», чистый Гегель. При случае пошлю Вам мое изображение, но придется послать autoritratto**, ибо фотография, увы, не льстит. Прошли златые дни, когда мы с Вами дразнили вульгарных социологов или как там их еще назвать. Теперь я украшаю общество молодых дуралеев в виде старой пальмы, стоящей в углу[303]. Впрочем, некоторая живость ума еще осталась. Может быть, до Вас дойдут какие-нибудь известия обо мне, как о беспорядочной личности, которая и на старости лет все лезет в драку.

Ваша «Эстетика» – романский собор, я еще не успел много прочесть, но вижу, что здесь есть пища для ума. Буду читать и, по мере прочтения, сообщать Вам мои слабые суждения. Все бывающие у меня с восторгом рассматривают эти два тома. Во-первых, приятно, что в мире есть люди, способные на такую научную монументальность, во-вторых, все рады, что Вы крепко стоите на ногах, несмотря на все невзгоды. Я понимаю, как Вам трудно теперь приспособиться к новому типу жизни, но я надеюсь на Вашу твердость и мужество, мне известные.

Статья в итальянском журнале мне, конечно, понравилась[304]. В большинстве случаев я держусь таких же мнений, как и Вы, так что наши параллельные

* Очень (*нем.*).
** Автопортрет (*итал.*).

линии, по законам новой геометрии, сходятся. Некоторое отличие состоит в том, что Вы ведете анализ на уровне идеологии и организации, а я больше рассматриваю этот вопрос с точки зрения социальной. Тут просто разница перспективы, зависящая от наблюдений послевоенных лет, которые многое прояснили у нас для каждого, даже самого необразованного человека. Жаль, что мы не можем поговорить на эти темы в личной беседе.

Меня очень настойчиво приглашают на гегелевский конгресс в Зальцбурге[305] – но вряд ли я поеду. Слишком много хлопот, да и многое не от меня зависит. К тому же, признаться, чувствую себя очень усталым, забыл немецкий язык, имею много невыполненных обязательств. И почему-то не хочется.

Елене было очень приятно прочесть в Вашей статье упоминание о ней. Она, бедная, летом чуть не умерла, но, представьте себе, начала поправляться; крепкая порода много значит. Сейчас уже ходит, хотя похожа на тень. Игорь потолстел, по-прежнему много пьет в обществе братьев-писателей. Он сказал мне, что посылает Вам свою статью из «Нового мира». Надеюсь, что в близком будущем я тоже сумею послать какую-нибудь мелочь, хотя не знаю, как Вы будете это читать.

Не нужны ли Вам какие-нибудь русские книги? Я всегда мог бы послать их Вам.

Надеюсь, что дети и внуки Ваши здоровы, что внешняя сторона жизни устраивается хорошо. Большой привет всему семейству от меня и Лиды, которая вместе со мной радуется каждому известию от Вас.

Берегите здоровье.

Ваш Мих. Лифшиц

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
17 марта 1965 г.
<по-русски, машинопись>

Дорогой Юри!

На этот раз Вам придется потерпеть – писать по-немецки, честное слово, сейчас не могу, я и так откладывал из-за этого мое письмо достаточно долго. Правда, я прошу извинить меня на законном основании. Дело в том, что мне пришлось долго болеть, проклятая стенокардия сильно тряхнула меня, так что целых два месяца я провел в горизонтальном положении. Сейчас постепенно выхожу из этого состояния, у меня есть хороший врач, который, кажется, что-то понял в этом деле. Одним словом, как видите, я даже могу писать на машинке.

Прежде всего я хочу сказать Вам, что мною предприняты шаги к тому, чтобы издать Вашу «Эстетику» в переводе на русский язык – полностью или хотя бы частично, ибо такие монументальные издания у нас не в ходу. С этой целью я составил большой обзор содержания книги, а некоторые страницы, в частности из заключения, выражающие общую позицию автора, я даже перевел. Предложение было встречено с некоторым сочувствием и пошло дальше. За успех ручаться не могу, но надеюсь[306]. Ради бога, примите во внимание эту мою цель!

Спасибо за Ваш отзыв о моей статье по поводу кубизма[307]. Возникла она случайно, а теперь из этой случайности выросло для меня обязательство – ее хотят издать отдельной книжкой[308], и это снова толкнуло меня в сторону критики модернизма, хотя я проклинаю это дело, настолько все это связано со всякими

условностями и так хотелось бы изложить лучше что-нибудь из моих положительных исследований. Я с нетерпением жду Вашей «Онтологии общественного бытия», хорошо зная, что раз Вы сказали, то в скором времени я ее получу. Так бывает с деловыми людьми и хорошими работниками, чего нельзя сказать обо мне.

Мои критические замечания, конечно, относились больше к формальной стороне, к изложению. Но вот я прочел речь Эрнста Фишера на гегелевском конгрессе[309] и пришел в ярость – он ссылается на Вас, стараясь вывести из Вашей книги ту противоположность между головой и сердцем, наукой и художеством, которую раздувал и Видмар[310], а теперь Гароди[311]. Думаю, что Вам это тоже не понравится. Дайте ему пинок при случае.

Владимир Достал благодарит за книгу, которую он получил[312]. Лида, Елена, Игорь кланяются Вам. Будьте здоровы и благополучны.

С дружеским приветом

Ваш Мих. Лифшиц

Д. Лукач – Мих. Лифшицу

Будапешт, 5 апреля 1965 г.

Дорогой Миша!

Ваше письмо от 17 марта меня – в общем и целом – очень обрадовало, хотя меня все еще несколько беспокоит состояние Вашего здоровья. Пожалуйста, напишите мне о нем побыстрее – надеюсь, что сможете сообщить мне успокоительные новости. Если у Вас

есть хороший врач, то эти симптомы можно все-таки устранить.

То, что Вы пишете о возможном издании «Эстетики», для меня, конечно, большая радость и удовлетворение. Я по этому поводу уже заранее зафиксировал бы следующее: Вы – но только Вы – можете делать любые сокращения. Этот вопрос я передаю полностью на Ваше усмотрение. Я только попросил бы, чтобы в случае опубликования была бы в качестве послесловия или примечания приложена сводка, точно указывающая страницы, вычеркнутые из оригинала, чтобы заинтересованный и умный читатель мог бы соответственно сориентироваться. В остальном я даю Вам – но только Вам – полную свободу действий.

Что касается Эрнста Фишера, который, кстати, сейчас довольно серьезно болен, его мне, конечно, жаль. Он в течение долгих лет представлял верную точку зрения и только постепенно попал в поток модернизма, причем он в очень многих вопросах сдал или до неузнаваемости ослабил свою прежнюю точку зрения. Это страх многих интеллектуалов отстать от времени – и трагикомичность заключается в том, что они именно вследствие этого в существенном смысле отстают от главных тенденций периода и их забывают. Но его нельзя сравнивать с кающимся функционером или ищущим, куда бы теперь приткнуться, бюрократом типа Гароди[313].

Сердечный привет Лиде, Елене и Игорю.

Ваш

<от руки> Дьюри

<от руки> Моя «Онтология», к сожалению, пока еще не <3 или 4 слова неразб.>

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
Москва, 28 июля 1965 г.
<по-немецки, машинопись>

Дорогой Юри!

Как раз во время Вашего юбилея[314] здесь в Москве был Франц Лешницер[315]. Он предложил мне вместе подписать телеграмму. Хотя я не знал, какое у Вас к нему сейчас отношение, я не мог отказать, потому что он просил очень настойчиво. Надеюсь, что Вы по-дружески восприняли наше коллективное поздравление. Как, собственно, прошли юбилейные торжества[316]?

О русском переводе Вашей «Эстетики» не могу сообщить почти ничего нового. Вопрос еще in statu* решения. Маленькую заметку в «Непсабадшаг» от 14 апреля я, конечно, сразу же дослал[317]. Так что теперь нужно ждать.

Международная дискуссия о сущности эстетики в рамках марксизма (и еще шире – о ядре этого мировоззрения) продолжается. Общая беспомощность действительно удивляет. Дело кажется мне немного похожим на время после 1905 года. Нападки на классический марксизм ведутся ожесточенные, разочарование иногда очень глубокое, и необходимость дискуссии по аксиоматическим вопросам философии срочная, но... Из марксизма сейчас имеют обыкновение делать «Vision»**.

Будь я поэтом, написал бы аллегорическую историю о том, как приходится расплачиваться за чужой грех.

* На стадии (*лат.*).
** Видение (*англ.*, *нем.*).

Ваша «Онтология» меня очень интересует. Как дела с «Этикой»? Готова уже[318]? Из Вашего письма я этого не понял. A propos*, у Вас много знакомых в Германии и в других странах. Я хотел бы организовать для себя постоянный обмен книгами с людьми, владеющими или желающими овладеть русским языком. Что Вы думаете об этом, возможно ли это? Жадность к книгам – моя старая слабость.

Большое спасибо за Вашу озабоченность состоянием моего здоровья. Мне сейчас намного лучше, за исключением бессонницы. Но это уже старая история. Работа продвигается медленно, и, как видите, меня все время тянет в область публицистики. Масса читателей теперь стала намного шире, публика хочет читать и думать.

Сердечный привет от Лиды, моих детей и всех наших друзей.

Ваш

<от руки> Мих. Лифшиц

P.S. <по-русски> Я мало пишу Вам, мне очень жаль, я чувствую даже мою вину, но, милый Юри, тут все дело в Вашем желании получать письма на немецком языке. Написать немецкое письмо для меня не менее серьезный, а может быть и более серьезный труд, чем для Вас прочесть письмо, написанное по-русски. Я совершенно забыл немецкий язык, не говоря уже о том, что все мои познания в этой области имеют чисто практическое происхождение, а в детстве и юности я не имел счастья как следует изучить иностранные языки. Извините поэтому, если в письмах встречаются ошибки, иногда, вероятно, грубые.

* Кстати, между прочим (*франц.*).

Д. Лукач – Мих. Лифшицу
Будапешт, 27 августа 1965 г.

Дорогой Миша!

Я был очень рад Вашему письму[319]. Лешницер – порядочный человек; я почти ни в одном вопросе с ним не согласен. Что касается «торжеств», они были по большей части смешными. О большинстве их (и о самых смешных) можно было бы рассказать только устно. Но не смешно ли, если меня FAZ* именует Паскалем марксизма и т.д.?

Конечно, дискуссии об эстетике проходят на очень низком уровне. Более тридцати лет назад мы вместе пытались дать этим спорам марксистский базис. Но с тех пор стало в высшей степени проблематичным, что именно следует понимать под марксизмом. Я попытался в моей «Эстетике» показать его основы – пока без очень большого успеха. Ваша аллегорическая история тут очень подошла бы.

Что касается моей «Онтологии», то она первоначально должна была стать вводной главой к «Этике», но сделалась самостоятельной и будет большой книгой. Я надеюсь через год ее закончить[320].

Что касается Ваших пожеланий обмениваться книгами, то я одновременно пишу и знакомым в Западной Германии, в Австрии и в Швейцарии, по одному в каждой стране. Надеюсь, что из этого что-нибудь получится.

Вы спокойно можете писать мне по-русски, если будете писать на машинке. Русский почерк я разбираю с большим трудом.

* Frankfurter Allgemeine Zeitung.

Надеюсь, что со здоровьем у Вас хорошо – и с работой тоже.

Сердечный привет Лиде и всем друзьям.

<от руки> Ваш Юри

М. Лифшиц – Д. Лукачу

11 октября1965 г.

<по-русски, машинопись>

Дорогой Юри!

На сей раз я воспользуюсь Вашим разрешением писать по-русски. Последнее Ваше письмо несколько меланхолично[321]. Я это вполне понимаю, ибо, конечно, отдать жизнь своему делу и встретить так мало понимания, такое высокомерие и такую беззастенчивую политиканскую брань со стороны Гароди, Дэкса и всей этой компании, выдающей себя за авангард марксизма[322], действительно не легко. Прочее оставляю в стороне. Меня эти «новаторы» бесят. Прекрасно понимаю всю незначительность подобных эпизодов в масштабе больших исторических явлений, знаю, что все это уже бывало, что добродетель, как известно, не требует награды, и все-таки эта комедия вызывает у меня прилив ярости.

Зато Вы приобретаете друзей у нас[323]. Ваша твердая объективная позиция, отсутствие всякого желания спекулировать на дешевом либерализме – все это должно принести свои плоды и несомненно их принесет. По-моему, Фортуна поворачивается в нашу сторону, и скоро мы увидим Вашу «Эстетику»

на русском языке[324]. Помогайте мне в этом отношении, чем можете.

У меня есть к Вам одно предложение. В журналах «IL Contemporaneo» и «Weg und Ziel» Эрнст Фишер дошел уже до полного богостроительства образца 1908–1910 гг.[325] То же самое делает Гароди. Что Вы об этом думаете? Собственно, я знаю, что Вы об этом думаете, заранее. Но не напишете ли мне письмо на эту тему[326], более или менее пространное, а я постараюсь его перевести и опубликовать?

То, что Фишер был в прошлом лучше, чем теперь, пусть Вас не смущает. Ведь Фишера не останавливает то обстоятельство, что Гароди, пишущий о Вас в самом отрицательном духе, является его апологетом и союзником. По-моему, это дело принципиальное, и Ваше слово здесь необходимо. А я со своей стороны присоединю кое-что от себя в том же смысле и направлении. Написать можно самым вежливым образом, но следует, по-моему, написать, да и трибуна не плоха[327].

Жду ответа.

Ваш Мих. Лифшиц

P.S. Спасибо за то, что Вы написали по поводу обмена книгами. Привет от Лиды.

Д. Лукач – Мих. Лифшицу
Будапешт, 29 октября 1965 г.

Дорогой Миша!

Большое спасибо за Ваше письмо от 11 октября. Я думаю, Вы заблуждаетесь, если предполагаете, что

мое последнее письмо было написано в подавленном настроении[328]. Я летом просто несколько устал, потому что в прошлом году совершил ошибку, поехав в отпуск всего на две недели. Сейчас я уезжал на четыре недели и чувствую себя в очень хорошей форме. Первая историческая часть (Неопозитивизм и экзистенциализм, Николай Гартманн, Гегель, Маркс) готова, сейчас работаю над первой главой второй части об онтологических проблемах, связанных с этой работой как таковой. Следующие главы: Воспроизводство, Идеальное <das Ideelle> и идеология, Отчуждение. Если все пойдет хорошо, я, может быть, к лету или к осени работу закончу. Только тогда смогу начать «Этику»[329].

Я был бы, конечно, очень рад, если бы «Эстетика» смогла выйти на русском[306]. (Если отвлечься от этого субъективного момента, это <издание> было бы хорошим симптомом для развития целого.) Я могу облегчить Вам работу в этом деле только тем, что предоставляю Вам полную свободу рук в любом отношении. Вы можете делать по Вашему усмотрению такие редакционные изменения, как сокращения. (Конечно, я могу дать эту полную свободу только Вам и самое большее Игорю.) Моя единственная просьба в таком случае была бы, чтобы редакция в какой-либо форме указала, где и сколько вычеркнуто.

Ваше предложение относительно Фишера и Гароди я, к сожалению, не могу принять. Я так занят моими крупными вещами, что нет времени на полемические статьи. В последней главе «Эстетики» я подробно написал о сегодняшнем положении в религии. И в «Этике» об этом будет большая глава. Этого для меня достаточно. Вы знаете, что я так и так не имею

большой склонности к полемике; Вашими такими умными полемическими критическими статьями я всегда восхищался как стилистическими достижениями, которые для меня были бы недостижимы. Очень хорошо, что моя главная работа удерживает от этой побочной области.

Я рад, что обмен книгами все же начался.

Сердечный привет Лиде, Игорю и всем друзьям.

Ваш

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу

19 сентября 1966 г.

<по-русски, машинопись>

Дорогой Юри!

Пользуюсь Вашим позволением писать по-русски, так как на сочинение немецких писем, увы, не имею времени. А жаль! Было бы это для меня полезно. Я ведь никак не могу примириться с тем, что для тренировки не остается времени, ибо положенный «тайм» на исходе.

Давным-давно я Вам не писал – главным образом, потому, что не имел возможности сообщить ничего реального об издании Вашей «Эстетики» на русском языке, а умалчивать об этом в переписке мне не хотелось. Сегодня, именно сегодня, я имею возможность сообщить Вам, что этот вопрос решен положительно и мы приступаем к делу. Не надо думать, что благоприятный исход был достигнут легко, но, во всяком случае, Вы видите, что у нас к Вам относятся хорошо. Я не хочу приписывать успех моей энергии, а отно-

шу его за счет Вашей принципиальной позиции в основных вопросах эстетики, то есть Вашей защиты реализма.

Надеюсь, что нам удастся издать книгу целиком, а если понадобятся сокращения, то они будут минимальными и я постараюсь, чтобы они шли на пользу делу. Проблема переводчика до сих пор не решена. Нужно, чтобы это был человек, способный хорошо разбираться в содержании дела и достаточно разумный, чтобы не придерживаться глупой буквальности. Наш друг Игорь не может иметь к этому отношения[330]. Он уже более полугода ведет мученическую жизнь – его жена тяжело больна, лежит в больнице и требует самого тщательного ухода, чем он и занят.

Следите ли Вы за нашей литературой? В ней постоянно появляются новые таланты. Художественная проза очень улучшилась за последние годы, советской литературой можно теперь гордиться без всяких скидок, как мы это делали в былые времена. Мне кажется, что ее общее настроение искренне-социалистическое, несмотря на отдельные литературные конфликты, связанные с большей или меньшей дозой «критики недостатков».

Одновременно с этим письмом я посылаю Вам мою статью, напечатанную в журнале «Коммунист»[331]. Это часть (сильно сокращенная) небольшой книжки, написанной мной (вместе с Лидой) на тему о «Кризисе безобразия» в современном западном искусстве. Хотя ради популярности и сокращения пришлось удалить более сложные философские мотивы, может быть, кое-что будет Вам интересно. Впрочем, я не настаиваю на том, чтобы Вы это читали, отрываясь от Ваших больших трудов, а посылаю просто для того,

чтобы напомнить о себе, как о старом – теперь уже в буквальном смысле слова – литературном …

Лида, Елена, Игорь кланяются Вам.

Желаю здоровья и новых успехов.

Ваш Мих. Лифшиц

Д. Лукач – Мих. Лифшицу

Будапешт, 17 сентября 1966 г.*

Дорогой Миша!

Вернувшись из короткого отпуска, нашел Ваше письмо. Известие об Игоре меня глубоко потрясло. В письме еще невозможнее, чем на словах, выразить подлинные чувства. Но так как он знает, что я не так давно пережил нечто подобное, он, наверное, поймет, что я испытываю.

Все то, что Вы мне пишете о судьбе «Эстетики», по крайней мере о перспективе, меня очень радует. Я знаю, что определенно нужно будет преодолеть еще много препятствий, но надеюсь, что вещь все-таки состоится. Пока книга появилась только на немецком и на венгерском. В Испании вышла первая часть, и готовится итальянское издание. Что касается возможных сокращений, то я все предоставляю Вам. Я бы только хотел, чтобы тогда где-то указали, что были сделаны отдельные сокращения. С переводом у Вас определенно будут большие трудности, но надеюсь, что он все-таки удастся.

* Дата письма указана Лукачем неверно, так как письмо является ответом на письмо Лифшица от 19 сентября 1966 г.

К сожалению, я могу следить за литературой у вас только по переводам. И последней значительной фигурой, с которой я познакомился, был Солженицын. При первой возможности я пошлю Вам том о русском реализме из моего полного собрания, в котором содержится моя работа о нем. Я был бы рад, если бы он смог прочитать эту работу. Пользуюсь этим случаем, чтобы сообщить Вам также, что в нашем официальном философском журнале (Magyar Filozófiai Szemle) появилась Ваша работа о кубизме и абстракции. Я буду изо всех сил стараться послать Вам экземпляр и этой работы. Работу в «Коммунисте»[331] я прочитал с большим интересом. На поп-арте уже заканчивается всякая возможность серьезной эстетической полемики.

Я рад, что Вы получили юбилейный сборник. Конечно, такая вещь всегда своего рода рагу, наслаждаться которым следует с большой осторожностью. Разумеется, Вы совершенно правы в письме Бензелеру[332], критикуя статью Месароша[333]. Я никогда не говорил, что я в тридцатых годах стоял один. Напротив, это было первое [в моей жизни] время, в которое работа и борьба возможны были в рамках коллектива. Я рад также и тому, что Вы начинаете с Бензелером переговоры об издании отдельных вещей. Было бы хорошо издать сборник Ваших исторических исследований (Вико etc*.). Хотя отдельные работы и вышли в ГДР, это не должно стать препятствием для опубликования в Западной Германии. Круги читателей почти не соприкасаются.

* И так далее, сокращ. от et cetera (*лат.*).

Пожалуйста, передавайте мой самый сердечный привет Лиде, Елене, Игорю, и Вам сердечнейший привет.

<от руки> Ваш

Юри

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
13 марта 1967 г.
<по-русски, машинопись>

Дорогой Юри!

Я очень долго Вам не писал. Сначала мне довелось быть в отпуске, в Болгарии, где я неплохо отдохнул. В надежде на лучшие времена я вернулся домой, но мечта о спокойной работе не осуществилась, как обычно. Во-первых, у меня заболела Лида; она умудрилась сломать себе ногу, да так тяжко, что бедняжке пришлось долго лежать в больнице, ей делали операцию, и сейчас еще она в гипсе, а впереди еще много всяких неприятностей. Во-вторых, вокруг меня разразилась очередная буря, я подвергся атаке местных модернистов, каковые состоят из старых сикофантов и новых кретинов[334], но в ходе дискуссии постепенно вырисовываются те же линии, что и в тридцатых годах. Если я разыщу номер газеты, то пошлю Вам specimen*.

Одновременно с этим письмом посылаю также номер журнала «Вопросы философии», в котором содержится вполне объективный и лестный отзыв о Ваших трудах в тридцатых годах[335]. Это важно, пос-

* Образчик (*лат.*).

кольку Эльсберги, Дымшицы[336] и К° продолжают воду мутить. Появление в журнале одной из глав Вашей «Эстетики» задержалось вследствие болезни переводчицы. Я выбрал для начала раздел о ритме, но затем можно будет пойти дальше. При выборе я руководствовался тем, что в этом разделе речь идет о применении теории отражения к абстрактным формам и задевается также вопрос об абстрактном искусстве. Но с того времени, как я сделал этот выбор, вкусы у нас настолько изменились, что не знаю – не взять ли что-нибудь более общее, далекое от проблемы модернизма. Издательство «Искусство» будет издавать книгу с некоторыми, сравнительно небольшими, сокращениями[337]. Есть в Москве и другие организации, которые интересуются Вашим творчеством. Я думаю, что дело пойдет на лад и за исключением небольшой литературоведческой компании, препятствий не будет.

Рад, что Вам понравилась моя статья в «Коммунисте»[338]. Посылаю еще одну – в журнале «Вопросы философии»[339]. Эта – на более общие темы.

Я имел удовольствие видеть в Москве Анче[340], хотя на обратном пути она не изволила мне позвонить, как было условлено. Она очень похожа на отца. Жена Игоря все еще тяжело болеет. Елена относительно здорова, хотя совершенно не работоспособна. Моя жена и дети шлют Вам привет, а я обнимаю Вас и желаю здоровья.

Ваш Мих. Лифшиц

Д. Лукач – Мих. Лифшицу
Будапешт, 22 апреля 1967 г.

Дорогой Миша!

Отвечаю на Ваше письмо от 13 марта с некоторым запозданием. Я тогда был в самом центре работы над окончанием VII-й главы «Онтологии», главу эту я сейчас наконец закончил, нужно только просмотреть и надиктовать, что, конечно, тоже займет некоторое время. Надеюсь, что смогу закончить последнюю главу еще в этом году[341].

Лиду с ее невезением мне ужасно жаль. В этом деле требуется очень много терпения. То, что Вы пишете о самом себе, меня не удивляет; оба типа, на которые Вы намекаете, мне из моего опыта хорошо известны в разных странах.

Благодарю Вас за номер журнала. Ваша статья о Герцене очень интересна[342]. То, что в оценке тридцатых годов начинают приближаться к известной исторической справедливости, тоже можно записать в актив как прогресс. Достаточно ли его будет, чтобы добиться опубликования «Эстетики», за этим я слежу с большим интересом[343].

Что касается выбора главы для отдельной публикации, то я это полностью отдаю на Ваше усмотрение[344]. Вы можете на месте лучше оценить, где есть подходящая точка соприкосновения с актуальными интересами. В любом случае, я очень Вам благодарен за Ваши старания.

Моя дочь Анчи подробно рассказала мне о Ваших к ней визитах[345]. Я очень опечален известиями, касаю-

щимися Игоря. Пожалуйста, передавайте ему и Елене, а также Лиде самый сердечный от меня привет.

Ваш старый друг

<от руки> Дьюри

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
28 апреля 1967 г.
<по-русски, машинопись>

Дорогой Юри!

Во-первых, поздравляю с майским праздником. Впрочем, мое письмо никак не может дойти вовремя, так что примите мои поздравления задним числом.

Во-вторых, посылаю Вам для ознакомления этот полемический навоз. Посмотрите также в №2 «Вопросов литературы» статью Я. Эльсберга[346]. Этот тип раньше кричал громче, перемена тона сама по себе весьма характерна. При первой возможности я этим вчерашним ортодоксам, сегодняшним либералам, отвечу так, что они не обрадуются[347].

Интересно, как совершенно не меняется по содержанию вся эта мещанская тупость воинственных общих мест, начиная с двадцатых годов. Меняются только формы, существо остается.

Привет от Лиды.

Ваш Мих. Лифшиц.

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
3 июня 1967 г.
<по-русски, машинопись>

Дорогой Юри!

Пишу Вам под свежим впечатлением известия о смерти Франца Лешницера[315]. Вы его тоже очень ценили, а я должен сказать, что он для меня по-настоящему раскрылся только в последние годы. Редко можно встретить такой энтузиазм к идеям и такое самоотверженное трудолюбие. Я что-то встречаюсь с этим редко, всегда примешивается сильная струя личной заинтересованности. В лице покойного Лешницера смешался с прахом какой-то обломок тридцатых годов, того лучшего, что в них было. Мне его очень жаль, да и не найти другого такого бескорыстного сотрудника-переводчика на немецкий язык. Бедняга был полон энергии, планов и ожиданий, а смерть его (операция по поводу аппендицита) неожиданна и нелепа.

Спасибо за сочувствие Лиде в ее болезнях. Она уже поправилась, хотя все еще хромает. Игорь просит передать Вам его благодарность за теплые слова. Елена очень, очень стара. Мы с ней часто встречаемся, но большого содержания, к сожалению, эти встречи не имеют. С Игорем я вижусь редко, молодых друзей у меня мало. Некоторую роль в этом играет, конечно, то обстоятельство, что я уже давно не имею повода сталкиваться с младшим поколением на почве преподавания. Может быть, я преувеличиваю свои возможности, но думаю, что этот факт не безразличен для настоящего и будущего отношения молодых людей к марксизму. Однако с фактами нужно считаться.

Препятствием к изданию «Эстетики» является, по-моему, только моя загруженность повседневной работой, моя бессонница и малая работоспособность. Это мешает мне приложить энергию, необходимую для перевода такой громадной и трудной книги. Но я это, разумеется, сделаю. Что касается статьи в журнале «Вопросы философии», то текст уже переведен, и я твердо надеюсь, что он будет опубликован[348].

Мне доставило большое удовлетворение известие о том, что работа над «Онтологией» идет успешно, и я надеюсь получить книгу по выходе ее в свет[349]. Бензелер почему-то не ответил на мое последнее письмо. Не знаю, может быть, оно затерялось. Не ответил он мне также на посланную ему в подарок хорошо изданную книгу о киевских мозаиках (я получил от них несколько изданий серии «Социологические тексты»[350]).

Кстати, если Вас интересуют какие-нибудь русские книги, то напишите – я Вам их пришлю.

На этом заканчиваю мое послание.

Привет детям и внукам, мои все кланяются.

Ваш Мих. Лифшиц.

Д. Лукач – Мих. Лифшицу

Будапешт, 15 июля 1967 г.

Дорогой Миша!

На оба Ваши письма[351] отвечаю с большим опозданием и несмотря на это – бегло. У меня были очень большие трудности с предпоследней главой «Онтологии»; большу́ю часть пришлось переписывать. Потом

возник после диктовки период большой усталости. Сейчас уезжаю в отпуск и надеюсь, что после него смогу закончить последнюю главу[352].

Мне тоже было очень жаль, что умер Лешницер. Он был примерным [brav] и порядочным товарищем в двадцатые – тридцатые годы. Что он в некотором отношении остался на этом уровне, ничего не меняет в его порядочности.

Что касается перевода «Эстетики», то у меня одно пожелание: ни в коем отношении не позволяйте ему мешать Вам в Вашей собственной работе. Мне была бы неприятна, я могу даже сказать – непереносима мысль, что работа над переводом мешает Вам в собственном творчестве. Пока что книга вышла на немецком, венгерском и испанском. Об английском и японском переводах идут переговоры. То есть ей надо как-то идти своим путем.

То, что Бензелер пишет Вам очень нерегулярно, меня не удивляет. Он это делает и по отношению ко мне и часто забывает как раз наисущественнейшее. Это ничего не меняет в том, что он отличный человек, которому я многим обязан[353].

Ну, а теперь я должен на время попрощаться. Знаю, что кое о чем не написал, но хотел бы обязательно заметить, что убежден, что если Вы как-нибудь – прямо или косвенно – соприкоснетесь с молодежью, то при этом возникнет действительный контакт. В остальном хочу только заметить, что Эльсберг всегда останется Эльсбергом, какую бы тактическую позицию он ни занимал.

С сердечным приветом ко всем друзьям,

<от руки> Ваш

Дьюри

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
18 декабря 1967 г.
<по-русски, машинопись>

Дорогой Юри!

Давно уже пора Вам написать, но крайний цейтнот и работа до полного изнеможения помешали этому. Прежде всего, я хочу Вам сообщить, что все наше философское общество в восторге по поводу перемены Вашего статуса[354]. Константинов[355] мне звонил, поздравлял и просил передать Вам его привет и лучшие пожелания. С тех пор он не раз высказывался о Вас в самом теплом духе. Митин[356] желает, чтобы я поддержал Вас в печати против Ваших философских и эстетических критиков, особенно из журнала «Праксис»[357]. Вы должны получить на днях его письмо с предложением выступить на страницах журнала «Вопросы философии»[358]. Если бы не вопросы здоровья, Вы бы, конечно, были бы немедленно приглашены к нам в гости, но уж во всяком случае я надеюсь видеть Вас в наступающем году в Будапеште[359]. А до тех пор мы с Лидой просим принять наши поздравления с Новым годом.

На этом официальную часть моего письма я оканчиваю. Хотел бы знать, как Вы отдохнули и много ли продвинулась Ваша «Онтология»[299].

Надеюсь, что в этом году, после отдыха, Вы чувствуете себя еще более работоспособным, чем обычно. Со своей стороны желаю Вам еще многих лет плодотворной деятельности, надеюсь прочесть и «Этику»[360], и «Воспоминания»[266]. Что касается последних, то интерес мой, конечно, не сводится к тому, что в каком-то из фрагментов этих воспоминаний может вынырнуть

и моя малость[361], но особенно мне было бы интересно узнать то, что я знаю о Вас только из кратких в общем рассказов Ваших о временах до 1914 года, о двадцатых годах. Мало кому удалось пережить столько разнообразных переломов личной судьбы и участвовать в совместной жизни с такими различными группами людей, жить в столь различных условиях, как Вам. Все это должно быть чрезвычайно интересно, интереснее, чем любой роман. Я, вот, никак не могу уговорить Елену Феликсовну[108] записать все пережитое, но она, признаться, очень постарела и совершенно не работоспособна.

О себе ничего интересного не могу сообщить, кроме того, что наступившее в настоящее время ко мне общее благоволение, если не считать раскола с младомарксистами, как я называю неприличную компанию лысых молодых людей[362], готовых сочетать Маркса с Кьеркегором и чем угодно, требует от меня работы, слишком утомительной и непрерывной. Иногда с грустью, разумеется, иронической, вспоминаю о тех временах, когда у меня было достаточно времени думать о всевозможных вопросах, способных интересовать голову, не лишенную проблесков теоретического понимания. От тех времен остался большой амбар всяких записанных мыслей, запасы растут и теперь, но реальная возможность их превращения в готовый продукт уменьшается с каждым днем.

Все это, в общем, вздор. Надежду на более систематическое изложение моих бесед с самим собой, за неимением того собеседника, который был у меня в тридцатых годах, я не теряю, хотя далеко не всегда, оглядываясь вокруг на масштабы мировых событий и далекий зигзаг, заложенный человеческой историей,

имею тщеславную уверенность в том, что эти мысли для чего-нибудь нужны. Большее удовлетворение дает мне сердечный отклик читателя на статью в журнале[363], хотя здесь играет роль не столько сложность мысли (она скорее требует упрощения), сколько сила слова.

Желаю здоровья и необходимой творческой энергии. Привет детям. Все наши кланяются.

Мих. Лифшиц.

Д. Лукач – Мих. Лифшицу
Будапешт, 6 января 1968 г.

Дорогой Миша!

После разочарования от того, что Вы не приехали, Ваше письмо от 18 декабря для меня – маленькое утешение. Я очень надеялся, что те разговоры, которые мы начали еще в Институте Маркса и Энгельса, мы сможем наконец продолжить. Но я надеюсь, что Вы в этом году наверстаете упущенное.

Известия о реакции наших друзей-философов на восстановление моего статуса меня очень позабавили. Это полностью соответствует моим впечатлениям тридцатилетней давности. Что касается содержательной стороны дела, то поездка, к сожалению, невозможна. В моем возрасте нужно сидеть за письменным столом и делать свою работу не прерываясь, если хочешь закончить хотя бы часть того, что наметил. Что касается возможной публикации, то я предложил бы, чтобы Вы предоставили им какую-либо часть из «Эстетики» в переводе. Через полгода я, может быть,

[пришлю] что-нибудь и из «Онтологии»; но сейчас окончательного текста не существует.

То, что Вы пишете о моих планах, очень хорошо и ободряет. Но вещи продвигаются, однако намного медленнее, чем мне бы хотелось. Если все будет хорошо, то я смогу «Онтологию» закончить к лету. Я не имею, однако, права забывать, что мне на «Этику» тоже понадобится несколько лет. Останется ли тогда еще действительная энергия на автобиографию, сегодня знать нельзя. Пока работа идет, однако, довольно хорошо, но это не означает гарантии на будущее. Я пока что продержался лучше, чем Елена, но кто знает, как будет дальше. Во всяком случае, я тоже верю, что в такие переходные времена, как наши, автобиографии участвующих не лишены объективной значимости.

То, что с Вами и с Вашей работой все хорошо, меня очень радует. Надеюсь, о конкретных вопросах мы сможем в не слишком далеком будущем поговорить подробно и конкретно.

С сердечным приветом, также и Лиде

<от руки> Ваш

Дьюри

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
21 января 1968 г.*
<по-русски, машинопись>

Дорогой Юри!

Прежде всего я должен сообщить Вам печальную весть о смерти Елены[364]. Года четыре назад ее уже признали однажды безнадежной, но хороший уход и участие одного врача-гомеопата поставили ее на ноги. И вот теперь простого гриппа было достаточно, чтобы оборвать эту жизнь, державшуюся в слабом теле, умерла она спокойно, во сне – хоть это утешительно, я здесь осиротел, ибо за последние двадцать лет, особенно, мне приходилось делить с ней и радость, и горе.

С волнением читал те строки Вашего письма, из которых следует, что Вы ждали меня[365]. Что поделаешь – так сложились обстоятельства. Вы слишком хорошо знаете меня, чтобы понять мое отсутствие неправильно. Дело с публикацией Ваших произведений идет вперед, но, как все на свете, очень медленно[366]. Нельзя ли прислать книгу, изданную в Будапеште[367]? Переводить будут с немецкого, но присутствие этого издания может ускорить дело. Как только печатание Вашей статьи в «Вопросах философии» примет более конкретные формы, я Вам сообщу[368].

Читали ли Вы статейку Игоря о Вас, напечатанную в «Литературной энциклопедии»[369]? Говорят, что она была перепечатана в Будапештской литературной газете[370] в ноябре прошлого года.

* На письме стоит дата: 1967 г. По содержанию письма оно явно относится к 1968 г. (Е.Ф. Усиевич умерла в 1968 г. – см. письмо).

Я уверен в том, что все Ваши планы будут осуществлены – и онтологию, и этику, и мемуары Вы успешно закончите[266], но, пожалуй, стоит больше отдыхать, не преувеличивая свою, хорошо нам известную, работоспособность. Я беспокоюсь немного за триумфальную сторону дела. Это бывает опасно, но, зная Вас, думаю, что Вы сумеете оградить себя от лишнего и вредного.

Что касается моей малости, то я иногда с грустью думаю о тех временах, когда мне не приходилось отбиваться от всяких предложений и поручений – написать статью или выступить с докладом. Как отказаться, если, например, хотят издать твою старую работенку, которая уже тридцать лет с лишним не издавалась, или сборник статей? А на все это нужно время, все это, как правило, делается в сжатые сроки к юбилею или еще к какому-нибудь крайнему сроку. В результате нет ни здравия, ни внутреннего покоя, а скорее скорого все равно ничего не сделаешь.

Надеюсь, что в этом году нам удастся с Вами встретиться[371]. Узнаете ли Вы меня? Я здорово постарел. Главным моим бедствием по-прежнему является плохой сон. А Вы по-прежнему, как Гёте, – good sleeper*?

Об остальном поговорим в нашем старом духе, как во времена Института Маркса и Энгельса. Нужно, однако, признать, что я совершенно забыл немецкий язык – практики никакой нет, а чтение для разговора дает очень мало. Правда, за это время я лучше, кажется, усвоил русский, хотя и в прежние времена не был в этом отношении безграмотен. Вообще говоря, я лишен особой способности к языкам, а в детские годы

* Хорошо спите, букв. «хорошо спящий человек» (*англ.*).

не имел возможности усвоить их, как «в хороших семьях». Теперь вот приходится быть болван-болваном. Могу прочесть книгу и по-французски, и по-итальянски, и по-английски, а двух слов не свяжу в устной речи. При моем почтенном возрасте это даже стыдно, но сие от меня не зависит.

Большой привет от Лиды, Игоря и моих детей.

Ваш М. Лифшиц

Д. Лукач – Мих. Лифшицу
Будапешт, 6 февраля 1968 г.

Дорогой Миша!

С глубоким потрясением я узнал из Вашего письма о смерти Елены. Для такого старика, как я, всегда очень тяжело слышать, что старые друзья и товарищи по борьбе покидают мир. Остаешься все более одиноким, все больше исчезает людей, которые были свидетелями важного периода жизни.

Статью Игоря[372] я прочитал на венгерском. Она довольно хорошая. Хочу Вас попросить сообщить мне его новый адрес, так как, насколько я слышал, он сменил квартиру, и я хотел бы иногда* ему писать.

Венгерское издание «Эстетики» я при первом удобном случае Вам пришлю.

Конечно, Вы правы, что с новой ситуацией[373] связаны и многие сложные решения. До сих пор мне удавалось ситуацию, хотя ее часто трудно сбалансировать, держать в правильном равновесии. Надеюсь, что так пойдет и в будущем. К сожалению, вследствие этого

* Дословно: от случая к случаю.

очень увеличивается общение с разными людьми и во многих случаях с этим ничего нельзя поделать.

Надеюсь, что уже в этом году сможет осуществиться Ваш приезд в Будапешт[374]. Вы пишете, что Вы разучились говорить по-немецки; ну так у меня так же с русским. Так что технически будет, возможно, труднее, чем в свое время в Институте Маркса и Энгельса. Но мы все-таки как-нибудь справимся. Ибо самое главное ведь то, что чувство и разум в том же состоянии, что и во время первого периода наших встреч. Так что и я не верю в то, что Вы говорите о своем возрасте. Правда, плохо спать – штука злая, которую я, к счастью, знаю только понаслышке, потому что я пока еще сплю хорошо[375].

Пожалуйста, постарайтесь сделать так, чтобы Ваша поездка в Будапешт все-таки состоялась; я знаю, что в таких случаях всегда много сложностей, но они в конце концов должны быть преодолимы.

С самым сердечным приветом Лиде и Игорю

<от руки> Ваш

Дьюри

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу

1 ноября 1968 г.

<по-русски, машинопись>

Дорогой Юри!

Я обещал писать по-немецки, но так как очень тороплюсь и письмо это чисто деловое – придется Вам потрудиться, разбирая русский текст.

В издании «Эстетики» достигнуто согласие на счет того, чтобы подготовить к печати два тома по тридцать листов, итого в общей сложности – 60[306]. Это несколько меняет дело, и Вашим ученикам нужно будет сделать меньше сокращений. Прошу Вас предупредить их об этом. С нетерпением жду сокращенный экземпляр для перевода[376].

Мы с Лидой здоровы, шлем Вам тысячу приветов, вспоминаем с теплым чувством. Под Вашим влиянием настраиваю себя на чисто научный лад. Поздравляю с приближающимся пятидесятилетием со дня основания Венгерской Коммунистической партии[377] и с нашей Октябрьской годовщиной.

Желаю здоровья и прошу проследить за горлом.

Большой привет Ферри[107], его жене и милому Андрашу. Кланяюсь также семейству Фехер[378].

Ваш Мих. Лифшиц.

Д. Лукач – Мих. Лифшицу
Будапешт, 25 ноября 1968 г.

Дорогой Миша!

Спасибо за Ваше письмо. Экземпляр «Маркс и Энгельс об эстетике»* получил и вместе с экземпляром сокращенной «Эстетики» очень скоро отошлю в «Luchterhand»[379].

Сокращение «Эстетики» по существу закончено. Как только у меня будет экземпляр, пошлю его в издательство с пометой, что Вы имеете полное право

* Скорее всего, речь идет о книге: Michail Lifschitz. Karl Marx und die Asthetik, Dresden, 1967.

вносить в текст изменения, которые сочтете необходимыми, как в позитивном, так и в негативном смысле. Нам пришлось сокращать целые главы, чтобы добиться действительного сокращения. Вам теперь нужно проверить, что годится для русского издания.

Я все еще часто вспоминаю то, как мы были вместе. Передайте сердечный привет от меня и Лиде.

Ваш

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
18 февраля 1969
<по-русски, машинопись>

Дорогой Юри!

С большим нетерпением жду обещанного Вами сокращенного до 60 печатных листов текста «Эстетики»[380]. Примите во внимание, что все это нужно переводить, а это требует времени! Пусть Ваши ученики поторопятся – ситуация в издательстве сейчас благоприятная[381].

Передо мной перевод главы о музыке[382]. Печатание ее намечено в весенних номерах журнала «Советская музыка». Однако есть и противоборствующие силы. Я прошу Вас, в частности, обратить внимание на номер первый журнала «Москва»[383] за нынешний год и номер второй журнала «Октябрь»[384]. Необходимо с этим покончить.

С удовольствием узнал хорошие новости из Венгрии[385].

Мы с Лидой шлем Вам наши лучшие пожелания.

Просим кланяться Ферри и его семье, а также Вашей домоправительнице.

Ваш Мих. Лифшиц.

Д. Лукач – Мих. Лифшицу
Будапешт, 23 марта 1969 г.

Дорогой Миша!

Спасибо за Ваше письмо. Сокращенная «Эстетика» через здешнее ведомство ARTISJUS уже ушла в издательство. Так как одновременно один экземпляр ушел в «Luchterhand»[379] и там его уже получили, то в высшей степени вероятно, что вещь дошла и в Москву. Сочинения я попытаюсь получить и прочитать. К сожалению, здесь это не всегда возможно.

Вся семья передает Вам в свою очередь привет, и я передаю сердечный привет Лиде.

Искренне Ваш

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
19 апреля 1969 г.
<по-русски, машинопись>

Дорогой Юри!

Очень рад был Вашему письму и спешу сообщить, что дело с «Эстетикой» как будто двинулось вперед. Мы уже договариваемся с переводчиками, которых будет трое, чтобы книга могла выйти поскорее[386]. В сокращенном варианте оказалось листов 80,

но в издательстве мне обещали все же преодолеть эту трудность и выпустить книгу в двух томах.

Я с радостью читал интервью с Вами в «Правде» от 20 марта сего года[387], которое звучит очень ортодоксально – ну, лучше просто не надо! Жаль, что оно вошло в общую большую корреспонденцию из Будапешта. Это позволяет заинтересованным лицам делать вид, что они его не заметили. Пусть Ваши друзья поторопятся прислать статью о Вас в «Вопросы философии»[388] – это очень важно. Вам, может быть, трудно представить себе, как это практически важно и для меня. Не легко человеку целые десятилетия сидеть в окопе и отбиваться от атак наших литературоведов и философов, преимущественно даже первых. Может быть, это освободит мои силы для чего-нибудь более полезного.

Воспоминание о нашем свидании в Будапеште все еще согревает меня[389]. Разбирая письма за сорок лет, нашел я также много Ваших писем и трогательных писем бедной Гертруд, которую я всегда вспоминаю с большим душевным волнением[241]. Между прочим, прислали мне «Разговоры с Лукачем»[390], и я успел прочесть эту любопытную книжку, вспомнив о тех разговорах у нас в Москве, которые, к сожалению, не были записаны. Воспоминания о них имеются в нескольких Ваших письмах из Берлина и Будапешта.

Мы с Лидой поздравляем Вас с первомайским праздником. Мне жаль, что за краткостью нашего пребывания я не успел ближе сойтись с Ферри. Мне нечего рекомендовать Вашему вниманию Маришу[204], которая передаст Вам это письмо, Вы достаточно знакомы с ней. Но мне приходит в голову, что в связи с подготовкой у нас в Москве сборника ее статей[391]

было бы неплохо издать их также на венгерском языке. Все-таки это страница в истории нашей критики и, быть может, самая интересная за пятьдесят лет! Я бы хотел, чтобы товарищ Фехер[378] познакомился с этими статьями.

Прошу передать приветы мои и Лиды всему обществу, с которым мы имели удовольствие провести несколько интересных часов в Будапеште.

Ваш Мих. Лифшиц

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
5 мая 1970 г.
<по-русски, машинопись>

Дорогой Юри!

Надеюсь, что Вы получили мою поздравительную телеграмму. На всякий случай еще раз горячо поздравляю Вас с днем рождения и большим юбилеем[392]. Мы с Лидой искренне желаем Вам еще многих лет бодрого труда и нужного для этой цели здоровья. Отдельные вести о Вашей деятельности и выступлениях в печати[393] доходят до нас через международные радиостанции, я был рад видеть у себя Ферри с супругой, которые мне очень симпатичны.

Однако на сей раз у меня есть к Вам небольшое дело. Дело это состоит в том, что литературные враги не дают мне здесь покоя всякими инсинуациями на счет того, что я «ученик» и «адепт» некоего Лукача. К услугам этих сикофантов масса журналов и поддержка самых темных элементов, расчет их понятен – привязать меня к Вашим выступлениям на

политические темы. Вы мне объяснили, что не можете считаться с этим. Я принимаю Ваши объяснения, однако я не могу также отрекаться от Вас. Я этого не делал даже в то время, когда Вы находились в депортации[394], несмотря на то, что меня вынуждали к этому всеми известными Вам средствами. Мне не нужно объяснять Вам обстановку тех лет.

Я уже ответил на эту кампанию в речи, напечатанной в «Вопросах литературы» (1969, №6)[395], я сказал: «Если бы мне довелось быть учеником такого выдающегося ученого, как Лукач, я, вероятно, был бы умнее и образованнее, чем я есть. Но этого не было. Когда мы встретились и подружились с ним в 1930 году[57], у меня уже было сложившееся мировоззрение». Я принял здесь ту формулу о «мировоззрении», которую слышал от Вас в Будапеште[396]. Могу прибавить к этому, что знакомство с Вами значило для меня очень много. Надеюсь, конечно, что и для Вас эта встреча не прошла бесследно, как я вижу из большой надписи, сделанной Вами на книге «К истории реализма», подаренной мне в 1939 году[397].

Вопрос этот имеет не личное значение, мое самолюбие здесь ни при чем. В настоящее время выдвигается на первый план вопрос об оценке тридцатых годов, в частности – деятельности того небольшого кружка, который сложился вокруг меня и с которым я познакомил Вас. Нынешняя кампания стала продолжением старой травли против нас, продолжавшейся не менее тридцати лет. Сейчас готовится ряд коллективных исторических трудов на тему о тридцатых годах. С этим связан вопрос о публикации наследства Елены[398], Александрова, Гриба[399], Андрея Платонова, да и моих статей[400]. Думаю, что при нынешнем нашем

идейном кризисе это может стать очень важным для всей нашей молодежи, а может быть, и не только для нее. У Вас своя перспектива, но я думаю, что все вопросы современного мира не решатся без решения наших внутренних вопросов. Так или иначе – мне именно это дорого, и здесь я не могу быть равнодушным.

Поэтому я прошу Вас – если Вы найдете это возможным – написать мне личное письмо, с расчетом, чтобы я в случае необходимости мог опубликовать его, письмо, заключающее в себе Ваше суждение о том, являюсь ли я «учеником Лукача»[401]. Письмо это может быть сколь угодно кратким. Вот и все.

Я работаю сейчас над статьей, которую надеюсь послать в Будапешт, в юбилейный сборник в Вашу честь[402], если, конечно, мое приношение не опоздает. Статья уже готова, но нуждается в известной переработке[403]. Прочел мерзостную стряпню Байера[404] об онтологии и возмущен. Может быть, и отвечу на нее, если наши обстоятельства позволят.

Еще раз желаю здоровья и всяческих успехов в Вашей деятельности.

Ваш Миша.

Д. Лукач – Мих. Лифшицу
Будапешт, 17 июня 1970 г.

Дорогой Миша!

Прежде всего, извините, что я на Ваши любезные поздравления с днем рождения отвечаю так поздно. В это время было много суеты и одновременно нужно было заканчивать первое изложение «Онтологии»

на бумаге. Теперь нужно браться за вычитку и переработку.

Ваше письмо меня очень обрадовало, и особенно потому, что пробудило много старых воспоминаний. Не могу не записать их сейчас хотя бы в коротких набросках[405].

Я всегда с величайшей радостью думаю о нашей первой встрече в 1930 г. Это был первый и до сих пор единственный случай в моей долгой жизни, когда я сошелся с гораздо более молодым ученым без того, чтобы при этом могла бы возникнуть даже идея возможности отношений между учителем и учеником. В те времена мы занимались вместе разработкой эстетики марксизма в собственном смысле слова, в отличие от «плехановской ортодоксии» в Советском Союзе, «меринговской ортодоксии» в Германии и т.п. То, что это мое впечатление не было чисто субъективным, показывают наши последующие сочинения. Без всякого сомнения, Ваша работа о развитии молодого Маркса[406] имела более широкое и принципиальное значение, чем мое изложение так называемой дискуссии о «Зикингене»[407]. Поэтому тот, кто говорит здесь о положении ученика, говорит чистейшую глупость, которая совершенно не отвечает фактам.

В таком же духе развивалось наше совместное сотрудничество в «Литературном критике». И в нашем более тесном кружке (Усиевич, Сац, Гриб, Александров) не было ничего похожего. К тому же наша коллективная работа совершенно закончилась вместе с закрытием «Литературного критика». Что касается меня лично, то я в этот период уже работал над моей книгой о Гегеле, которая ни с точки зрения темы, ни с точки зрения метода не имела существенной связи с

тенденциями нашего коллектива[408]. Еще более это относится к моему позднейшему «Разрушению разума». К этому следует прибавить, что в это время я снова вступил в близкие отношения с венгерской партией[409], и возникавшие здесь литературные проблемы также имели в своей основе другую тематику и другие методологические установки. Все это, само собой разумеется, в еще большей степени относится к моей деятельности после 1945 года. Тот факт, что я при этом имел возможность с большим интересом и пользой читать Ваши произведения, по существу ничего в этом не меняет. Во всяком случае, я всегда с радостью вспоминаю прекрасные дни нашей совместной работы в тридцатых годах. Надеюсь, что и Вы также?

Большой привет Лиде.

Ваш Юри

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу
16 ноября1970 г.
<по-русски, машинопись>

Дорогой Юри!

Спасибо за Ваше летнее письмо и простите, что я так долго не отвечал. Неотложные дела, постоянная спешка – нужно все это или не нужно – подчиняться общему ритму жизни, как вы знаете, приходится.

Все, что Вы пишете о нашей совместной работе в тридцатых годах, вызывает у меня, конечно, острое чувство ностальгии по тем временам. Эти нелегкие времена были, возможно, самими счастливыми в моей жизни. Бывает! Ведь и солдат, вернувшийся с фронта,

вспоминает иногда не без удовольствия кусок обожженной земли, на которой ему приходилось лежать, зная, что уйти никуда нельзя.

К сказанному Вами о наших отношениях я мог бы прибавить, что многому научился у Вас. Мне повезло – в течение почти десяти лет я имел такого собеседника, который был для меня лучшей книгой. Ваше громадное знание всей мировой жизни, особенно жизни духа, заменило мне до некоторой степени те источники развития, которых я был лишен. Надеюсь, что и соприкосновение с моим малым опытом не прошло для Вас бесследно. Был ли этот обмен эквивалентным, я не знаю, но самолюбие в этом отношении не играет для меня никакой роли.

Когда недоброжелатели (а их, как Вы знаете, у меня всегда было достаточно) открыли новую кампанию под лозунгом «ученик Лукача», я отвечал им, что если бы мне действительно привелось быть учеником такого выдающегося человека, я был бы гораздо умнее и образованнее, чем я есть. Это напечатано в журнале «Вопросы литературы» за прошлый год[395]. Обычно я отмалчиваюсь, но иногда приходится что-нибудь сказать. Ведь все это, к сожалению, имеет практическое значение. Мне стараются сейчас противопоставить Гриба, Верцмана, Пинского[410], хотя в своих подражательных работах они были только послушными рупорами моих идей, учениками в буквальном, даже слишком буквальном смысле слова. Бывает, что приходится вспомнить превосходную новеллу Бальзака «З. Маркас»[411], но Вы знаете отчасти мою жизнь – в ней было слишком много серьезного, чтобы можно было думать о таких, в конце концов, мелких и пошлых вещах, как научный приоритет, благодарность

других, справедливая оценка личности. Не для этого мы живем.

Я рад был узнать из Вашего письма, что работа над «Онтологией» подвигается к концу[299]. С тех пор, как мы расстались, прошло уже больше четверти века. За это время Вы успели сделать очень много. Я тоже не остался на месте, даже в теоретическом отношении, хотя время было не всегда благоприятно для этого. Как я вижу из статей на онтологические темы, которые Вы дали мне прочесть, мы развивались каждый по-своему. Жаль, что я не могу довести до Вашего сведения выводы моего умственного труда за это время – у меня нет ничего написанного или, вернее, напечатанного. Мою «Онтологию», если можно так выразиться, я еще не начинал. Может быть, в ней будет что-нибудь интересное, если это когда-нибудь осуществится вообще, если это не мираж моего воображения. Кроме скелетов многочисленных лекций, у меня накопилось много записанного, но эскизного материала. Возможно, что мне придется оставить это в афористической форме. Мне чем-то неприятен этот путь, ибо на роль марксистского Ницше или Хайдеггера я претендовать не хочу. Боюсь только, что на строгую систематику уже не осталось времени.

Верю, что в какой-то точке наши пути снова сойдутся.

Ваш Мих. Лифшиц.

Мих. Лифшиц – А. Аггу[412] и Ф. Яношши[107]

(по поводу смерти Д. Лукача, черновые варианты)[413]

Москва, 22 июня 1971 г.

Дорогой Аттила!

Большое спасибо за письмо, в котором вы описываете последние дни нашего старика. Я плакал, читая эти слова, хотя в жизни такого со мной не бывает.

То, что перед смертью он был уже не философом, а только «усталым стариком», еще больше тронуло меня, потому что это свойственно человеку. Быть философом – хорошо. Но быть всегда философом – глупое чванство. Вся философия держится на тонкой прокладке, в которую входят и легкие, и сердце, словом, кусок жалкой материи. Природа и люди всегда могут довести его до полного изнеможения. Я знал настоящих героев, которые, увы, не выдерживали своей философии до конца. И если даже кто-нибудь торжествует над всем, как факир, то это ведь тоже только игра природы. Есть люди, способные есть стекло, есть истерички, которые могут выдержать испытание каленым железом, средневековый «божий суд». Гордиться здесь особенно нечем. Это – не человечно. Жаль мне только, что старик не мог умереть на руках у Гертруд, которая его так любила и была постоянной опорой и компасом его жизни. Смерти бояться нечего – это доказал Эпикур. Но он не заметил, что боятся люди больше всего не смерти, а умирания. То, что Jeder stirbt fuer sich allein*, не совсем точно. Существует ведь русская поговорка «на миру и смерть

* Каждый умирает в одиночку (*нем.*).

красна». Таковы, дорогой Атилл, мои небольшие размышления по поводу ars moriendi*.

Я совершенно согласен с Вами в том, что смерть Лукача будет началом новой волны его всемирной славы, которую, впрочем, он имел и без того. Волна откликов на это событие во всем мире очень велика. Буржуазная печать и радио, конечно, старается сделать свое коварное дело – посеять недоверие к его памяти в социалистических странах. Мне понравился некролог Вюрмсера в «Юманите», озаглавленный «Верность», но статья этого бывшего прихвостня Гароди – Жиссельбрехта, конечно, гадость. В «Унита» тоже говорят что-то кислое по поводу догматизма Лукача или, во всяком случае, по поводу того, что они считают у него немного old fashioned**. Глядя на то, как развиваются события в Италии, я хотел бы быть лучше догматиком, чем авангардистом, способствующим подъему новой волны фашизма. Самый опасный вид догматизма в наши дни это раскол передовых новаторов с «обывателем». Я скорее на стороне последнего. Если он становится реакционным – это вина тех, которые считают себя слишком передовыми, чтобы развивать здоровое народное начало в лучшую сторону и, пугая, отдают обывателя в руки правых. Не поняли, видно, ни «Что делать?», ни «Детскую болезнь» Ленина, а жаль – потому что дело становится серьезным.

<… >Прошу Вас передать Ферри Яношши небольшое письмецо, которое я вложил в этот конверт.

Ваш

* Искусство умирания (*лат.*).
** Старомодным (*англ.*).

Дорогой Ферри!

Позвольте в этот тяжелый момент выразить Вам мое искреннее участие. Если история делает людей, то она сделала Вашего отца как надо. Чем бы она была без таких, как он? Мне не нужно писать, что имя его не будет забыто, а влияние на все лучшее в мире будет с каждым годом расти. Вы знаете это так же, как и я. К сожалению, все это не устраняет человеческой стороны нашего горя.

Хотя обстоятельства надолго разъединили меня с моим дорогим другом, его образ всегда оставался у меня в душе. Мы часто вспоминаем его изречения, его своеобразный юмор, и особенно ту мудрую простоту, с которой он всегда встречал удивительные повороты судьбы. Вот человек, который действительно умел смотреть не только на чужую, но и на собственную жизнь исторически!

Когда я чувствую обиду или несчастье, мне всегда вспоминается его объективное отношение к своей роли в жизни и своим возможностям. При его громадном образовании и таланте он был совершенно лишен какой бы то ни было претензии. В наши дни, когда наука это одно, а жизнь часто совсем другое, его биография – редкий пример единства того и другого, нелегкий в такие времена, когда философ, каким он был, находится в водовороте массового движения, гораздо более широкого, чем во времена Августина или Меланхтона. Мне кажется, что несмотря на свое буржуазное происхождение, он усвоил пролетарскую культуру лучше, чем множество людей от станка или сохи.

Как жаль, что он не успел написать двух вещей. Во-первых, своих воспоминаний, во-вторых, своей

«Этики». Он говорил мне лет тридцать назад об этом замысле и о том, что хотел бы положить в основу этой работы переписку Маркса и Энгельса.

Прошу Вас передать мое сочувствие Анче.

Привет от меня и жены Вашей милой семье.

Ваш

Приложение

I. Начало 1930-х гг.

Докладная записка П.Ф. Юдина директору Института Маркса и Энгельса В.В. Адоратскому о перестройке работы кабинета истории философии в ИМЭ[414].

<…> Т.н. кабинет философии истории занимается тем, что Лукач работает лично над проблемой: экономические и политические взгляды Гегеля; Лифшиц над странной темой: Бруно Бауэр как ранний пророк империализма (в общем что-то в этом роде). В задачу этого кабинета входила работа над историческим материализмом. Но об истмате они и не думали. Там всего есть несколько случайных книжек по истмату. <…> Ни одна из проблем марксизма не разрабатывалась, не говоря уже об изучении ленинизма. Ни в одном из перечисленных кабинетов нет ни единой книжки Ленина и о Ленине.

В философском кабинете есть отдел по современной философии. Собраны все идеалисты-мракобесы (Шпенглер, Гуссерль, Шпет и т.д.), но к числу современных философов руководителями кабинета Ленин не причислялся. <…> Вся работа

СОЗНАТЕЛЬНО* строилась с таким расчетом, чтобы не увязывать ее с современными задачами строительства социализма. Вся работа СОЗНАТЕЛЬНО (подбор работников, подбор литературы, планы и т.д.) строилась так, чтобы удовлетворить личные научные (и политические) интересы нескольких жрецов науки (Рязанов, Деборин и др.), к эти интересам СОЗНАТЕЛЬНО приспосабливались темпы работы, ее содержание и все остальное. Вся работа СОЗНАТЕЛЬНО строилась так, чтобы Ленин и ленинизм не находили даже самого ничтожного внимания.

РГАСПИ. Ф. 71. Оп . 3. Д. 41. Л. 196, 197.

II. 1937 г.

Записка О. Войтинской о журнале «Литературный критик» заведующему Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л. Мехлису. Декабрь 1937 г.

Журнал «Литературный критик» при нынешнем руководстве журналом не обеспечивает проведения партийной линии в литературе. Редколлегия журнала состояла из следующих людей: И. Гронский, С. Динамов, К. Земляной, Б. Иллеш, В. Кирпотин, Г. Лебедев, М. Розенталь, А. Серафимович, П. Сутырин, Е. Усиевич и П. Юдин. <…>

В резолюции ИКП литературы совершенно обоснованно сказано, что в журнале созданы условия для создания легального центра для антисоветской связи с заграницей. Последние события (аресты ряда работников аппарата) показывают правильность этого решения. <…>

Усиевич – член редколлегии, фактический руководитель и «идеолог» журнала, числится прикрепленным критиком. Усиевич была конструктивисткой, была активной участницей Литфронта. Активно поддерживала и выдвигала в статьях близких

* Слово «сознательно» выделено авторами записки.

к ней людей – фашистских бандитов – П. Васильева, Корнилова и тесно связанного в свое время с ним Смелякова. Она на страницах журнала называла Павла Васильева певцом миллионов, хотя уже тогда было известно, что П. Васильев был кулацкий поэт. Она редактировала книги шпиона Борна.

Недавно Усиевич на страницах журнала выступила с политически вредной статьей, пропагандирующей бухаринские установки в поэзии. Усиевич утверждает, что сейчас не нужно политической поэзии. Эта статья была напечатана во время подготовки выборов в Верховный Совет, когда роль политической агитации художественным словом особенно важная*.

Партком Союза писателей разбирает заявление Гронского о том, что на квартире у Усиевич Сокольников делал политические информации.

Усиевич при покровительстве Юдина подтянула к журналу антимарксистскую группу, возглавляемую Лифшицем**. Журнал фактически является рупором этой группы. Группка Лифшица, примазавшись к борьбе партии с вульгарным социологизмом (в свое время авербаховцы так примазывались к борьбе партии против меньшевистской концепции Переверзева) под флагом борьбы за партийную линию, протаскивает явно политически вредные антимарксистские взгляды, отрицающие роль классовой борьбы в искусстве.

Еще в 1935 году Лифшиц осмеливается утверждать, что его работа представляет «небольшую попытку представить взгляды Маркса на общий ход исторического процесса с той стороны, с какой они до сих пор еще ни разу не излагались». По Лифшицу выходит, что не Ленин и Сталин, а он, Лифшиц, проливает новый свет на общий ход исторического процесса.

В группу Усиевич – Лифшиц, которой всячески покровительствует Юдин, входят такие люди, как И. Сац – известный тем, что он:

1) брат разоблаченной Н. Сац,

* Здесь и далее в *Приложении* подчеркнуто авторами.

** Фамилия «Лифшиц» везде пишется автором через «в».

2) напечатал вреднейшую статью в журнале о том, что мы, якобы, должны добиться победы над врагом, добиваясь пролития малого количества крови. <…>

По предварительным подсчетам в журнале печаталось и пригревалось большое количество людей, ныне разоблаченных как враги народа (больше 20 человек). <…>

Журнал не выполняет своей основной задачи – быть боевым большевистским органом, активно борющимся против враждебных течений в литературе.

РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Дело 15785. Листы 31-35. Машинопись. Дается в сокращении.

III. 1940 г.

Докладная записка секретарей ССП СССР А.А. Фадеева и В.Я. Кирпотина секретарям ЦК ВКП(б) «Об антипартийной группировке в советской критике»[415] 10 февраля 1940 г.

В ЦК ВКП(б) – тов. Сталину
тов. Молотову
тов. Жданову
тов. Андрееву
тов. Маленкову

Условия работы советской критики нельзя считать вполне нормальными. Несколько лиц, организованных как группа, составляющих меньшинство критиков, оказались в исключительно привилегированном положении в области критики. В их руках всецело находятся «Литературный Критик», единственный литературоведческий и специально критический журнал на русском языке в СССР, «Литературное Обозрение», единственный библиографический литературный журнал. Группу поддерживает газета «Советское Искусство». Группе покровительствует работник литературного отдела «Правды» Трегуб, что отражается на подборе лиц, приглашаемых для

сотрудничества в лит[ературном] отделе «Правды» и что используется группой для муссирования слухов об оказываемой им будто бы партийной поддержке. Руководящими лицами в группе являются Г. Лукач, Мих. Лифшиц, Е. Усиевич. Г. Лукач – человек очень путаной биографии, в начале своей деятельности неприкрытый буржуазный идеалист, впоследствии вступивший в венгерскую компартию, левак, о котором Ленин писал еще в 1920 г.: «Статья Г.Л. очень левая и очень плохая. Марксизм в ней чисто словесный» и т.д. (т. XXV, с. 291).

Политические и философские работы Г. Лукача неоднократно подвергались критике в советской печати за ревизию марксизма. Т. Лифшиц – кандидат в члены ВКП(б), Е. Усиевич – член партии.

В группу входят В. Кеменов, Гриб, Сац, М. Розенталь (редактор «Лит[ературного] Критика»), Ф. Левин (зам. редактора «Лит[ературного] Критика» и редактор «Лит[ературного] Обозрения»), В. Александров, Андрей Платонов, автор литературного пасквиля на колхозное движение «Впрок». Близки были к группе недавно арестованные критики Малахов и Рагозин. Зам. редактора «Лит[ературного] Критика» и редактор «Лит[ературного] Обозрения» Ф. Левин сам заявил на публичном собрании, что журналы, в которых он работает, представляют собой «идейное течение». Уж одно то, что два государственных журнала стали групповыми органами, органами какого-то «течения», является вопиющим безобразием. Однако, дело не кончается этим. По логике группового существования члены группы накопили много ошибок, вредных теорий, на которых они настаивают, которые они активно защищают, которые стали их линией. Вот главнейшие пункты их взглядов, являющихся буржуазно-либеральной ревизией марксизма.

Отказ от теории классовой борьбы при оценке литературных явлений

<…> Отказ от теории классовой борьбы приводит к замене конкретно-исторического исследования абстрактными, априорными схемами. Так Г. Лукач в книге «К истории реализма»

(Гослитиздат, 1939 г., редактор М. Лифшиц, все основные статьи этой книги предварительно напечатаны в «Лит[ературном] Критике») доказывает, что Россия 2-ой половины XIX века была зрелой капиталистической страной, по типу западно-европейских, и что царизм был капиталистической властью. «Итак, – пишет Г. Лукач, – Толстой изображает мир, в котором отношения между людьми и отношения людей к обществу очень близки к типу отношений, который изображали западные писатели-реалисты после революции 1848 г.» (с. 289).

Фраза эта является объяснением вновь найденной Лукачем общественной формации: «Капитализм в его специфически-царистской форме» (с. 286), а самодержавие превращается в «аппарат капиталистического государства» (с. 287).

Какой Г. Лукач «марксист» известно, но редактор его книги М. Лифшиц – кандидат партии, а редакторы «Лит[ературного] Критика» – коммунисты. Мы вправе требовать, чтобы редактора-коммунисты по крайней мере не сбивали с толку писателей, изучающих историю, подсовывая им немарксистские, неленинские взгляды на русский исторический процесс.

<…>

Стремление оторвать советскую литературу от политики

Гнилые теоретические позиции группки «Лит[ературного] Критика» приводят их естественно к выводу, что политика вредна искусству.

Е. Усиевич пишет: «Надо сказать, что произведения западных революционных писателей, ощупью идущих к коммунизму, зачастую в гораздо большей степени обладают специфическими свойствами художественного творчества и действуют гораздо более революционизирующе, чем произведения многих наших писателей, подходящих к творчеству с готовыми коммунистическими выводами» («О закономерности» Н. Вирта, «Лит[ературный] Критик», №7, 1937 г.).

«Поиски героя у подавляющего большинства наших писателей не только оказываются неудачными по непосредственному результату, но и ведутся в том направлении, где героя

найти просто невозможно» («Ли[тературный] Критик», статья «Разговор о герое», с. 154, №9–10 за [19]38 г.).

Всю советскую литературу «Лит[ературный] Критик» считает иллюстративной (т.е. дидактической, второсортной) на том основании, что она пронизана политической тенденцией. «До сих пор наша литература преимущественно иллюстрировала марксистское понимание действительности» (передовая «Лит[ературного] Критика», №9–10 за 1938 г., с. 9).

В области поэзии Е. Усиевич проводит ложную и вредную мысль, что политической поэзии, как особого жанра, никогда не существовало в большой литературе и не должно существовать в советской поэзии. Политическая поэзия, по мнению Е. Усиевич, есть результат художественного упадка: «Только в эту эпоху художественного упадка, обусловленного специфическими особенностями буржуазного развития, возникает «аполитичная» или «антиполитическая» поэзия. Ей противостоит поэзия, имеющая ясно выраженное политическое содержание, ставящая себе непосредственно политические задачи и целиком ограничивающая себя воспеванием или порицанием политических деятелей, фактов и лозунгов» (Е. Усиевич. Пути художественной правды. 1939, с. 106).

«…Другими словами, попытки возвратить поэзии утерянное органическое общественное содержание выливались в одностороннюю, нарочитую форму: политические стихи, где непосредственно политическая тема выражалась рассудочно, оторванная от всего богатства жизни, – упрощали тему, становились иллюстративными и теряли, вследствие этого, и поэтическую силу и политическую остроту» (Там же, с. 109–110).

Усиевич оболгала историю литературы. Пушкин писал «Для берегов отчизны дальней», но и «Деревню», и «Вольность», Лермонтов не только «Ветку Палестины», но и «Смерть поэта». И то и другое гениально, но относится к разным жанрам лирики. «Деревня», «Вольность», «Смерть поэта» – это и есть образцы политической лирики. В современной же советской литературе Е. Усиевич поддерживает явления, выражающие разбитое буржуазное сопротивление социализму. Поэтому

для нее Андрей Платонов, автор «Впрока», является самым талантливым советским писателем: «Наиболее талантливым среди писателей, не удовлетворяющихся одними лишь гуманистическими обобщениями, а ищущих жизненных, конкретных и трудных, часто трагических форм развития, является у нас Андрей Платонов» («Литературный] Критик», №9–10 за 1938 г., с. 171).

«Лит[ературный] Критик» сделал Платонова своим знаменем. Его противопоставляют другим писателям. На него указывают, как на образец. В. Александров в статье «Частная жизнь» предлагает Пастернаку лечиться... Платоновым («Лит[ературный] Критик», 1937, кн. 3). Даже рассказы Платонова, забракованные другими журналами, печатались в «Лит[ературном] Критике».

Платонов стал публицистом и критиком группки. На страницах «Лит[ературного] Критика» он доказывает, что вся русская литература после Пушкина – сплошной упадок, а Горький вобрал внутрь себя… кусочек фашизма: «Русская литература вынуждена была (после Пушкина) пойти на некоторое обеднение». Гоголь в «Мертвых душах» и «Ревизоре» – это «приблизительная имитация» Пушкина (с. 72). «Сам Пушкин явился ведь не от изобилия, не от избытка сил народа, а от его нужды, из крайней необходимости, почти как самозащита или как жертва» (с. 68). «Горький всегда был на передовой линии фронта борьбы за будущую пролетарскую участь, он одним из первых принимал на себя все атаки буржуазного, а затем фашистского противника. И, естественно, что сознание Горького как бы «искажалось», потому что в бою и победитель получает раны. Здесь же бой происходил внутри человека, так как нужно было уничтожить врага в самом духе и разуме, а для этого надо подпустить его чрезвычайно близко – в самого себя» (с. 80, статья «Пушкин и Горький» – «Лит[ературный] Критик», №6 за 1937 г.). Дальнейшие комментарии излишни!

Сборник подобных статей Платонова, редактировавшийся Е. Усиевич, был изъят как антисоветская книга.

< ... >

Выводы

Группка «Лит[ературного] Критика» выродилась в кучку людей, представляющих современную ревизию марксизма-ленинизма, представляющих буржуазно-либеральное сопротивление марксизму-ленинизму в литературе. Как водится, группка «Лит[ературного] Критика» особое внимание обращает на молодежь. Она группирует аспирантуру по типу так называемых «школок». Ее влияние заметно в педвузе, особенно сильно ее разлагающее влияние в Институте истории, философии и литературы им. Чернышевского.

По всем правилам групповой тактики группка эта покрывает ошибки друг друга, согласовывает между собой свои статьи и выступления, третирует всех инакомыслящих как «немарксистов». В течение ряда лет, кто бы ни стоял у руководства Союза писателей, группка эта играет в своеобразную «оппозицию» и разжигает рознь между писателями и критиками.

По системе своих взглядов, по методам своей работы группка «Литературного Критика» является антипартийной группировкой в литературе.

Необходимо отнять «Лит[ературный] Критик» и «Лит[ературное] Обозрение» из рук группы и сделать их органами Союза советских писателей, целиком и полностью изменив редколлегии этих журналов .

Необходимо разоблачить взгляды группки «Лит[ературного] Критика», чтобы прекратить разлагающее влияние ее на литературу и учащуюся молодежь.

Необходимо, чтобы «Правда» выступила с осуждением линии «Лит[ературного] Критика».

< ... >

С коммунистическим приветом,

А. Фадеев

В. Кирпотин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 209. Л. 51–69.

IV. 1949 г.

Об идейно-теоретических взглядах профессора Лукача в области литературы и искусства[416].

В Венгрии считают Д. Лукача наиболее видным и наиболее авторитетным теоретиком в области искусства и литературы в стране, стоящим на позициях марксизма-ленинизма. Это происходит благодаря недостаточному знанию действительных взглядов Лукача, а также потому, что его эклектическая абстрактно-схоластическая теория импонирует буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции.

Расплывчатость в формулировках, «об'ективизм», беспартийность, плохо скрытая нелюбовь к русской художественной классике и советскому искусству – эти характерные для воззрений Лукача особенности не могут не способствовать усилению его популярности в известных кругах.

Несомненно, однако, что главной причиной его популярности является поддержка его со стороны венгерских коммунистов. При этом следует заметить, что Лукач, хорошо зная марксистскую терминологию, по каждому поводу и без повода упоминает слово «диалектика», «громит» «вульгарный марксизм», дабы не быть самому зачисленным в метафизики и вульгарные социологи.

Предисловие Лукача к сборнику Маркса и Энгельса «Искусство и литература»[417] может служить наглядным примером абстрактного теоретизирования, схоластических рассуждений на темы об искусстве вообще. Это предисловие содержит ряд грубейших извращений марксистской теории в духе буржуазного декаданса и идеалистического понимания исторического процесса. Далее обращает на себя внимание, что Лукач ставит Гофмана и Бальзака на одну доску и утверждает, будто «произведения Гофмана принадлежат к высоко оцениваемым Марксом произведениям». Далее Лукач пишет: «Фантастические новеллы Гофмана... являются вершинами реалистической литературы».

Сказанное Лукачем о Гофмане является грубейшей фальсификацией истины.

Маркс и Энгельс ничего подобного о Гофмане не говорили[418]. То, что приписывается Лукачем Марксу, играет на руку только врагам марксизма, врагам прогрессивной реалистической литературы. Чтобы убедиться в этом, приведем оценку Гофмана А.А. Ждановым: «И у акмеистов[419], и у "Серапионовых братьев"[420] общим родоначальником являлся Гофман, один из основоположников аристократическо-салонного декадентства и мистицизма» (Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», стр.15)[421].

Лукач же превозносит Гофмана в качестве вершины реализма!

Не видеть различия между реализмом, декадентством и мистицизмом может только старый гегельянец, из оболочки которого Лукач не смог освободиться до сих пор. Изображение же Маркса в качестве защитника основоположника декаданса и мистицизма в литературе может быть на руку только врагам прогрессивной науки и литературы.

Относительную самостоятельность развития надстроек Лукач толкует фактически как абсолютную, извращая известные высказывания классиков марксизма-ленинизма по этому вопросу. «Отнюдь не необходимо, чтобы какое-либо общество, стоящее экономически на более высокой ступени развития, – подчеркивает Лукач в своем предисловии, – имело более развитые литературу, искусство, философию и т.д., чем менее развитое»[422]. В контексте рассуждения Лукача имеют такой смысл, что сводятся на нет основные положения исторического материализма и отрицается превосходство советской социалистической культуры над западноевропейской империалистической культурой. Именно так и поняли его венгерские космополиты, уцепившиеся за это положение.

Лукач не понимает, что марксизм явился подлинно новым учением, означавшим революционный переворот в области философии, социологии, эстетики и т.д. Наоборот, Лукач, говоря о теории искусства, исходит из убеждения, что «как и везде,

и здесь выступает марксизм не с радикально новым учением. Уже эстетика Платона, учение эстетического отражения идей затрагивает эту проблему»[423]. Таким образом, даже в сравнении с учением идеалиста Платона марксизм в трактовке Лукача «выступает не с радикально новым учением».

В книге «Литература и демократия» (1946 г.)[424] Лукач протаскивает такую же трактовку в отношении ленинизма. С его точки зрения, «конечная теоретическая основа ленинской стратегии в области культуры имеет свое начало в далеком прошлом». Оказывается, основу «ленинской стратегии» составляет «старое великое демократическое требование… требование многостороннего человека» (стр. 38–39). На следующей странице этой книги Лукач снова заявляет, что «без особого труда можно видеть, что в повседневной жизни, созданной Лениным, и миф идет в сторону осуществления великого требования революционеров-демократов: идеал многостороннего человека».

Лукач отождествляет марксизм и революционный демократизм, отрицает то бесспорное положение, что марксизм явился подлинно новой, до конца последовательной научной теорией революционного пролетариата. Упорно протаскивая совершенно ложное положение, будто марксизм не является подлинно «новым учением», Лукач фактически воюет против ленинско-сталинских оценок марксизма, как новой системы взглядов, качественно отличной от всех предыдущих философских систем, хотя бы и прогрессивных.

Лукач утверждает, что «русский марксизм... был импортной статьей» («Литература и демократия», стр. 45), и отрицает то теоретически новое в развитии учения Маркса и Энгельса, что дано в ленинизме.

Зачеркивая, таким образом, революционный характер ленинизма, Лукач заявляет: Ленин «не проповедует какую-то радикально новую мораль»... (там же, стр. 33). Лукач причесывает Ленина под продолжателя старой, т.е. буржуазной морали. Ленин, по его мнению, только «отклонялся» от старых буржуазных моралистов. Лукач не хочет видеть коренной принципиальной

противоположности между моралью эксплуататорских классов и новой, социалистической моралью.

Лукач клевещет на Ленина, приписывая ему следующую декадентскую установку: «Поэт и даже партийный поэт может и даже должен быть певцом безысходности своей собственной жизни. К свободе поэта принадлежит и свобода впадать в отчаяние» (стр.130)[425]. Нет нужды доказывать, что эта мысль типична не для ленинизма, а для враждебного ленинизму буржуазного декаданса.

В предисловии к сборнику «Маркс и Энгельс об искусстве» на 45 страницах Лукач ухитрился ни слова не сказать о ленинском принципе партийности литературы, о том, что Ленин и Сталин развили дальше учение Маркса об искусстве и литературе, ни слова не сказать о политике ВКП(б) в области искусства и литературы, являвшейся практическим применением и дальнейшим развитием ленинского принципа партийности. Лукач ни слова не сказал о великих достижениях советской страны в области искусства и литературы, идущих по пути, указанному Лениным и Сталиным. Лукач ни словом не обмолвился о маразме буржуазной культуры, о великой прогрессивной роли советской литературы и искусства.

Почему все это происходит?

Потому что Лукач никогда не был и не является и сейчас действительным марксистом-ленинцем. Упорно обходя всемирно-историческое значение советской литературы и искусства, причесывая ленинизм под старую, буржуазную идеологию, Лукач поступает, как буржуазный либерал, представитель катедер-социализма[426], пытающегося выхолостить революционную сущность марксистско-ленинской теории.

В предисловии к сборнику об искусстве Лукач рассматривает Маркса в качестве продолжателя того самого гуманизма, который в свое время защищали идеалисты. Лукач пишет: «Многие идеалисты-мыслители защищали уже те гуманистические принципы, которые защищали Маркс и Энгельс; многие идеалисты-мыслители боролись от имени гуманизма против таких политических, общественных и моральных тенденций,

против которых боролся и Маркс» (стр. 42). Таким образом, Лукач отождествляет пролетарский революционный гуманизм Маркса с буржуазным гуманизмом, приписывая реакционным идеалистам честь борьбы за гуманистические принципы.

Казалось бы естественным и обязательным для коммуниста, пишущего в 1946 г. статью об эстетических взглядах Маркса, остановиться специально на вопросе о реакционной сущности современной буржуазной культуры и порождающего его капиталистического строя. Но Лукач, называющий себя марксистом, считает нужным (на стр.15) специально подчеркнуть другое: «Маркс и Энгельс никогда не отрицали передового характера капиталистического строя». Он заботится прежде всего о том, чтобы в демократической Венгрии люди не забыли о прогрессивной роли капитализма.

Лукач либо не понимает, либо делает вид, что не понимает, что в наше время капиталистический строй уже давно является не передовым, а отсталым, не прогрессивным, а регрессивным в сравнении с социалистическим строем.

В книгах, вышедших на русском языке в 30-х гг. нашего века, аналогичную позицию отстаивал М. Лифшиц, примыкавший к литературной группе Лукача. Единодушие Лукача и Лифшица в пропаганде прогрессивности капитализма не является случайным ни для того, ни для другого. И тот, и другой являются представителями космополитизма, и тот, и другой активно выступали до войны на страницах журнала «Литературный критик», являвшегося цитаделью космополитизма в литературе. И тот, и другой накануне войны были разоблачены писательской организацией в Москве как гегельянцы-эклектики, сторонники декадентских тенденций в литературе[427].

Если бы Лукач был настоящим марксистом, он сделал бы из полного провала деятельности своей группы соответствующие выводы, но вместо партийных выводов он в предисловии к сборнику «Маркс и Энгельс об искусстве» решил прославить на всю Венгрию своего незадачливого единомышленника. Вот что пишет Лукач: профессор Лифшиц – «самый выдающийся исследователь марксистской эстетики»[428] в Советском

Союзе. Это неправда. В действительности несомненен факт, что М. Лифшиц «выдающийся» космополит и эклектик, недавно разоблаченный философской кафедрой Института Международных отношений в Москве[429]. Пропагандировать в демократической Венгрии М. Лифшица в качестве «выдающегося исследователя марксистской эстетики» в Советском Союзе может только такой путаник и эклектик, каким был и остался Дьердь Лукач.

Разобрать подробно многочисленные извращения марксизма-ленинизма, встречающиеся в статьях и книгах Лукача, значило бы написать об этом целую книгу. Проф. Рудаш Ласло в статье «Литература и демократия», помещенной в теоретическом журнале Венгерской партии трудящихся «Общественное обозрение», в основном правильно анализирует ошибки Лукача и характеризует его взгляды в вопросах литературы и искусства как антимарксистские[430].

Литературные и эстетические взгляды Лукача нуждаются в серьезной и глубокой критике с позиций марксистско-ленинской теории.

АВП РФ. Ф. 077. Оп. 29. П. 26. Папка 134. Л.118–124.

V. 1953 г.

Статьи, появившиеся в стенных газетах Института философии и Президиума АН СССР в 1953 г.[431]

Еще раз о бдительности и ротозействе

Партия и правительство призывают нас к неусыпной бдительности и зоркости, к неустанному требовательному вниманию к людям и их делам. Мы, работники идеологического фронта, должны быть особенно настороженны и бдительны.

Наше слово – проводник идей Марксизма-Ленинизма в массы, оно с полной искренностью и правдивостью должно донести указания партии и правительства до каждого совет-

ского человека. В наших рядах не место не только врагам, проходимцам и лжецам, но и растяпам и ротозеям, которые способствуют дискредитации в широких народных массах учения Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина.

Нас должны настораживать не только многочисленные факты разоблачения проходимцев в советской печати, но и некоторые факты институтской жизни. Однако эти факты еще не послужили уроком для некоторых работников института.

На кафедре философии АН СССР в течение пяти лет работает некто Лифшиц, выдававший себя за кандидата наук, не имея не только кандидатской степени, но и диплома о высшем образовании.

В свое время Лифшиц пытался защитить диссертацию в нашем Институте, но потерпев фиаско, «защитил» ее в Ленинграде, в Институте Литературы. Т.к. оппонентами Лифшица были вскоре после защиты уволенные из АН за космополитизм и репрессированные люди, то Лифшиц, боясь разоблачения собственного космополитизма, после решения ученого Совета о присвоении ему степени, изъял свою диссертацию незаконным путем через сотрудницу Фридман и диссертация в ВАК не попала.

Тем не менее Лифшицу удалось, пользуясь ротозейством некоторых людей, назвавшись кандидатом наук, примазаться к работе, и вот Лифшиц с благословения добрых дядей от философии в течение 5 лет преподает философию, получая зарплату кандидата наук.

Лицо этого проходимца ясно каждому честному советскому патриоту. И хотя Лифшиц, используя испытанный прием отсиживания на бюллетене в дни опасности для его шкуры, спасается сейчас в санатории, надобность в котором у лжеца приспела, как только он прослышал о готовящемся его разоблачении, справедливая кара вытащит его из любого убежища.

Нам неясно другое. Почему в отделе аспирантуры Президиума АН единственной реакцией на известие о лжеученом было снижение ему заработной платы?

Вопрос не стоит о том, какая зарплата должна начисляться «лектору» по философии, не имеющему даже высшего образования. Но почему этот «лектор» не был снят с работы за обман советской общественности, за обман партии? Почему, как следовало бы ожидать, Лифшиц не был разоблачен до конца?

Зав. кафедрой философии Васильев не проявил должной бдительности, принимая на себя заведование кафедрой, не дал себе труда внимательно ознакомиться с кадрами. Несмотря на то, что коммунисты кафедры т.т. Белов и Федорова неоднократно подавали сигналы об аполитичности Лифшица, в лекциях которого, по понятным основаниям, ни слова не значилось о необходимости борьбы с космополитизмом, т. Васильев не обратил вовремя внимания на эти сигналы. Благодушие т. Васильева поощряло проходимца, который критику в свой адрес принимал в штыки.

Мы вправе потребовать ответственности за поведение таких работников, как Лифшиц, у тех, что своей беспечностью и ротозейством невольно способствовали их грязным делишкам.

Рядовой Работник

Кандидат – самозванец

«Разрешите представиться – кандидат филологических наук Лифшиц…». Пришедший выглядел вполне солидно. Чтобы устранить всякие сомнения, он протянул справку, в которой значилось, что гражданин Лифшиц М.А. действительно защитил кандидатскую диссертацию в 1948 году, в Ленинграде, в Институте русской литературы (Пушкинский Дом). <…>

И его зачислили на работу. Солидный гражданин стал преподавателем на кафедре философии Академии наук СССР и безмятежно трудился на ниве просвещения академической аспирантуры в течение ряда лет. И, разумеется, получал соответствующую зарплату – как кандидат наук. Но вот однажды стали проверять кандидатские дипломы у сотрудников. Спросили диплом и у Лифшица – и тут выяснилось, что сей «ученый муж» такового не имеет. <…>

В дальнейшем оказалось, что М.А. Лифшиц не только не имеет степени, но даже и высшего образования. В 1948 году он вознамерился стать кандидатом наук. Вначале он избрал философские науки. Однако в Институте философии АН СССР Лифшиц потерпел неудачу – его писания были отвергнуты. «На свете не без добрых душ» – решил предприимчивый соискатель кандидатской степени и укатил в Ленинград. «Добрую душу» Лифшиц обрел в Институте русской литературы в лице и.о. директора Л.А. Плоткина, впоследствии уволенного за насаждение космополитизма и за развал работы в Институте. Плоткин «организовал» защиту Лифшицем диссертации. На заседании Ученого совета Лифшица изобразили как выдающегося ученого, достойного не то что кандидатской, но даже докторской степени. В качестве официальных оппонентов выступил «сам» Плоткин и некий «профессор» Г*.

Когда утих восторженный гул и прекратились славословия, столь умело «организованные» Плоткиным, новоявленный кандидат филологических наук почувствовал себя не совсем спокойно. Он опасался, что когда его диссертация и документы попадут в Высшую аттестационную комиссию, там могут заинтересоваться и ею, и личностью автора… И вот Лифшиц берет в Институте справку о защите диссертации, а сам пишет записку своей знакомой – зав. канцелярией Института, что нечего де ей трудиться – пересылать диссертацию и все дела в ВАК – он передаст их сам. <…>

Приехав в Москву Лифшиц, разумеется, в ВАК не пошел, диссертацию оставил у себя, и направил свои стопы в поисках «хлеба насущного»… Он надеялся, что справка о защите как чудесный талисман откроет ему врата науки и, к сожалению, не ошибся.

Так М.А. Лифшиц в течение ряда лет числился кандидатом наук, не будучи утвержденным в ученой степени, незаконно получая зарплату кандидата, обманывая таким образом партию и государство. Моральный облик его достаточно ясен.

* Гуковский Г. А., впоследствии репрессированный. Другим оппонентом был Жирмунский.

Каков же «научный» багаж этого «ученого»?

В довоенные годы Лифшиц состоял в кружке эстетствующих космополитов, группировавшихся вокруг журнала «Литературный критик»; этот журнал, как известно, прекратил свое существование незадолго до войны. Лифшиц шумно рекламировал себя в качестве специалиста по марксистской эстетике и даже пытался читать курс лекций в Институте истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского. Но там этого «ученого» быстро раскусили и его лекции были прекращены. Об одной из его «теорий», которую проповедовал тогда Лифшиц, упомянуто в статье Генерального секретаря Союза советских писателей А.А. Фадеева в «Литературной газете» от 28. III. с.г.

Говоря о порочном произведении В. Гроссмана «За правое дело» и о лежащей в его основе реакционной «теории круговорота», А.А. Фадеев указывает, что именно эту враждебную «теорию» проповедовал М.А. Лифшиц: «Следует вспомнить, например, некоторые литературные дискуссии 1939–1940 гг. и разоблаченные тогда же высказывания М. Лифшица в журнале «Литературный критик» о «Вечных категориях действительности», о теории «круговорота». Для подтверждения теории круговорота Лифшиц ссылался на Вико, на Гераклита, на Экклезиаста. Но он умалчивал, что эту реакционную идею в наше время поднял на щит – и не случайно – один из идеологов загнивающего капитализма Шпенглер».

Вот такие «теории» проповедовал самозванный кандидат наук, которому из-за ротозейства (или покровительства?) некоторых работников было доверено философское образование аспирантов Академии наук. <…>

Руководству Президиума АН СССР и партийному бюро следует – и как можно скорее – воздать должное не только кандидату-самозванцу, но и тем, что вольно или невольно содействовал ему в обмане партии и государства.

«Зет».

VI. 1955 г.

Письмо секретаря Союза советских писателей СССР Б.Полевого в ЦК КПСС и резолюция по этому письму[432].

ЦК КПСС

Считаю необходимым довести до сведения Центрального Комитета об одном странном и, как мне кажется, примечательном явлении в венгерской культуре. 15 марта 1955 г. при присуждении премии Кошута «Большую премию», каких до сих пор не получал ни один венгерский литератор[433], на этот раз удостоился получить критик Дердь Лукач. В решении записано: «Большую премию Кошута 75.000 форинтов академику Дердю Лукачу за творческую деятельность на протяжении всей его жизни, в центре которой стоит разработка вопросов марксистской эстетики и боевая критика буржуазной философии. С точки зрения марксистской теории и борьбы за мир, деятельность Лукача имеет мировое значение».

Присуждение критику Д. Лукачу Большой премии, и в особенности формулировка ее присуждения, выглядит очень странно. Для этого стоит только вспомнить, как отзывался о Лукаче Ленин, заявивший – «марксизм у Лукача чисто словесный»[434]; о разгроме Лукача и лукачистов у нас на философском фронте в начале 30-х годов[435]; о работе Лукача у нас в журнале «Литературный критик», который был закрыт, как журнал, вредящий советской литературе[436], и наконец, о политической деятельности Лукача в Венгрии, где он тоже немало попутал писательских голов тезисом об обособленности венгерской культуры от советской.

Деятельность Лукача после освобождения Венгрии была раскритикована прогрессивными венгерскими писателями на съезде, на котором я лично присутствовал[437], хотя и не очень резко, в очень правильной и марксистской статье Л. Рудаша, напечатанной в «Сабад неп» в 1949 г.[438], а также критиковалась в Москве на пленуме Союза советских писателей тов. А. Фадеевым[439]. В 1950 г. вся венгерская партийная общественность

дала резкую политическую оценку произведениям Лукача, основная идея которых сводилась к тому, что народная демократия не ликвидирует капиталистический способ производства и целью ее не является построение социализма[440]. Критиковали Лукача и за то, что он замалчивал и отрицал роль советской культуры, значение социалистического реализма и т.д. Лукач был отстранен от участия в литературно-политической жизни и сам в последние годы не выступал[441], хотя его ученики и соратники всячески поддерживали и раздували значение его творчества.

Поминалось имя Лукача и на II съезде советских писателей, в докладе т. Рюрикова, где он говорил о порочных идеях «Литературного критика», среди авторов которого называл и Лукача[442]. Несомненно, что присутствовавшие на съезде венгерские писатели известили об этом венгерскую партийную общественность.

Все это делает премирование Лукача Большой премией и, в особенности, формулировку «за творческую деятельность на протяжении всей его жизни» очень странной, – на что считаю необходимым обратить внимание Центрального Комитета.

Б. Полевой
5 апреля 1955 г.

В Центральный Комитет КПСС

Б. Полевой обращает внимание на тот факт, что в Венгрии присуждена «Большая премия» имени Кошута критику Дьердю Лукачу, который в прошлом допускал идейные ошибки, высказывал путаные и антимарксистские взгляды по вопросам литературного творчества.

Несмотря на неустойчивость взглядов Д. Лукача, Венгерская партия трудящихся стремится, однако, использовать его авторитет в идеологической и литературной борьбе, в объединении всех демократических сил интеллигенции в борьбе за мир.

Сообщение т. Полевого принято к сведению.

Принимать какие-либо меры в связи с его письмом не представляется необходимым.

Тов. Полевой поставлен об этом в известность.

/А. Румянцев/

/Б. Пономарев/[443]

11 мая 1955 года

РГАНИ. Ф. 5. Оп.17. Д. 537. Л. 54-56.

VII. 1956 г.

Записка Иностранной комиссии Союза советских писателей о реакции югославских литераторов на депортацию Д. Лукача в Румынию и отклик на нее в ЦК КПСС.

I.

Секретарю СП СССР

тов. Полевому Б.Н.

Докладная записка

13 декабря 1956 г. в 8 часов вечера югославское радио сообщило об опубликовании протеста большого числа крупнейших югославских писателей по поводу «ссылки» Дьердя Лукача[444]. Судя по тону сообщения, югославская общественность собирается поднять вокруг «освобождения Лукача» большую кампанию[445].

Учитывая авторитет, которым пользуется Лукач среди интеллигенции Европы, особенно левой интеллигенции[446], мне кажется, что не в наших интересах теперь создавать ему ореол мученика (учитывая и то, что Лукачу 75 лет[447]) и дать вокруг его имени сгруппироваться нашим врагам и сбитым с толку друзьям.

Консультант по литературе Югославии И. Литвакова

II.

ЦК КПСС

тов. Суслову М.А.*

Направляю докладную записку консультанта по литературе Югославии тов. И. Литваковой. Со своей стороны также считаю, что шумиха, поднимаемая вокруг Дьердя Лукача, может послужить началом новой и очень тяжелой кампании против нас, имеющей целью отколоть от нас зарубежную интеллигенцию из числа наших близких и постоянных друзей[448]. Зная об отношении к Лукачу очень многих виднейших писателей современности, и в частности – почти всех прогрессивных немцев, Хальдора Лакснесса[449], многих французов, можно предполагать, как будет раздута нашими заклятыми друзьями эта кампания[450].

Мне кажется, что нужно в самом срочном порядке принять соответствующие меры, чтобы не дать возможности недругам нашей культуры сделать Лукача знаменем в новом туре похода против нас.

Б. Полевой

III.

ЦК КПСС

Секретарь Союза писателей СССР Б. Полевой в связи с тем, что югославскими писателями затевается кампания в защиту Д. Лукача, ставит вопрос о принятии мер, чтобы не дать возможности нашим идейным противникам использовать имя Лукача как «мученика».

Д. Лукач как член бывшего правительства Имре Надя в настоящее время находится в Румынии. Вопрос о нем принадлежит исключительно к компетенции венгерского правительства[451].

Отдел культуры ЦК КПСС считает необходимым разъяснить т. Полевому, что нет оснований вмешиваться в дела венгерских друзей.

* На письме Полевого Суслову штамп – поступило в ЦК 15 декабря.

Просим указаний[452].

Зам. зав. Отделом культуры ЦК КПСС Б. Рюриков
Инструктор Отдела Е. Трущенко
21 декабря 1956 г.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 13. Л. 105-107.

VIII. 1959 г.

Фрагмент из записи беседы сотрудников посольства СССР в Венгрии Ю.Н. Чернякова и В.А. Крючкова[453] с заведующим отделом агитации и пропаганды ЦК ВСРП Иштваном Сирмаи 5 мая 1959 года

Из дневника
Чернякова Ю.Н. Секретно
Крючкова В.А. 11 мая 1959 г.

<…> И. Сирмаи рассказал о поведении Д. Лукача. По словам И. Сирмаи, Д. Лукач не извлек для себя никаких выводов из всего того, что произошло в Венгрии и лично с ним[454] и продолжает по-прежнему свою враждебную деятельность по отношению к генеральной линии ЦК ВСРП. Особого внимания заслуживает то, что Лукач поддерживает связи с печатными органами социал-демократических партий на Западе, переписывается с ними, публикует на их страницах статьи и работы[455]. В самое ближайшее время ЦК ВСРП намеревается организовать на страницах венгерской печати ряд выступлений против Лукача, а также против его сторонников[456]. Уже намечены практические мероприятия, в частности, скоро выйдет сборник статей с разоблачением ревизионистских взглядов Лукача[457]. Факт остается фактом, заметил И. Сирмаи, что влияние политических, идеологических и эстетических взглядов Дьердя Лукача среди различных слоев венгерской интеллигенции далеко еще не ликвидировано и поэтому борьба против взглядов Дьердя Лукача в условиях Венгрии является весьма актуальной.

Примечание: Заместитель заведующего Отделом науки и культуры ЦК ВСРП Шандор Серени недавно в беседе с сотрудником нашего Посольства т. Крючковым также рассказывал о фактах враждебной деятельности Дьердя Лукача. По словам Серени, примерно полгода назад Лукач был предупрежден о том, что его связи с печатными органами западных стран являются недопустимыми[458]. Однако, несмотря на это предупреждение Д. Лукач этих связей не прекратил. Д. Лукач, например, говорит, что не согласен с тем, что главной опасностью в международном рабочем движении в настоящее время является ревизионизм. Он считает главной опасностью догматизм и сектантство. Лукач заявляет, что он так думает и потому будет говорить именно в таком плане. По словам тов. Серени, Лукач своей деятельностью уже заслужил того, чтобы быть арестованным. Однако венгерские товарищи не считают целесообразным прибегать к такой санкции в отношении Лукача, дабы не вызвать шумихи на Западе.

Советник Посольства СССР в Венгрии Ю. Черняков
Третий секретарь Посольства СССР в Венгрии В. Крючков
РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Л. 128. Л. 65, 66.

IX. 1964 г.

Полемика или сенсация? (По поводу одной статьи) // Советская культура. – 1964. – №30 (1678), 10 марта. – С. 4 (Письмо в редакцию).

В журнале «Новый мир» (1964, №2) опубликована статья М. Лифшица «В мире эстетики», посвященная работам В. Разумного.

В данном случае мы не намереваемся заниматься сколь-либо подробной критикой этой, на наш взгляд, весьма далекой от интересов эстетической науки и художественной практики статьи. Однако мы считаем необходимым откликнуться на вы-

ступление М. Лифшица, поскольку оно нарушает самые элементарные нормы полемики между советскими учеными.

Приемы, применяемые М. Лифшицем, не должны встречаться в наших дискуссиях, и обращение к ним не может не вызвать самого резкого протеста.

Статья М. Лифшица насыщена оборотами, имеющими нарочито грубый, лично оскорбительный характер («источает елей», «бьется в истерике» и тому подобные выражения, которые мы не считаем нужным и уместным здесь воспроизводить).

Желание во что бы то ни стало опорочить все работы В. Разумного приводит М. Лифшица к тому, что он начинает широко пользоваться недозволенным приемом – прибегает к очевидным передержкам, сознательно превращая своего оппонента в простака, дабы затем одержать над ним легкую «победу».

В поисках удобных для него примеров М. Лифшиц подбирает вырванные из контекста и превратно толкуемые цитаты, не давая читателю представления о содержании и характере тех работ, из которых они извлечены, о хронологии их опубликования. Критик приписывает противоречия автору там, где их в действительности нет.

Непредубежденному читателю очевидны искусственность и предвзятость подобных сопоставлений. Но главный порок статьи в том, что аргументированную критику основного содержания работ В. Разумного о социалистическом реализме, хорошо известных нашей общественности, М. Лифшиц подменяет формально-логическими изысками по поводу частных формулировок. Не приходится говорить, что этот факт, свидетельствующий об откровенно необъективном отношении М. Лифшица к предмету его критики, по сути дела, обесценивает все его выступление, лишает его научного значения.

Мы не останавливаемся на многих частных примерах избранных им цитат из работ В. Разумного, примерах, создающих лишь иллюзию полемики (превращение образного выражения «бюргерские замки» в свидетельство «невежества» критикуемого, тенденциозное смешение понятия «истина», употребляемого в гносеологическом плане, и слова «истинный»,

используемого в обиходной речи, и т.д.). Мы не останавливаемся и на многих странных утверждениях самого Лифшица, скажем, на утверждении, что слово «вИдение», прочно вошедшее в словари современного русского языка и в эстетический обиход уже со времен Станиславского, «до краев наполнено какой-то декадентской жижей», или что антиреализм – «двугорбое слово», которое поэтому не следует употреблять, и т.д., и т.п.

Полагаем, что статья М. Лифшица возвращает нас к давно осужденному порочному методу «дубинки», проработочной критики. В этом смысле ее недостатки выходят далеко за пределы ее непосредственного содержания.

Мы знаем многие книги В. Разумного, в которых, несомненно, есть и сильные, и слабые стороны. Мы убеждены, что недостатки, отмеченные критикой, не снимают положительной роли этих трудов в деле разработки проблем социалистической эстетики. Путь же, избранный М. Лифшицем, не способствует нормальному развитию нашей эстетической мысли. И об этом надо сказать прямо. Статья его рассчитана на сенсацию, польза ее для развития эстетики весьма и весьма сомнительна, вред очевиден.

Г.В. Александров, народный артист СССР, профессор;
Ф.Т. Архипцев, доктор философских наук, профессор;
М.П. Баскин, доктор философских наук, профессор;
Л.П. Каюмов, доктор филологических наук;
Л.И. Тимофеев, член-корреспондент АН СССР;
В.П. Чертков, доктор философских наук, профессор.

X. 1965 г.

ЦК КПСС

По сообщению советского посла в ВНР тов. Денисова Г.А., заместитель заведующего международным отделом ЦК ВСРП тов. Денеш информировал его о том, что Центральный Комитет

ВСРП признал необходимым отметить юбилей известного литературоведа и эстетика Г. Лукача, которому 13 апреля с.г. исполнится 80 лет. Выйдут в свет две книги Г. Лукача, литературные журналы опубликуют приветствия юбиляру, соответствующие мероприятия проведет венгерская Академия наук[459]. Аналогичная информация направлена венгерскими товарищами в ЧССР, ГДР, ПНР и РНР.

Георг (Дьердь) Лукач – автор многочисленных работ по эстетике, теории и истории литературы, прошедший весьма сложный путь идейного развития. В начале XX в. Лукач выступал как левый интеллигент, допускавший в теории идеалистические, а в политике догматические, сектантские ошибки. В 20-е годы он печатался в прогрессивных немецких изданиях, завоевал определенный авторитет статьями по вопросам литературы и эстетики. Периодом высокой творческой активности оказались для Лукача годы жизни в Советском Союзе (1933–1946)[460]. Работам этого периода нельзя отказать в содержательности, полемической остроте, хотя уже тогда Лукач подвергался справедливой критике за принижение роли мировоззрения в творчестве художника, за утверждения о неизбежности противоречий между мировоззрением и методом.

В послевоенные годы, заняв видное положение в венгерской Академии наук, Г. Лукач одну за другой выпускает книги, посвященные широкому кругу вопросов искусства. В их числе – книги «Прогресс и реакция в немецкой литературе», «Гёте и его время», «Исторический роман», «К. Маркс и Ф. Энгельс как литературные критики», «Очерк истории новой немецкой литературы», «Томас Манн», «Бальзак и французский реализм», «Введение в эстетику», очерки о реализме в мировой литературе, два тома очерков о русских писателях и т.д.[461]. Несмотря на известный схематизм и ряд ошибочных моментов, эти работы представляют определенный интерес для историков и теоретиков литературы.

С середины 50-х годов отрицательные стороны взглядов Г. Лукача стали проявляться особенно отчетливо. В статье «Борьба прогресса и реакции в современной культуре» Лукач

выступил с огульным осуждением марксистской критики, якобы «не знавшей промежуточных позиций между похвалой и избиением»[462]. В книге «Против неправильно понятого реализма» (1958 г.) Лукач свел социалистический реализм к натурализму, революционную романтику – к волюнтаризму и апологетике, не увидел в советском искусстве ничего, кроме извращений, связанных с обстановкой культа личности[463]. Те же взгляды проводятся в интервью Лукача корреспонденту чехословацкой газеты «Литерарни новини» (1964 г.), где 30-е и 40-е годы объявляются эпохой «спада социалистической литературы», социалистический реализм именуется «казенным натурализмом»[464].

Особенность позиции Лукача в настоящее время состоит в том, что он выступает противником как социалистического реализма, так и модернизма, объявляя высшим достижением художественной мысли XX века критический реализм. В связи с этим Лукач подвергается критике с разных, подчас диаметрально противоположных позиций. В советской печати он осуждается за ревизию ряда принципиальных положений марксистской эстетики, прежде всего принципа партийности искусства[465]. Э. Фишер, Р. Гароди, П. Дэкс видят в Лукаче догматика, не способного понять значение художественного вклада «авангардистского» искусства, преодолеть границы нормативной эстетики. Буржуазная пресса, приветствуя отрицание Лукачем художественной ценности искусства социалистического реализма, критикует его за «непоследовательность», за то, что он еще «слишком марксист».

Известна роль, которую сыграл Г. Лукач в идейной подготовке контрреволюционного путча 1956 года. До последнего времени, проживая в Венгрии, он ведет себя как независимый «общеевропейский» деятель, предпочитающий в основном публиковать свои работы и эстетического, и политического характера в западногерманских буржуазных издательствах[466].

Неверное политическое поведение и ошибочные концепции Г. Лукача, имя которого связано с ревизией основ марк-

систской эстетики, не дают оснований отмечать его юбилей в советской печати.

Зам. зав. Идеологическим отделом ЦК КПСС
/Д. Поликарпов/
Инструктор Отдела /Ю. Кузьменко/

ЦК КПСС

Редакциям «Правды», «Литературной газеты», журнала «Вопросы литературы» сообщено о нецелесообразности публиковать какие-либо материалы в связи с юбилеем Г. Лукача.

Зав. сектором Идеологического отдела ЦК КПСС
В. Кухарский
Инструктор отдела Ю.Кузьменко
21 04 1965.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 140. Л. 133-134.

XI. 1968 г.

Письмо главного редактора «Литературной газеты» А.Б. Чаковского в ЦК КПСС П.Н. Демичеву.

Тов. Демичеву П.Н.[467]

Уважаемый Петр Нилович!

В связи с тем, что запись беседы от 3/XI-68 г. III-его секретаря посольства СССР в Венгрии т. Кокеева с венгерским профессором Иштваном Кирай[468] была Вами размечена также и мне, считаю необходимым доложить следующее:

Как явствует из беседы, Кирай высказал неудовольствие в связи с тем, что в статье А. Дымшица, опубликованной в «Литературной газете», упоминается (критически) и Д. Лукач[469]. По мнению Кирая, этого делать не следовало, поскольку Д. Лукач, «направив свое известное письмо в ЦК ВСРП[470], не только не пошел на огласку факта и содержания письма, но и категорически отказался давать интервью корреспонденту Франс

Пресс, заявив, что «оценка событий в Чехословакии – сугубо внутреннее дело ВСРП, и иностранные журналисты не имеют к этому делу никакого отношения». Более того, Лукач не откликнулся на призыв Бертрана Рассела присоединиться к тем деятелям культуры, которые «подняли голоса протеста против агрессии в Чехословакии»[471]. Так что в целом поведение Лукача на данном этапе можно охарактеризовать как лояльное».

Все это т. Кокеев без каких-либо комментариев со стороны своей или посольства, включает в «запись», предназначенную для посылки в Москву[472].

Не могу не сказать, что подобная методология вызывает недоумение по следующим причинам.

I. Статья, о которой идет речь, была посвящена чуждым взглядам Фишера, и, как явствует из известного Вам сообщения Совпосольства в Австрии, вызвала положительный отклик в местных коммунистических кругах[473].

В этой двухподвальной статье Лукачу уделено всего лишь несколько строк. Вот они: «В книге «Искусство и сосуществование»[474], целиком повторяя старые и давно разбитые «аргументы» Георга Лукача, Фишер тщится доказать, будто знаменитая статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» обращена только к партийным публицистам и не имеет отношения к проблемам художественного творчества»[475].

Из сообщения т. Кокеева можно сделать вывод, что такое упоминание делать не следовало. Почему? Потому что Лукач, хотя и написал «свое известное письмо в ЦК ВСРП», но впоследствии никому не давал о нем интервью и публично не выступал. Строить свое отношение к тому или иному деятелю на основании того, что этот деятель НЕ СДЕЛАЛ, «Литературной газете» трудно. Трудно хотя бы потому, что за тем, что человек ДЕЛАЕТ, можно следить по всем доступным источникам. За тем, чего он НЕ ДЕЛАЕТ – уследить трудно.

У «Литературной газеты» не было никаких ЗРИМЫХ оснований оберегать Лукача от критических замечаний.

А вот для того, чтобы эти замечания делать, у нее основания были.

И вот некоторые из них:

Как известно, секретарь ЦК ВСРП тов. Д. Ацел высказал пожелание о необходимости дискуссий с тов. Лукачем. В частности, т. Д. Ацел указал, что «в своем интервью "Непсабадшаг"[476] и в других заявлениях тов. Лукач односторонне делает ударение на разрыве, не освещает должным образом непрерывность». (Имеются в виду высказывания Лукача по вопросу непрерывности, а также разрыва между нынешним периодом рабочего движения и периодом, предшествовавшим 1956 году).

Тов. Д. Ацел также подчеркнул ошибочность употребляемого Лукачем «выражения "сталинская эпоха" и особенно "сталинизм", ведь формулировка "сталинская эпоха" отождествляет искажение культа личности со строительством социализма»[477].

Орган чехословацких писателей «Литерарни листы» первого августа сего года перепечатал из венгерского журнала «Кортарш» высказывание Д. Лукача о проблеме сосуществования, подчеркнув, что «в теперешнем контексте и как зеркало нашего развития мы считаем это выступление чрезвычайно важным». Так, по мнению Лукача, «для того, чтобы освободить силы для классовой борьбы в рамках сосуществования, необходимо в области культуры реабилитировать пролетарскую демократию».

По словам Лукача, «любое литературное явление может оказаться в фальшивом свете, если против него будут предприняты бюрократические акции». В качестве примера он приводит Солженицына и Пастернака, заявляя: «Я не вижу никаких оснований для того, чтобы мы препятствовали существованию возникших тенденций, сопровождаемых серьезными дискуссиями»[478].

Газета «Литерарни новины» (орган Союза чехословацких писателей), вскоре после принятия Лукача в партию, перепечатала интервью с ним из венгерской печати[479]. В этом интервью, в частности, говорится: «Ни в одной социалистической стране нельзя создать правдивого произведения о сегодняшнем

человеке, если автор не постарается рассчитаться со сталинским периодом».

II. В этой связи позволю себе заметить следующее.

Мне представляется, что если в той или иной стране отношение к деятелю столь устойчиво одиозной репутации как, например, Лукач, меняется, причем меняется «негласно», то обязанностью посольства является своевременное извещение об этом ЦК, аппарат которого, в таком случае, обычно дает необходимые ориентировки органам печати.

К сожалению, практика показывает, что некоторые посольства (или их отдельные работники), своевременно не информируя о тех или иных важных конкретностях идейной борьбы в странах пребывания (я имею в виду сферу культуры), ограничивают свою роль тем, что лишь регистрируют в своих сообщениях ту или иную отрицательную реакцию на тот или иной материал советской прессы.

О том, что этой реакции можно было бы избежать, если бы «глаза и уши» нашей страны – посольства более точно и оперативно сообщали бы о том, что «видят» и «слышат», некоторые наши товарищи за рубежом, видимо, заботятся недостаточно.

Разумеется, редакция «Литературной газеты» сделает выводы из сообщения т. Кокеева, хотя до сих пор не знает, в какой мере (в данном конкретном случае) взгляды Иштвана Кирай разделяются партийным руководством Венгрии[480].

А. Чаковский

8 декабря 1968 г.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 25. Л. 225-227.

XII. 1972 г.

ЦК КПСС

Об анализе концепций и взглядов Георга (Дьердя) Лукача.

В соответствии с поручением ЦК КПСС в Академии общественных наук при ЦК КПСС были изучены сочинения и выступления недавно умершего венгерского философа, академика, члена Венгерской Социалистической рабочей партии Георга (Дьердя) Лукача (в большинстве своем написанные на немецком языке). Подробный анализ философских, социально-политических и эстетических взглядов Г. Лукача дан нами в материале, представленном в Отдел науки и учебных заведений и Отдел ЦК КПСС[481].

Считаем необходимым информировать ЦК КПСС о некоторых итогах анализа концепций и взглядов Г. Лукача и просим рассмотреть наши предложения по этому вопросу.

Идеи Лукача оказали и продолжают оказывать большое влияние на философскую и эстетическую мысль в Венгерской Народной Республике, а также на некоторые круги западноевропейской интеллигенции. Определенным влиянием они пользуются и в отдельных коммунистических партиях других стран (например, в Италии, Югославии, некоторое время в Чехословакии и др.).

В теоретическом и политическом отношении Г. Лукач – фигура сложная и противоречивая. Наряду с правильными марксистскими положениями в области философии и эстетики, серьезной критикой некоторых реакционных течений буржуазной философии и модернистского искусства, в работах Лукача имеются значительные отступления от марксизма, уступки идеализму в философии и ревизионизму в политике.

Именно слабые стороны теоретического наследия Г. Лукача, его шатания и колебания по вопросам философской и социальной теории, а иногда и допускавшиеся им нападки на те или иные аспекты политики и идеологии социалистических стран выдвигают на первый план различного рода реакционеры и

идеологи антисоветизма, а также ревизионисты. При этом они замалчивают критику самим Лукачем, в частности в последний период жизни, ряда своих прежних неверных положений.

С другой стороны, в венгерской печати, а также в статьях советских авторов и марксистов ГДР (особенно в конце 50-х гг.) взгляды Г. Лукача оценивались безоговорочно как ревизионистские и антимарксистские. Основания для этой оценки в то время были, учитывая ту пагубную роль, какую сыграл Лукач в контрреволюционных событиях 1956 г.[482]. Но в оценках тех лет обычно опускалось позитивное содержание ряда философских и эстетических работ Лукача 40-х – первой половины 50-х годов. В течение 15 лет эти оценки в советской научной печати почти не менялись. Это вызывает недоумения и нарекания со стороны ряда венгерских ученых и некоторых представителей прогрессивной интеллигенции зарубежных стран.

По нашему мнению, нет оснований для оценки теоретической концепции Лукача в целом как ревизионистской и антимарксистской. Хотя в работах Г. Лукача, в том числе в последний период его жизни, имелись уступки ревизионизму в ряде вопросов, недостаточно четкие и продуманные высказывания, за которые цепляются идеологи ревизионизма, было бы неправильно целиком отдавать литературно-философское наследие Г. Лукача в руки реакционеров и ревизионистов.

В равной степени была бы неисторична и неправильна идеализация философских и эстетических воззрений Лукача, умолчание крупных ошибок в теории и политике.

Анализ взглядов Лукача выявляет его непоследовательность в подходе к марксизму-ленинизму, в оценке ленинского учения, его развития и осуществления в СССР и современном международном коммунистическом движении. Лукач высоко оценивал личность В.И. Ленина, признавал его большой авторитет, неоднократно писал о нем как о великом вожде мирового пролетариата и называл ленинизм новой фазой в развитии марксизма. Он отмечал исключительно большую роль В.И. Ленина в борьбе с оппортунизмом и ревизионизмом, утверждал, что поддерживает ленинскую теорию социалисти-

ческой революции и ленинскую концепцию революционной партии рабочего класса. Однако, защищая ленинский план создания профессиональной организации революционеров от оппортунистических обвинений в «бланкизме», Г. Лукач необоснованно и неверно утверждал, будто В.И. Ленин видел задачу партии главным образом в том, чтобы содействовать революционной активности пролетариата, вытекающей из революционной ситуации. В сущности, Г. Лукач должным образом не понял значения марксистско-ленинского учения как теории революционной борьбы. Его ошибки по вопросу о роли рабочего класса и перспективах революционной борьбы в современном буржуазном обществе порой смыкались по своему объективному значению с концепциями ревизионистов, отрицающих ведущую роль рабочего класса в социальном переустройстве общества и провозглашающих ведущей преобразующей силой современности интеллигенцию, молодежь и другие, по их утверждениям, «неинтегрированные» в капиталистическую систему социальные слои.

Для многих статей и выступлений Г. Лукача 60-х гг. характерно одностороннее отношение к политической и теоретической деятельности КПСС в условиях культа личности Сталина. Лукач неоднократно подчеркивал заслуги Сталина в борьбе за революционное наследие Ленина, против троцкистов и правых оппозиционеров, писал о трудной обстановке капиталистического окружения, в которой находился Советский Союз накануне войны с немецким фашизмом и необходимости защиты социалистического государства и т.п. Наряду с этим он ошибочно считал, что источник культа личности заключен в самом существе советского строя, главной особенностью которого является будто бы существование бюрократического аппарата. Одобряя в целом мероприятия XX съезда КПСС, направленные на ликвидацию культа личности, Лукач утверждал, что «сталинские методы» в Советском Союзе и других социалистических странах не преодолены еще и по сей день[483]. Серьезные ошибки содержатся в статье «Советский Союз – это не типично», опубликованной в западногерманском журнале

«Форум» в 1967 году, там Г. Лукач безосновательно связывал марксизм с «логизацией» истории, обнаруживал непонимание объективно-закономерного характера общественного развития, общих закономерностей смены одних общественно-экономических формаций другими, капитализма – социализмом.

Среди философских трудов Г. Лукача имеются ранние труды, в основном идеалистические, вроде книги «История и классовое сознание» (1923), которые он сам впоследствии подвергал критике. В 40–50-х годах Лукач создал ценные, хотя и не безошибочные труды «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества»[484] и «Разрушение разума». В книге «Молодой Гегель» Лукач дал острую критику отчуждения в капиталистическом обществе. В «Разрушении разума» содержалась основательная критика буржуазного философского иррационализма, анализ его истории за последнее столетие, был дан подробный критический разбор философских концепций Ницше, Дильтея, Зиммеля, Шпенглера, философствующих идеологов фашизма, лидеров немецкого и французского экзистенциализма. Как историко-философское произведение «Разрушение разума» не потеряло своего положительного значения до наших дней. Однако, как справедливо отмечали венгерские философы-марксисты (И. Сигети, Б. Фогараши и др.), критикуя эту книгу, она все же не свободна от существенных недостатков и ошибок методологического и мировоззренческого характера. Так, признавая в общей форме борьбу материализма и идеализма, Лукач, применительно к истории новейшей философии, подчинил ее борьбе между диалектическими и антидиалектическими, рационалистическими и иррационалистическими течениями.

Большое место в наследии Г. Лукача занимают эстетические и литературно- критические работы. Проблемами эстетики и теории литературы Г. Лукач занимался на протяжении всей своей жизни. Своего рода итогом философско-теоретической деятельности Г. Лукача в области эстетики и литературоведения были работы – «Особенное как категория эстетики» и 2-х томный труд «Эстетика»[485]. В этих произведениях он глу-

боко анализирует специфику художественного творчества, правильно отмечает, что эстетическое отражение выступает в неразрывной связи с «тотальностью» человеческой практики; защищает принципы реализма в искусстве, дает критику современного буржуазного модернизма и различных модных лженоваторских школ и течений. Однако, подчеркивая своеобразие художественного отражения действительности, Лукач высказывает ряд положений, ведущих к противопоставлению искусства и науки, атакует так называемый «механистический вариант» теории отражения, понимая под ним взгляды советских философов и теоретиков литературы, утверждает, будто ленинское положение о партийности литературы и искусства распространяется лишь на публицистику, а не на художественное творчество вообще, не проводит четкого принципиального различия между критическим реализмом и реализмом социалистическим. Лукач высоко оценивает русскую литературу и творчество таких представителей социалистического реализма, как А.М. Горький, А.С. Макаренко, А.А. Фадеев, М.А. Шолохов. Наряду с этим он утверждает, что в тридцатые годы «прилив» русской литературы, имеющей мировое значение, пошел на спад. Путь к возрождению социалистического реализма ныне Г. Лукач видит, например, в деятельности А. Солженицына. Этого писателя он называет выдающимся критиком «отчуждения», которое в данном случае распространяется на советское общество, и представителем социалистического реализма, видит в злопыхательстве Солженицына «образец» и своего рода эталон художественного творчества[486].

Таким образом, литературно-эстетические взгляды Лукача также отличаются большой противоречивостью. Нельзя сбросить со счетов защиту им принципов отражения и реализма в искусстве, но нельзя и пройти мимо его неточных и прямо ошибочных эстетических и литературно-критических характеристик.

Резюмируя сказанное, считаем необходимым внести следующие предложения:

1. Целесообразна публикация в одном из научных журналов (желательно в журнале «Вопросы философии») статьи, дающей общую характеристику и оценку деятельности Г. Лукача, как философа и эстетика. Основой для статьи, по нашему мнению, мог бы стать материал, подготовленный в Академии общественных наук и представленный в Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС[487]. Это тем более важно, что журнал «Вопросы философии» (1971, №11) в статье «Памяти Дьердя Лукача» дал главным образом позитивную характеристику позиций венгерского ученого, глухо упомянув о его серьезных оппортунистических и ревизионистских ошибках[488].

2. Учитывая позитивное значение ряда философских и эстетических трудов Г. Лукача, целесообразно издать в Советском Союзе небольшими тиражами в переводе на русский язык некоторые его, более зрелые в марксистском отношении, хотя и не безошибочные, работы. Основные философские труды Лукача (за исключением отдельных глав) до сих пор на русском языке не публиковались[489]. Было бы желательно, учитывая некоторые неясности в оценке философских и эстетических позиций Лукача, существующие у части научных работников, писателей и других представителей интеллигенции у нас и в зарубежных странах, а также настойчивые пожелания венгерских ученых, опубликовать в издательстве «Прогресс» историко-философские работы Г. Лукача «Разрушение разума» и «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества», а в издательстве «Искусство» труд Лукача «Эстетика». Последнюю книгу, объем которой составляет 1500 стр., можно выпускать в сокращенном варианте, опустив, в частности, неверные политические декларации автора о культе личности, никакого отношения к эстетике не имеющие. Издание этих работ можно было бы осуществить постепенно в течение ближайших 5-6 лет. Подготовку к изданию историко-философских работ целесообразно будет поручить Институту философии Академии наук СССР, «Эстетики» – Институту мировой литературы им. Горького АН СССР. При этом необходимо снабдить их обстоятельными предисловиями и научно-критическими комментариями[490].

3. Предусмотреть в планах научной работы Академии общественных наук при ЦК КПСС подготовку кандидатских диссертаций и научно-критических статей по отдельным аспектам философских, эстетических и литературно-критических воззрений Г. Лукача.

4. Просим разрешить ознакомить с подготовленным в АОН материалом о воззрениях Г. Лукача философов из Высшей партийной школы и Института общественных наук при ЦК ВСРП.

5. В дальнейшем, в 1973–1974 гг., при условии согласия венгерских товарищей, было бы целесообразно для научно-критического анализа философских и эстетических работ Лукача провести в Будапеште или в Москве двусторонний научный симпозиум советских и венгерских философов и эстетиков из партийных научных учреждений и учебных заведений (Академия общественных наук, Высшая партийная школа, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт общественных наук при ЦК ВСРП) с участием отдельных ученых из некоторых учреждений Венгерской Академии наук и АН СССР, с ограниченным числом участников.

Проведение перечисленных мероприятий могло бы, по нашему мнению, способствовать преодолению имеющихся в этом вопросе ошибок и заблуждений, укреплению и расширению сотрудничества советских и венгерских марксистов, нашей совместной идеологической борьбе против антикоммунизма и ревизионизма.

Просим указаний[491].

Ректор АКАДЕМИИ
Общественных наук при ЦК КПСС /М. Иовчук /
«31» марта 1972г.

Опубликовано В. Середой и А. Стыкалиным на венгерском языке: Múltunk, 2001. №4.

Примечания

1 Лифшиц М.А. Что такое классика? – М.: Искусство – XXI век, 2004. – С. 81.

2 По свидетельству дочери М.А. Лифшица В.М. Герман.

3 Тем не менее его книги по какой-то странности судьбы или по недосмотру выходят одна за другой, и об одной из них (Лифшиц М.А. Почему я не модернист? – М.: Искусство – XXI век, 2009) была передача на радиостанции «Свобода». Эта книга издана при товарищеской поддержке «Организации марксистов» (Украина) и «Левого фронта» (Россия).

4 Лифшиц М.А. Что такое классика? – М.: Искусство – XXI век, 2004. – С. 113.

5 Архив внешней политики РФ. Ф. 077. Оп.29. Папка 134. Д.26. Л.123–124; Записка Г.Ф. Александрова от 5 сентября 1949 г. «Об идейно-теоретических взглядах профессора Лукача в области литературы и искусства» была опубликована А. Стыкалиным и В. Середой на венгерском языке: Múltunk, 2001, №4, 252–257 о. См. в наст. издании: *Приложение*, IV.

6 Ясперс К. Хайдеггер / Фауст и Заратустра. – СПб.: Азбука, 2001. – С. 148.

7 Там же. – С. 147.

8 Там же.

9 Литературная газета. – 1935. – 10 марта. – С. 3.

10 См. письмо А. Дымшица в Отдел культуры ЦК КПСС, опубликованное в Венгрии А.С. Стыкалиным. Есть и публикация в России: Дьёрдь Лукач: взгляд из Москвы (1968 г.) / Пред. и комм. А.С. Стыкалина // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. – М. – Ставрополь, 2007. – Вып. III. – С. 184–200.

11 Лифшиц М.А. Что такое классика? – М.: Искусство – XXI век, 2004. – С. 109.

12 Там же. – С. 122.

13 Слова Лифшица из его письма Г. М. Фридлендеру: Лифшиц М.А. Почему я не модернист? – М.: Искусство – XXI век, 2009. – С. 316.

14 Каган М. С. О времени, о людях, о себе. – СПб.: Петрополис, 2005. – С. 230, 247.

15 Лифшиц М.А. Что такое классика? – М.: Искусство – XXI век, 2004. – С. 109.

16 См. об этом: Лифшиц М.А. Диалог с Эвальдом Ильенковым (Проблема идеального). – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 323.

17 Лифшиц М.А. Что такое классика? – М.: Искусство – XXI век, 2004. – С. 102.

18 Киш Я. Дилемма Д. Лукача // Лукач Д. Политические тексты. – М.: Три квадрата, 2006. – С. 269.

19 Там же. – С. 2.

20 Там же. – С. 9.

21 Там же. – С. 13.

22 Там же. – С. 26.

23 Там же. – С. 27.

24 Цит. по: Киш Я. Дилемма Д. Лукача // Лукач Д. Политические тексты. – М.: Три квадрата, 2006. – С. 266.

25 И в рецензии на роман А. Солженицына «В круге первом»: «Нравственное чувство не может удовлетвориться спасением души – в спасении души несть спасения. Здесь мы еще не расстались с проекцией нашей собственной малости, внутренней позой. Да, “лучше хлеб

с водой, чем пирог с бедой", но еще лучше быть с волкодавами против людоедов. Ради этого можно душу не только положить за други своя, но и погубить. Более высокая (или революционная) нравственность не оглядывается на эту опасность». См.: Лифшиц М.А. Почему я не модернист? – М.: Искусство – XXI век, 2009. – С. 574.

26 См.: Лифшиц М.А. Что такое классика? – М.: Искусство – XXI век, 2004. – С. 144, 145.

27 Лукач Д. Проблема духовного лидерства и «работники умственного труда» // Лукач Д. Политические тексты. – М.: Три квадрата, 2006. – С. 37, 38.

28 Лифшиц М.А. Ветер истории // Лифшиц М.А. Собрание сочинений: В 3 т. – М.: Изобразительное искусство, 1984. – Т. 1. – С. 294, 295.

29 По мнению Лукача, в этой статье (о дебатах Маркса и Энгельса с Лассалем по поводу трагедии «Франц фон Зикинген») впервые была публично выражена его новая точка зрения на марксизм и эстетику. См.: Lukacs G. Art and society // The new Hungarian Quarterly. Vol. XIII. № 47, Autumn 72, p. 48.

30 Лифшиц М.А. Ветер истории // Лифшиц М.А. Собрание сочинений: В 3 т. – М.: Изобразительное искусство, 1984. – Т. 1. – С. 295.

31 Там же. – С. 296.

32 Заметка Лифшица на полях книги: Лосев А. Ф. Гомер. – М: Молодая гвардия, 1960. – С. 154, 155.

33 Там же. – С. 155.

34 Лифшиц М.А. Что такое классика? – М.: Искусство – XXI век, 2004. – С. 121.

35 Там же: «Когда я говорю, что Лукач не понял теории отражения, я имею в виду тот его умственный статус, который сложился на московской почве. Но, кажется, я не совсем прав по отношению к «Geschichte und Klassenbewustsein»» («История и классовое сознание»).

36 Там же.

37 Лифшиц М.А. На деревню дедушке // Лифшиц М.А. Либерализм и демократия. Философские памфлеты. – М.: Искусство – XXI век, 2007. – С. 250, 251.

38 Далеко не случайно, а совершенно закономерно противник Французской революции Т. Карлейль услышал в ужасающих деяниях санкюлотов глас Божий: «Не бойтесь санкюлотизма, поймите, что на самом деле он зловещий, неизбежный конец и чудесное начало многого. И еще одно необходимо осознать: он также исходит от Бога – разве не встречался он и прежде?» См.: Карлейль Т. Французская революция. История. – М.: Мысль, 1991. – С. 138.

39 Св. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. – СПб.: Наука, 2007. – С. 15.

40 Лифшиц М.А. В мире эстетики. – М.: Изобразительное искусство, 1985. – С. 223.

41 Св. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. – СПб.: Наука, 2007. – С. 74 .

42 Там же.

43 Лифшиц М.А. Почему я не модернист? – М.: Искусство – XXI век, 2009. – С. 546 .

44 Лифшиц М.А. В мире эстетики. – М.: Изобразительное искусство, 1985. – С. 307.

45 См.: Лифшиц М.А. Собрание сочинений: В 3 т. – М.: Изобразительное искусство, 1984–1988. – Т. 3. – С. 256.

46 См.: Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914–1991. – М.: Издательство «Независимая Газета», 2004.

47 Лифшиц М.А. Очерки русской культуры. – М.: Наследие, 1995. – С. 228.

48 Там же. – С. 231.

49 Лифшиц М.А. Либерализм и демократия. – М.: Искусство – XXI век, 2007. – С. 215.

50 Лифшиц М.А. Что такое классика? – М.: Искусство – XXI век, 2004. – С. 145.

51 Лукач Д. Место Пушкина в мировой литературе // Вопросы литературы. – 2009. – Январь–февраль.

52 Лукач Д. Моральное призвание коммунистической партии // Лукач Д. Политические тексты. – М.: Три квадрата, 2006. – С. 177.

53 Лифшиц М.А. Собрание сочинений: В 3 т. – М.: Изобразительное искусство, 1984. – Т. 3. – С. 87.

54 См. об этом: Стыкалин А. Д. Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970 годы // Вопросы литературы. – 2009. – Январь-февраль. – С. 103.

55 «Беседы с Мих. Лифшицем» подготовил и опубликовал в Венгрии Ласло Сиклаи. Цитата по: Архив Мих. Лифшица, папка №669.

56 Лифшиц М.А. Что такое классика? – М.: Искусство – XXI век, 2004. – С. 164.

57 Дьёрдь Лукач приехал в Москву из Вены в самом конце 1929 г. В 1930–1931 гг. он работал в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, где и познакомился с молодым сотрудником этого института Михаилом Лифшицем. Лифшиц об этой встрече вспоминает так (см.: О встречах с Д. Лукачем (из воспоминаний Мих. Лифшица) / Публикация А.А. Вишневского // Философские науки. – 1988. – №12):

«В 1930 г. в Институте Маркса и Энгельса мне была поручена организация нового научного кабинета – кабинета философии истории. Для него была отведена большая сводчатая комната в нижнем этаже старого барского дома, где располагался институт. Я занимался своими делами, окруженный книгами, когда в один прекрасный день дверь кабинета отворилась и вошел директор института Рязанов в сопровождении человека небольшого роста, явного иностранца, судя по непривычным нашему глазу бриджам и гетрам. Рязанов своим густым басом представил нас друг другу: "Это товарищ Лукач, он будет работать с вами в кабинете философии истории".

Появление нового сотрудника меня не удивило. Институт был тогда местом, куда откомандировывали работников Коминтерна, которые по разным причинам не были желательны в своих партиях. Лукач оказался в институте после неудачи его «тезисов Блюма» в 1929 г. и должен был оставить непосредственно политическую деятельность, сменив ее на работу научную.

В первый же день нашей встречи мы начали разговаривать, сначала осторожно, потом все более увлекаясь, и не заметили, как прошел целый день. Мы скоро поняли, что во многом сходимся или дополняем друг друга, и быстро почувствовали большую взаимную симпатию.

Начался период наших "московских разговоров", тянувшихся целое десятилетие. О чем только мы с ним не говорили! Я не буду перечислять темы наших разговоров. Они касались не только философии, были среди них и проблемы, относившиеся к истории далекой и близкой, были и другие – общественно-политические. Жаль, что эти диалоги остались незаписанными. Мы оба жалели об этом и оба вспоминали о них с чувством грусти об ушедшем времени. Впоследствии Лукач мне говорил, что в сводчатом "погребе Рязанова" он провел лучшие дни своей жизни». (Д.Б. Рязанов (1870–1938) – создатель и первый руководитель ИМЭ, знаток текстов Маркса. Исключен в 1931 г. из ВКП(б) за связи с социал-демократической эмиграцией. Расстрелян.)

Лукач, приняв предложение руководства компартии Германии сосредоточиться на публицистической и пропагандистской работе в интересах привлечения творческой интеллигенции на сторону КПГ, в июле 1931 г. выехал из СССР в Германию. Первое письмо настоящего издания (от 20 сентября 1931 г.), по всей вероятности, было первым, которое написал Лукач Лифшицу из Германии.

Был оформлен переход Лукача в германскую компартию из ВКП(б), где он состоял около года, перейдя в 1930 г. из венгерской компартии, с влиятельным деятелем которой Белой Куном вступил в конфликт, предложив проект программы этой партии, осужденный в 1929 г. как «правоуклонистский».

В месяцы, предшествовавшие выезду в Германию, Лукач подвергался острой критике в СССР в условиях происходившей коренной перестройки всей философско-идеологической жизни. Так, в конце января 1931 г. «Правда», подводя итоги борьбы с «меньшевиствующим идеализмом», осудила А.М. Деборина за то, что, критикуя Лукача за взгляды, изложенные в «Истории и классовом сознании» (1923 г.) и других работах 1920-х гг. (см.: Деборин А.М. Г. Лукач и его критика Маркса. – М.: Материалист, 1924), он пытался закамуфлировать свои собственные идеалистические взгляды. Лукач же в этой публикации был однозначно охарактеризован как идеалист-гегельянец (см.: Об итогах дискуссии и очередных задачах марксистско-ленинской философии // Правда. – 1931. – 26 января). Об «идеалистической ревизии» марксизма Лукачем писал весной 1931 г. и будущий академик М. Митин в журнале «Под знаменем марксизма» (см.: Митин М.Б. Очередные задачи работы на философском фронте в связи с итогами дискуссии // Под знаменем марксизма – 1931. – №3). Одновременно происходила шумная кампания травли директора Института Маркса – Энгельса академика Д.Б. Рязанова, освобожденного в 1931 г. от своих обязанностей

и исключенного из партии за связи с меньшевистской эмиграцией (в реальности эти связи ограничивались сферой изучения наследия Маркса). Кабинет философии истории ИМЭ, где работали Лукач и Лифшиц, воспринимался в некоторых кругах как своего рода рассадник вольнодумства: см. *Приложение*, I. Можно предполагать, что Лукач охотно согласился с командировкой в Германию, поскольку новое партийное поручение давало ему возможность в самый разгар идеологических чисток не мозолить глаза своим критикам. В последние годы жизни Лукач и сам в беседах со своим учеником И. Эрши признал свое настойчивое желание покинуть в 1931 г. СССР (Lukács Gy. Megélt gondolkodás. Életrajz magnoszalagon. Bp., 1989. 208 o.).

58 Письмо Лифшица Лукачу, о котором идет речь, не найдено.

59 Речь идет о совместной работе Лукача и Лифшица в Институте Маркса – Энгельса в 1930–1931 гг.

60 Речь, по всей вероятности, идет о члене Политбюро ЦК КПГ, одном из влиятельных ее секретарей Лео Флиге, с которым Лукач находился в достаточно близком знакомстве.

61 Лукач был в 1931–1933 гг. одним из руководителей берлинской организации Союза защиты немецких писателей, созданного в 1910 г. для защиты экономических и политических прав литераторов, журналистов, издателей (эта организация объединяла интеллигентов разных политических ориентаций, в берлинской организации Союза насчитывалось около 900 человек). Лукач принимал также активное участие в работе возглавляемого И.Р. Бехером Союза пролетарско-революционных писателей Германии, образованного в октябре 1928 г. в качестве подразделения Международного объединения революционных писателей (МОРП).

62 В этот период суть каждого нового поворота в политике КПГ (Коммунистическая партия Германии) чаще всего заключалась в еще большем усилении сектантских тенденций в ее деятельности, еще большей активизации ее борьбы с социал-демократами, ставившимися на одну доску с фашистами. В резолюции ИККИ (Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала) (1931 г.), принятой с учетом влияния позиции руководства КПГ по отношению к Германии, содержалось требование «быстрого и решительного исправления ошибок, в основном сводящихся к либеральному противопоставлению буржуазной демократии и парламентских форм диктатуры буржуазии ее

фашистским формам» (Тезисы, резолюции и постановления XI пленума ИККИ. – М.; Л.: Московский рабочий, 1931. – С.11, 12). Тактика разоблачения СДПГ как главного врага подрывала союз антифашистских сил, что облегчило приход нацистов к власти. Подробнее см.: Гинцберг Л.И. Сталин и КПГ в преддверии гитлеровской диктатуры (1929–1933 гг.) // Новая и новейшая история. – 1990. – №6; Он же. Накануне прихода фашизма к власти в Германии. Новые данные о позиции КПГ // Там же. – 1996. – №1.

63 Важнейшие литературно-критические работы Лукача, относящиеся к периоду его жизни в веймарской Германии (1931–1933 гг.), были опубликованы в журнале «Линкскурве» (Linkskurve): «Романы Вилли Бределя» (1931, №11), «Тенденция или партийность?» (1932, № 6), «Репортаж или изображение? Критические замечания о романах Оттвальта» (1932, №7, 8) и др. Спор Лукача с пролетарским писателем В. Бределем, автором круга Б. Брехта Э. Оттвальтом и др. разворачивался вокруг вопросов о характере, методе и стиле новой пролетарской литературы. Лукач выступал против заимствования у модернизма литературной техники, в том числе приемов репортажа у сторонников так называемой «новой предметности». Репортажность, как и некоторые другие приемы, получившие распространение в пролетарской литературе, ведут, по его мнению, только к фиксации внешних состояний современного мира, не позволяя проникнуть в его целостность. В статьях 1931–1932 гг., опубликованных в «Линкскурве», проявилась установка на более углубленное изучение пролетарскими писателями наследия классической литературы. Эти статьи во многом предвосхитили круг идей, получивших развитие в работах по проблемам «большого реализма» (Лифшиц всегда употреблял термин «высокий реализм», считая приписывание Лукачу термина «большой реализм» неправильным переводом с немецкого понятия der grosse Realismus), относящихся к более позднему, московскому периоду творчества Лукача. См., в частности, на русском языке: Лукач Г. Репортаж или образотворчество? Критические замечания по поводу романа Отвальта // Интернациональная литература. – 1933. – №1. Лукач писал также о творчестве Г. Гауптмана (Gerhard Hauptmann // Die Linkskurve, 1932, №10; публиковалось и на русском языке).

Принципиально важной была также статья «Величие и падение экспрессионизма» (на русском языке: Литературный критик. – 1933. – № 2), посвященная критическому анализу одного из наиболее видных течений в немецкой литературе новейшего времени и

предвосхитившая позицию Лукача в известной дискуссии об экспрессионизме, развернувшейся во второй половине 1930-х годов в среде немецкой антифашистской эмиграции (см.: Лукач Г. Спор идет о реализме // Интернациональная литература. – 1938. – №12).

Среди других работ Лукача:

Aus der Not eine Tugend // Die Linkskurve, 1932, №. 11–12 (ответ Отвальту).

Das Erbe in der Literatur. I–II // Die Welt am Abend, 1932. №244, 245.

Gegen die Spontaneitätstheorie in der Literatur. II // Die Linkskurve, 1932. №4).

64 Речь идет о 100-летии со дня смерти Гегеля. Замысел Лукача (написание статьи под названием: Der Thermidor: der junge und der alte Hegel) так и не был реализован.

65 Вероятно, имеется в виду журнал «Под знаменем марксизма».

66 Речь идет об издании КПГ газеты «Die Rote Fahne» («Красное знамя»). М. Фурщик – публицист КПГ, философ-марксист.

67 Речь идет о Феликсе Вейле (Вайле) (Weil) (1898–1975) – философе, организаторе философской жизни, связанном не только с коммунистическим движением Германии, но и с Франкфуртским институтом социальных исследований. О публикации письма Лукача Вейлю нам неизвестно. Подробнее о нем см.: Арсланов В.Г. Миф о смерти искусства. Эстетические идеи Франкфуртской школы от Беньямина до «новых левых». – М. : Искусство, 1983. – С. 11–13; Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа. 1920–1930-е гг. – СПб: Изд-во Европ. ун–та в Санкт-Петербурге; М.: Летний сад, 2004.

68 Большая работа об эстетических воззрениях Ф. Меринга была опубликована в 1934 г. См.: Лукач Г. Франц Меринг (1846–1919) // Меринг Ф. Легенда о Лессинге. Литературно-критические статьи. – М.; Л.: Academia, 1934. – Т.1. Опубликовано также: Лукач Г. Литературные теории XIX века и марксизм. – М.: Гослитиздат, 1937.

69 Первая опубликованная работа Мих. Лифшица об эстетике К. Маркса: «К вопросу об эстетических взглядах Маркса» // Журнал Объединения кафедр общественных наук Вхутеина. – 1927 – №1. Вероятно, во время написания письма Лукача готовилась публикация работы Лифшица «Эстетические взгляды Маркса» (Литературная энциклопедия: В 11 т. – М.: ОГИЗ РСФСР, Советская энциклопедия, 1929–1939. – Т. 6. –

Стлб. 843–920) и его книги «К вопросу о взглядах Маркса на искусство» (М.; Л.: Гослитиздат, 1933).

70 Немецкое издание работы Лифшица об эстетике Маркса в это время не состоялось. Первое издание работ Лифшица о Марксе на немецком языке – Karl Marx und Aesthetik // Internationale Literatur. Moskau, 1933, №2. S. 127–145.

71 Имеется в виду работа Лукача: Маркс и Энгельс в полемике с Лассалем по поводу «Зикингена» // Литературное наследство. Т.3. – М., 1932. Опубликовано также в сборнике работ Д. Лукача: Литературные теории XIX века и марксизм. – М.: Гослитиздат, 1937. На немецком языке опубликовано: Internationale Literatur, 1933, №2. См. также: Kritik der Literaturtheorie Lassales // Der Rote Aufbau, 1932, №18, 19.

Работы Лифшица о Плеханове появились в печати значительно позднее 1930-х годов, см.: Г.В. Плеханов и критика модернизма в изобразительном искусстве // Художник. – 1967. – №1. – С. 57–62; Очерк общественной деятельности и эстетических взглядов Г.В. Плеханова // Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства: В 2 т. – М.: Искусство, 1978. – Т. 1. – С. 7–102; Лифшиц М.А. Г.В. Плеханов – М.: Искусство, 1983.

72 Проект, о котором идет речь, не состоялся.

73 А.В. Луначарский, освобожденный в 1929 г. от обязанностей наркома просвещения, работал в это время на научном поприще. Хотя в 1930 г. он был избран академиком, однако утратил политическое влияние. Об отношениях Лукача и Луначарского см.: Беседы на Лубянке. Следственное дело Дьёрдя Лукача. Материалы к биографии. – 2-е изд. – М.: Институт славяноведения РАН, 2001. – С. 87, 88, 142.

РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) – вплоть до образования в 1934 г. Союза советских писателей наиболее влиятельная в СССР литературная организация, претендовавшая на ведущую роль в литературной жизни.

74 Гертруд Бортштибер (Bortstieber) (1882–1963), по первому мужу Яношши (Janossy), – вторая жена Лукача.

75 Речь, вероятно, идет о работе об экономическом кризисе, начавшемся в 1929 г. Работа не была завершена.

76 Речь идет о приезде в Германию из СССР 17-летнего пасынка Лукача Ференца и 9-летней дочери Анны. См. также прим. 107, 147, 240.

77 Речь идет о работе: Wie ist die faschistische Philosophie in Deutschland entstanden? Впервые была опубликована Архивом Д. Лукача в Будапеште в 1982 г. Работа стала определенным этапом в процессе создания книги «Разрушение разума» (Die Zerstörung der Vernunft, Berlin, Aufbau-Verlag, 1954 г.).

78 Имеется в виду его работа «Людвиг Фейербах и немецкая литература», впервые опубликованная в сборнике: Лукач Г. Литературные теории XIX в. и марксизм. – М., Гослитиздат, 1937.

79 Работа Лукача «Маркс и Энгельс в полемике с Лассалем по поводу "Зикингена"» была опубликована в «Литературном наследстве» (1932 г., кн. 3). Вошла также в сборник работ Лукача «Литературные теории XIX в. и марксизм» (1937 г.). Лифшиц высоко оценивал эту работу Лукача. В немецком оригинале впервые опубликована в московском журнале «Internationale Literatur» в марте-апреле 1933 г. (Die Sickingendebatte zwischen Marx–Engels und Lassale).

80 1934 г. – 130 лет со дня рождения Л. Фейербаха.

81 В последующие годы Лукач подготовил три значительные работы о Бальзаке – предисловие к роману «Крестьяне» (М.; Л., 1935), предисловие к роману «Утраченные иллюзии» (М.; Л., 1937) и статью «Бальзак – критик Стендаля» (Литературный критик. – 1936. – №4). Все три работы вошли в сборник Лукача «К истории реализма» (М.: Гослитиздат, 1939).

82 В это время Лифшиц, вероятно, кроме свой главной темы – эстетика Маркса, работал над статьями о Гегеле и Винкельмане, см.: Судьба литературного наследства Гегеля // Литературное наследство. – М., 1932. Т. 2. – С. 187–208; Иоганн Иоахим Винкельман и три эпохи буржуазного мировоззрения // Винкельман И.И. История искусства древности. – Л.: Изогиз, 1933. – С. VII–LXII.

83 Пропуск в 12 лет в переписке обусловлен тем, что Д. Лукач жил в 1933–1945 гг. в Советском Союзе, и Лифшиц с Лукачем регулярно общались (до ухода Лифшица на фронт в 1941 г.). См.: Стыкалин А. Дьёрдь Лукач (1885–1971). Биографический очерк // Беседы на Лубянке. Следственное дело Дердя Лукача. Материалы к биографии. – 2-е изд. – М.: Институт славяноведения РАН, 2001.

84 С 1942 по 1944 гг. Лифшиц был старшим редактором отдела печати 2-го отделения Главного Политуправления Военно-морского флота

(Гл. ПУ ВМФ), с 1944 г. – старшим преподавателем по литературе ВМПУ Военно-морского флота (г. Ленинград) – данные из военного билета Лифшица.

85 Публикации Лифшица в журнале «Звезда» неизвестны.

86 Лукач ничего не написал для ленинградского журнала «Звезда».

87 По свидетельству дочери Лифшица, В.М. Герман, Г.М. Фридлендер был во время войны интернирован в Казахстан, поскольку по паспорту являлся немцем (его мать Анжель Мерисовна – немка). Лифшиц обращался в различные инстанции, чтобы вызволить из Казахстана своего ученика и последователя. В конце концов это удалось сделать, доказав, что по отцу Фридлендер – еврей. В конце войны Фридлендер был возвращен в Ленинград. В.М. Герман полагает, что когда Лифшиц в своем письме Фридлендеру напоминал ему, как он был «вытащен из солильного чана», то речь шла именно об этом эпизоде (см.: Лифшиц М.А. Почему я не модернист? – М.: Искусство – XXI век, 2009. – С. 307, 308).

Фридлендер Георгий Михайлович (1915–1995) – известный литературовед. Долгие годы сотрудник ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом) в Ленинграде. Академик РАН, был главным редактором академического собрания сочинений Ф.М. Достоевского. Будучи единственным учеником Лифшица, достигшим высот отечественного академического истеблишмента, Фридлендер вместе с тем сохранил до конца жизни пиетет и уважение к Лифшицу. В своем письме к Фридлендеру от 22 сентября 1960 г. Лифшиц следующим образом характеризовал новую позицию своего бывшего ученика: «Что же Вы думаете, зря Вас гладят по шерстке? Вы нужны этой клике литературных чиновников и христопродавцев, нужны не только потому, что Вы образованны и кое-чему научились у старых друзей, а еще потому, что Вы сговорчивы и оказываете себя готовым на приспособленчество. Стало быть, из Вас можно сделать орудие против такого аутсайдера, как я. И действительно – сделали. Избавьте меня от необходимости доискиваться, сознательно или "объективно" Вы стали картой в их игре» (Там же. – С. 313).

88 Ольга Осиповна – лицо не установлено.

89 Имеется в виду старый друг Лифшица Игорь Александрович Сац (1903–1980) – критик, переводчик философской литературы. Лифшиц писал о нем: «Шестнадцатилетним юношей он добровольно ушел в Красную Армию, служил в знаменитом Богунском полку (Щорса. – *Ред.*), был ранен и контужен под Проскуровом в 1920 году.

Полтора года ему пришлось лежать в госпиталях, пока молодой организм все же победил, хотя тяжелое повреждение позвоночника давало о себе знать всю жизнь. Случайная встреча с выдающимся музыкальным деятелем, у которого он учился в Киевской консерватории, Б.Л. Яворским, вернула Игоря Александровича к искусству. Происходя из очень культурной семьи (его старший брат Илья Сац был известным композитором), он жил музыкой, но глубоко понимал и литературу, и живопись. <…> Началась великая война против германского фашизма, и, несмотря на плохое здоровье, И. А. Сац снова пошел на фронт. Он работал в разведке 17-й гвардейской дивизии и сохранил навсегда дружбу своих боевых товарищей» (см.: Лифшиц М.А. Памяти друга // Луначарский А.В. Об искусстве: В 2 т. – М.: Искусство, 1982. – Т.1. – С. 47, 48. По другим данным, И.А. Сац был не братом, а племянником композитора Ильи Саца. Но и В. Лакшин в своем известном очерке об И.А. Саце так же, как и Лифшиц, называет его «родным братом» композитора Ильи Саца).

В 1923–1933 гг. – литературный секретарь А.В. Луначарского, в 1936–1940 гг. – один из ведущих сотрудников журнала «Литературный критик», в 1953–1954 гг. – зав. отделом критики, в 1960-е гг. (вплоть до изгнания вместе с другими членами редколлегии из журнала, в результате чего А.Т. Твардовский покинул пост главного редактора «Нового мира») – член редколлегии журнала «Новый мир». Некролог И.А. Саца (Литературная газета. – 1980. – №7. – С. 2) подписан, среди других деятелей культуры, и Лифшицем.

90 С 1942 г. Лукач состоял в штате Института философии АН СССР, где работал несколько лет и в предвоенный период, до 1938 г., будучи затем уволенным под предлогом реорганизации исследовательских направлений института. Ему неоднократно приходилось выслушивать от институтского начальства упреки в связи со слабым соответствием своих штудий магистральным направлениям деятельности института (см., например: Вещь в себе на Волхонке, 14. Из стенограммы заседания общего собрания в Институте философии 17 мая 1937 г. / Публ. и прим. С.Н. Корсакова // Вопросы философии. – 2009. – №11). О деятельности Лукача в Институте философии в 1944–1945 гг. дают представление его отчеты о научной работе: Беседы на Лубянке. Следственное дело Дёрдя Лукача. Материалы к биографии. – 2-е изд. – М.: Институт славяноведения РАН, 2001. – С. 126, 127, 129, 138.

91 В конце 1944 г. московское издательство литературы на иностранных языках выпустило на венгерском языке сборник статей Лукача по

проблемам венгерской литературы и общественной мысли «Ответственность пишущих»: «Írástudók felelőssége». Следующая книга Лукача вышла уже в Венгрии в 1945 г., после его отъезда на родину, – это сборник статей о французских писателях: Balzac, Stendahl, Zola. Bp., 1945.

92 Шершенко Людмила Анатольевна – научный сотрудник ИФ АН СССР, работала в секторе критики современной западной философии. По воспоминаниям сотрудников, она ушла из института и из жизни, вероятно, в первой половине 1980-х гг.

93 Баскин Марк Петрович (1899–1964) – советский философ, член партии с 1919 г., профессор с 1930 г., доктор философских наук с 1960 г. Окончил университет им. Шанявского в Москве в 1919 г., с того же года вел научную работу и преподавал философию в вузах Москвы, Харькова, Оренбурга; в 1920-х гг. возглавлял кафедру общественно-экономических наук МГУ, впоследствии переименованную в кафедру диалектического и исторического материализма, в 1930-х гг. работал в МИФЛИ.

Автор многих книг: «Ленин как материалист и диалектик» (М., 1924); «Наше мировоззрение» (Харьков, 1925); «Кризис буржуазного сознания. Индивидуализм и его крах» (М., 1962); «Краткий научно-атеистический словарь» (М., 1964); «Монтескье» (М.,1955, 1965, 1975).

В первой половине 1960-х гг. Баскин опубликовал положительные отзывы о работах В. Разумного (см.: Новое пособие по эстетике. – Искусство. – 1961. – №3; Проблемы социалистического реализма. – Литературная Россия. – 1964. – 28 февраля. – С. 17), а затем подписал письмо в защиту их от критики Лифшицем (памфлет «В мире эстетики» (О работах В. Разумного. Критические заметки) // Новый мир. – 1964. – №2. – С. 228–251): см. в наст. издании: *Приложение* IX.

94 Еголин А.М. (1896–1959) – литературовед, член-корреспондент АН СССР (1946 г.). До войны зав. кафедрой МИФЛИ. В 1948–1952 гг. – директор ИМЛИ РАН. В момент написания письма – сотрудник аппарата ЦК ВКП(б). Критиковал Лифшица с официозных позиций. «Находясь на руководящей работе в ЦК, – писал о нем К.И. Чуковский, – он, пользуясь своим служебным положением, пролез в редакторы Чехова, Ушинского, Некрасова – и эта синекура давала ему огромные деньги, – редактируя (номинально!) Чехова, он заработал на его сочинениях больше, чем заработал на них Чехов. <…> Он сопровождал Жданова во время его позорного похода против Ахматовой и Зощенко – и выступал в Питере в роли младшего палача…» (Чуковский К.И.

Собрание сочинений: В 15 т. / Комм. Е. Чуковской. – М.: Терра–Книжный клуб, 2007. – Т. 13: Дневник (1936–1969). – С. 288.).

95 Бауэр Отто (1882–1938) – один из лидеров австрийской социал-демократии и II Интернационала, идеолог австромарксизма, в 1920–1930-е гг. эволюционировал влево.

96 Неясно, о каком письме идет речь.

97 Речь идет о заседании, не допустившем к защите докторскую диссертацию М.А. Лифшица об эстетике К. Маркса в 1944 г. в Институте философии, вероятно, в силу того, что трактовка им Гегеля расходилась с утвердившимися в свете опубликованной директивной статьи «О недостатках и ошибках в освещении немецкой философии конца XVIII и начала XIX в.» (Большевик. – 1944. – №7–8) официальными представлениями о философии Гегеля как аристократической реакции на Великую французскую революцию. Официальные оппоненты – Г. Лукач и В.Ф. Асмус – дали положительные отзывы на диссертацию Лифшица, но объявленная в газете защита диссертации была отменена.

В 1948 г. Лифшиц защитил диссертацию на звание кандидата филологических наук в ленинградском Институте литературы АН СССР (Пушкинский дом), официальными оппонентами, давшими положительные отзывы, были В.М. Жирмунский и Г.А. Гуковский. На защите было сделано предложение о присвоении Лифшицу звания доктора, а не кандидата филологических наук (которое Лифшиц отклонил). Однако в ВАКе диссертация была якобы утеряна, и Лифшица в 1953 г. обвинили в том, что он незаконно присвоил себе звание кандидата филологических наук. Решением Ленинского райкома партии г. Москвы от 10 декабря 1954 г. ему был объявлен строгий выговор с предупреждением «за обман государственных и партийных организаций при оформлении кандидатской диссертации». Только благодаря письму в ВАК видных ученых-филологов это безобразие было прекращено, и Лифшицу в 1956 г. решением ВАК была присвоена ученая степень кандидата филологических наук – через 8 лет после защиты. В 1973 г. Лифшиц защитил в Институте философии АН СССР диссертацию на звание доктора философских наук (по совокупности работ). Одним из официальных оппонентов был Э.В. Ильенков. См. об этом: Такие чудеса бывают иногда в области философии (дело о диссертации, 1944–1956 гг.) // Арсланов В.Г. Постмодернизм и русский «третий путь». Tertium datur российской культуры XX века. – М.: Культурная революция, 2007. – С. 322 –340.

98 Детские и юношеские годы Лукача, выходца из крупной венгерской финансовой буржуазии еврейского происхождения, прошли не в «домике на окраине Будапешта», как почему-то запомнилось Лифшицу из бесед с Лукачем, а в фешенебельном (сохранившемся до сих пор) трехэтажном особняке в центре города, на построенном по новейшим стандартам венской архитектурной эклектики конца XIX в. проспекте Андрашши, под которым в год 1000–летия «обретения родины» венграми в Среднем Подунавье (1896 г.) было проведено метро – второе в Европе после лондонского. Детство и юность Лукача пришлись на время расцвета имперских амбиций венгерской элиты, в 1867 г., с преобразованием Австрийской монархии в Австро–Венгрию, приобщившейся к управлению одной из больших европейских держав, хотя и слабевшей с каждым новым десятилетием, но сохранявшей свой великодержавный статус вплоть до окончания роковой для Венгрии Первой мировой войны, по итогам которой страны-победительницы, отказавшись от традиционных для всех политических элит Европы представлений о монархии Габсбургов как «европейской необходимости», сделали выбор в пользу преобразования Дунайского региона на основе принципа национального самоопределения. Впечатления Лукача о быте и нравах венгерской элиты начала XX в. нашли отражение в его интервью И. Эрши и Э. Везер, относящихся преимущественно к 1969 г. См. немецкое издание: Lukács Gy. Gelebtes Denken. Eine Autobiographie im Dialog. Fr.am Main, 1981. Сокращенное англоязычное издание: Lukács Gy. Record of a Life. An Autobiographical Sketch. London, 1983. Венгерское издание: Lukács György. Megélt gondolkodás. Életrajz magnyszalagon. Bp., 1989.

99 В дни, когда Лифшиц писал это письмо, были в самом разгаре кровопролитные, полуторамесячные (до середины февраля 1945 г.) бои Красной Армии за Будапешт, оборонявшийся мощнейшей группировкой вермахта.

100 Временное национальное правительство Венгрии – коалиционное правительство всех антифашистских сил было образовано в Дебрецене 22 декабря 1944 г.

101 Приехав в конце августа 1945 г. с семьей в Будапешт, Лукач действительно получил квартиру на берегу Дуная, на его пештской стороне, на Белградской набережной, напротив горы Геллерт. В ней он прожил всю оставшуюся жизнь. Сейчас там находится Архив Лукача.

102 Лифшицу дважды выпала возможность посетить квартиру Лукача в Будапеште – весной 1969 г., при жизни друга, и в конце 1974 г., после его смерти, когда на квартире Лукача находился его Архив.

103 Бакалов очевидно шутил, намекая на возможное желание Лифшица уехать подальше от своих недоброжелательных критиков. Никакого института Маркса и Энгельса в монархической Болгарии быть не могло.

Бакалов Георгий (1873–1939) – один из первых болгарских марксистов, критик, публицист. Иностранный член-корреспондент АН СССР (1932 г.).

104 Павлов (Досев) Тодор (1890–1977) – болгарский философ. Ортодоксальный марксист, много занимался теорией отражения, критикой западной философии. Долгое время жил в СССР. В 1932–1936 гг. декан философского факультета Института истории, философии и литературы в Москве, в котором позже на филологическом факультете преподавали Лифшиц и его наиболее способные ученики В. Гриб и Л. Пинский. После войны возглавлял институт философии Болгарской академии наук, в 1947–1962 гг. президент этой академии, с 1966 г. входил в Политбюро ЦК БКП. В январе 1945 г., в условиях режима антифашистской коалиции, коммунист Т. Павлов был членом регентского совета при малолетнем царе Симеоне (в 2000-е годы премьер-министр посткоммунистической Болгарии Симеон Саксен-Кобургский) до провозглашения Болгарии республикой в 1946 г.

105 Речь идет об эмигрантском правительстве Г. Папандреу, высадившемся в Греции при поддержке британского десанта 18 октября 1944 г. Явный намек на британское засилье в Греции. В октябре 1944 г. Черчилль и Сталин договорились на встрече в Москве о том, что Греция после войны войдет в сферу неограниченного британского влияния в обмен на почти неограниченное советское влияние в Румынии, доминирующие позиции СССР в Болгарии, 50%-ное влияние в Венгрии и Югославии.

106 Речь идет об одной из книг крупного британского политика У. Черчилля (1874–1965), написавшего целый ряд сочинений в историко-мемуарном жанре и даже удостоенного в 1953 г. (в бытность действующим премьер-министром Великобритании) Нобелевской премии по литературе.

107 Яношши (Janossi) Ференц (1914–1997) – пасынок Лукача, сын Гертруд Бортштибер-Лукач от первого брака, экономист. В то время, о котором идет речь в письме, находился в заключении.

108 Имеется в виду Елена Феликсовна Усиевич (1893–1968) – постоянный герой переписки, литературный критик, в 1930-е гг. входила в «течение» Лифшица – Лукача. Ее муж, Г.А. Усиевич, член партии большевиков с 1907 г., погиб во время гражданской войны в возрасте 28 лет (его именем названа одна из улиц г. Москвы). В 1930-е гг. Е. Усиевич резко критиковала советскую литературу за иллюстративность и «бюрократический оптимизм», защищала А. Платонова, поэта П. Васильева (впоследствии расстрелянного) и др. Переводила польскую литературу; участвовала в Великой Отечественной войне. Последняя ее книга: Усиевич Е. Пути художественной правды. Избранные работы. – М.: Советский писатель, 1958. См. также прим. 364 и 400.

109 Работа нашла воплощение в следующих статьях: Deutsche Soziologie vor dem ersten Weltkrieg // Aufbau, Berlin, 1946, Mai; Deutsche Soziologie zwischen dem ersten und dem zweiten Weltkrieg // Aufbau, 1946, Juni. Позже в переработанном виде вошли в книгу «Разрушение разума» (Die Zerstörung der Vernunft, Berlin, Aufbau-Verlag, 1954).

110 В США работы Лукача в этот период не выходили. Вместе с тем в США по советским пропагандистским каналам получили распространение его статьи, написанные для Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС), главным образом о русской литературной классике («Лев Толстой и западная литература», статьи о Н. Гоголе, А. Герцене, В. Белинском, И. Гончарове, А. Чехове, художнике И. Репине и др.). Эти статьи вошли в книгу: Lukács Gy. Esztétikai írások (1930–1945). Ed. by. Sziklai L. Bp., 1982.

111 Рейнгардт Лидия Яковлевна (1909–1994) – постоянный герой переписки, вторая жена Лифшица, доктор искусствоведения.

112 Речь может идти о письме от 12 января 1945 г.

113 Лукач с женой и дочерью выехал из СССР в августе 1945 г. Штамп в паспорте о пересечении советско-венгерской границы датируется 28 августа. В Будапешт они прибыли 30 августа.

114 Лукач жил в Будапеште с 1945 г. до самой своей смерти в июне 1971 г.

115 После своего отъезда из СССР в августе 1945 г. Лукач ни разу не посетил Советский Союз. Поездка по приглашению Института философии АН СССР, первоначально намеченная на осень 1956 г., а затем перенесенная на 1957 г., не состоялась – помешали драматические венгерские события октября–ноября 1956 г. и участие в них Лукача в качестве министра просвещения в правительстве И. Надя, неприемлемом для советского руководства и свергнутом вследствие вторжения Советской Армии 4 ноября. Подробнее см.: Стыкалин А.С. Лукач – мыслитель и политик. – М.: Институт славяноведения РАН, 2001. – Гл. 7, 8.

116 На протяжении всей своей жизни в СССР в 1933–1945 гг. и не в последнюю очередь на заключительном этапе войны Лукач поддерживал тесные связи с немецкой антифашистской эмиграцией. Осмысление исторических судеб Германии в XX в. стало в годы войны основным направлением его творчества. Кроме того, в 1943–1945 гг. он многократно выступал перед немецкими военнопленными – слушателями антифашистской школы в Красногорске под Москвой. О большом воздействии его лекций на слушателей вспоминал впоследствии один из ведущих писателей ГДР Ф. Фюман. См.: Fühmann F. Zweiundzwanzig Tage oder die Hälfte des Lebens. Berlin, 1979. S.151. Ирония Лифшица по поводу «новых друзей» относится именно к военнопленным. Речь, таким образом, идет о возможном переселении Лукача в советскую зону оккупации Германии.

117 Возможно, речь идет об австрийском писателе и политике Эрнсте Фишере (1899–1972), который иногда писал под псевдонимом Peter Wieden.

118 Эпиктет – древнегреческий философ-стоик I–II вв. н.э. После изгнания из Рима в 89 г. жил в Эпире в нищете, проповедуя стоическую мораль.

119 Лукач смог выехать с женой и дочерью из СССР в Венгрию в августе 1945 г. (см. прим. 113), но к своему отъезду начал готовиться загодя, за несколько месяцев, ожидая возможности более скорого выезда. (Многие представители венгерской коммунистической эмиграции в СССР вернулись на родину в декабре 1944 г. – феврале 1945 г., чтобы принять участие в налаживании мирной жизни.) Библиотека Лукача была переправлена в Венгрию еще до его отъезда из Москвы.

120 Со 2 июля 1941 г. Лифшиц работал в газете Пинской (Днепровской) военной флотилии «На боевой вахте» в качестве писателя (инструктора-литератора). После гибели флотилии с 18 сентября по 23 октября 1941 г. выходил из Киевского окружения (см. об этом: Ботвин А.П. «Анабазис»: война в документах, воспоминаниях и суждениях философа // Михаил Александрович Лифшиц / Под ред. В.Г. Арсланова. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 405–421).

121 Ежемесячный журнал литературной теории, критики и истории литературы. Выходил в Москве в 1933–1940 гг. Организован после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», в результате которого были ликвидированы РАПП и др. литературные группировки. Основные разделы журнала: теория и история литературы, литературная критика, обзоры, библиография, хроника, сатира и юмор. Вокруг журнала группировалось «течение», куда входили М. Лифшиц, Г. Лукач, Е. Усиевич, В. Александров, В. Гриб, И. Сац, А. Платонов.

Журнал был закрыт по постановлению ЦК ВКП(б) «О литературной критике и библиографии» (1940 г.) после дискуссии 1939–1940 гг. вокруг работы Д. Лукача «К истории реализма» и полемических статей Мих. Лифшица в ее защиту.

122 Кеменов Владимир Семенович (1908–1988) – историк искусства и художественный критик, в 1930-е гг. примыкал к «течению» Лифшица. Позже сделал хорошую карьеру. В 1940–1948 гг. – председатель Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС). В 1954–1956 гг. – зам. министра культуры СССР. В 1956–1958 гг. постоянный представитель СССР при ЮНЕСКО. Доктор искусствоведения (1958 г.). С 1966 г. – вице-президент Академии художеств. В 1960–1980-е гг. находился в корректных отношениях с Лифшицем, как-то иронически назвавшим его «другом-бюрократом». См. рецензию Лифшица на работы Кеменова: Лифшиц М.А. Книги о Веласкесе // Лифшиц М.А. Почему я не модернист? – М.: Искусство – XXI век, 2009. – С. 413–417 (впервые опубликовано в газете «Советская культура» 11 июля 1980 г., с. 3), особенно примеч. на с. 414. См. также: Кеменов В. Памяти М.А. Лифшица // Искусство. – 1984. – №2. – С. 29–30.

123 Д. Лукач много работал в это время над серией статей об идейных истоках нацизма в Германии, со временем преобразованных в книгу «Разрушение разума» (Die Zerstörung der Vernunft, Berlin, Aufbau-Verlag, 1954). Первоначально они публиковались в немецкоязычных антифашистских изданиях, выходивших в СССР.

124 Речь идет о книгах из библиотеки Лифшица. Имеется в виду книга английского писателя, социолога, философа, расового теоретика Чемберлена Хьюстона (Хаустон) Стюарта (англ. Houston Stewart Chamberlain) (1855–1927) Immanuel Kant: Die Persönlichkeit als Einführung in das Werk. Bruckmann, München, 1905.

125 Немецкий оригинал опубликован в книге: Lukács György (1885–1971). Ed. Sziklai László. Bp., 1984.

126 Лекция «Ленин и большие вопросы культуры» была впервые опубликована в виде брошюры издательством Венгерско-Советского культурного общества: Lukács Gy. Lenin és a kultúra nagy kérdései. Bp., 1946.

127 Тексты двух лекций Лукача по теме «Литература и демократия» вошли в одноименный сборник его публицистики: Lukács Gy. Irodalom és demokrácia. Bp., 1947. См. на немецком языке: Literatur und Demokratie // Marxismus und Stalinismus. (Politische Aufsätze). Reinbek bei Hamburg. Rowohlt Verlag (Rowohlts deutsche Enzyklopädie 327–328) (Ausgewahlte Schriften IV), 1970.

128 Своей полемической статьей «Кризис демократии или ее критика справа?», опубликованной в журнале «Valóság» (номер за январь–февраль 1946 г.), Лукач принял участие в дискуссии вокруг статьи И. Бибо «Кризис венгерской демократии». Действительность в скором времени подтвердила правоту не Лукача, а его оппонента Бибо, который, выступая отнюдь не с консервативно-контрреформаторской платформы, а как сторонник углубления демократических процессов, указал на опасную для судеб демократии тенденцию, заключавшуюся в концентрации все большей власти компартией. Подробнее см.: Стыкалин А. Иштван Бибо – мыслитель и политик // Бибо И. О смысле европейского развития и другие работы. – М.: Три квадрата, 2004.

129 Дочь репрессированного в 1938 г. вождя венгерской компартии Белы Куна Анна Краснова (Агнесса Кун), которая вместе со своим мужем поэтом Анталом Гидашем считалась в Москве главным экспертом по современной венгерской культуре, в записке «Впечатление о советской пропаганде в Венгрии со времени ее освобождения» (январь 1947 г.), подготовленной для ВОКСа, писала, что Лукач не только является «главным теоретиком марксизма в Венгрии», но занимает «абсолютно главенствующее положение в венгерской культурной жизни», что, впрочем, было преувеличением: человек, проведший четверть

века в эмиграции, известный своими коммунистическими убеждениями, нарком Венгерской Советской республики 1919 г., оставившей в венгерском обществе по меньшей мере неоднозначную память, был воспринят в кругах интеллигенции с известной настороженностью. По мнению А. Кун, некоторые статьи Лукача носили «идеологически смутный характер», не удовлетворяла ее и линия фактически редактировавшегося им журнала «Форум»: пропагандой творчества Тибора Дери, который в одном из рассказов изобразил животный страх венгерского обывателя перед Красной Армией, журнал, по ее мнению, занял антисоветские позиции (между тем Лукач видел именно в прозе близкого к компартии Т. Дери явление современной венгерской литературы, отвечающее критериям высокого реализма). См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 509. Л. 190.

130 Земельная реформа 1945 г., во главе осуществления которой стоял министр земледелия коммунист Имре Надь, носила общедемократический характер, была направлена прежде всего на ликвидацию до тех пор сохранявшихся значительных остатков феодальной собственности на землю, наделила землей миллионы крестьян.

131 Йожеф Миндсенти (1892–1975) – глава венгерской католической церкви в 1945–1974 гг., кардинал. Харизматический лидер право-консервативного крыла политической жизни послевоенной Венгрии. В 1944 г., будучи веспремским архиепископом, был арестован крайне правым (нилашистским) правительством за противодействие ущемлению материальных интересов церкви. В 1946 г. выступил против провозглашения Венгрии республикой, противился осуществлению демократических реформ. Сразу после Рождества, 26 декабря 1948 г., арестован и в феврале 1949 г. приговорен к пожизненному заключению по надуманным в значительной степени обвинениям (шпионаж в пользу США и т.д.). В 1955 г. переведен под домашний арест. В дни венгерской антисталинистской революции в октябре 1956 г. освобожден, принял активное участие в политической жизни, выступив с программным заявлением правого толка. С 4 ноября 1956 г. до 1971 г. находился в здании миссии (позже посольства) США в Будапеште в качестве политического беженца. В 1971 г. получил разрешение на выезд в Австрию в обмен на национальную реликвию венгров – «корону святого Иштвана», вывезенную из Венгрии на заключительном этапе Второй мировой войны.

132 Речь идет о начальнике венгерской политической полиции Габоре Петере (1906–1993). В январе 1953 г. арестован, что было следствием кадровых перестановок и чисток в советских органах безопасности, равно как и начавшейся подготовки в Венгрии судебного процесса антисионистской направленности – по аналогии с «делом Р. Сланского» в Чехословакии и «делом врачей» в СССР (подготовка процесса была приостановлена после смерти Сталина). В 1954 г. приговорен к пожизненному заключению за массовые нарушения законодательства. В 1960 г. амнистирован.

133 Наряду с лицами, виновными в преступлениях фашистского (нилашистского) режима, а также осуществлявшими антигосударственную деятельность в условиях послевоенной демократии, среди арестованных оказались и оппоненты компартии из левого лагеря, в том числе арестованный в феврале 1947 г. при участии советских спецслужб генеральный секретарь Партии мелких сельских хозяев Бела Ковач, вышедший из заключения только в 1955 г.

134 Острейшую инфляцию, купюрой в триллион пенгё установившую «мировой рекорд» обесценения валюты, удалось преодолеть вследствие успешно проведенной в августе 1946 г. финансовой реформы. На смену пенгё пришла новая денежная единица – форинт. В подготовке реформы сыграл позитивную роль выезжавший на родину на несколько недель выдающийся советский экономист академик Е.С. (Ене) Варга (1879–1964), в 1919 г. нарком Венгерской Советской республики, а позже основатель и многолетний директор (1927–1947) Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР. Лукача и Варгу связывали хорошие товарищеские отношения. По известной версии (не подкрепленной, конечно, архивными документами), именно Варга, будучи партнером Л.П. Берии по преферансу, в большой мере содействовал освобождению из мест заключения в 1945 г. сына Гертруды Лукач Ференца Яношши, талантливого молодого экономиста.

135 В 1946 г. проходила Парижская мирная конференция, обсуждавшая проекты мирных договоров с союзниками нацистской Германии. По ее итогам 10 февраля 1947 г. был подписан мирный договор с Венгрией.

136 Вследствие Трианонского мирного договора 1920 г., заключенного по итогам Первой мировой войны державами-победительницами с Венгрией (как одной из двух составных частей проигравшей вой-

ну дуалистической Австро–Венгерской монархии), границы венгерского государства претерпели существенные изменения. К соседним странам (Румынии, образованной в 1918 г., Чехословакии, Австрии, а также Королевству сербов, хорватов и словенцев, в 1929 г. преобразованному в Югославию) отошли значительные территории, ранее находившиеся под венгерской юрисдикцией – Хорватия, Трансильвания, Банат, Воеводина, словацкие земли, Закарпатская Украина, а также будущая австрийская провинция Бургенланд. Площадь нового венгерского государства составила около 30% территории венгерской половины монархии Габсбургов, причем наряду с землями, на которых преобладали прежние национальные меньшинства полиэтничного (до 1918 г.) Венгерского королевства, за пределами нового венгерского государства оказался и ряд территорий с компактным проживанием мадьярского этноса. Хотя в основу передела Европы был положен национальный принцип, каждый четвертый венгр оказался вне своего национального государства. Стремление к ревизии Трианона становится альфой и омегой внешней политики межвоенной, хортистской Венгрии, находя широкую поддержку в обществе, в том числе и на его умеренно левом фланге. Недовольство статусом Венгрии в Версальской системе стало главной предпосылкой превращения страны в сателлита нацистской Германии, также стремившейся к ревизии версальских договоров.

В 1938–1941 гг. при поддержке фашистских Германии и Италии Венгрии удалось частично изменить трианонские границы, как силовым путем, так и посредством двух венских арбитражей. По окончании Второй мировой войны в венгерском обществе существовали иллюзии, что державы-победительницы при заключении мирного договора с побежденной Венгрией пойдут на некоторую корректировку в ее пользу трианонских границ. Эти надежды (питавшиеся, в основном, тем, что главная конкурентка Венгрии в вопросе о границах, Румыния, также была сателлитом нацистской Германии) оказались несбывшимися. Парижский мирный договор 1947 г. с незначительными коррективами, сделанными не в пользу Венгрии, подтвердил ее трианонские границы.

137 Лукач не совсем прав. Ведь в условиях, когда еще не завершилась межпартийная борьба за власть и существовала достаточно влиятельная оппозиция, коммунистам хотя бы из тактических соображений приходилось доказывать общественному мнению, что они являются не агентурой другого государства, а силой, ставящей во главу угла

национальные интересы. Близкий друг Лукача в 1910-е гг., поддерживавший с ним связи и после их взаимного охлаждения, один из корифеев киноэстетики Бела Балаж (в Венгрии известный также как драматург, поэт и прозаик) во время посещения Москвы летом 1946 г. в беседе с сотрудниками ВОКСа говорил о том, насколько трудно в условиях Венгрии пропагандировать «добрую волю» СССР. Возможно, в каких-то высших интересах и справедливо, что при решении вопроса о границах Советский Союз встал на сторону Чехословакии и Румынии, рассуждал Балаж. «Но многие венгры чувствуют себя обиженными, оскорбленными. Даже среди венгерских коммунистов есть такие, которые стали немножко националистами и которым трудно себе и другим до конца объяснить, как сочетать национальный патриотизм компартии с защитой действий СССР, направленных на этот раз не в пользу Венгрии... Многие венгры чувствуют себя так, как будто СССР покинул Венгрию в столь трудный для нее период» (Архив внешней политики РФ. Ф.077. Оп.26. П.119. Д.44. Л.21).

138 В коалицию антифашистских демократических партий входили коммунистическая, социал-демократическая партии, Партия мелких сельских хозяев и Национальная крестьянская партия.

139 Реваи Йожеф (1898–1959) – на протяжении многих лет главный идеолог венгерской компартии, избирался в ее Политбюро, где покровительствовал Лукачу, с которым сблизился в 1920-е гг. в венской эмиграции.

140 К Национальной крестьянской партии тяготели участники движения «народных писателей», оставившего заметный след в литературно-общественной жизни Венгрии 1930–1950-х гг. В левом крыле партии было много криптокоммунистов, в том числе с довоенным стажем подпольной работы.

141 В основе раскола, о котором идет речь, лежали острые разногласия о путях развития страны между «народниками» (приверженцами почвеннических идейных течений) и «урбанистами» (космополитически настроенными, ориентированными на Запад интеллигентами либеральной или леволиберальной ориентации, преимущественно еврейского происхождения). Журнал, о котором говорит Лукач («Форум»), все же стал выходить при его активном участии. Он не был, однако, самым влиятельным литературно-общественным журналом Венгрии.

142 Нет уверенности в том, что эти письма достигали адресата. В имеющемся у нас письме от 9 января 1955 г. Лифшиц пишет Лукачу: «Очень грустно, что после Вашего отъезда Вы ни разу не написали мне» (имеется в виду, не было писем, адресованных Лукачем лично Лифшицу).

143 Речь идет об антологии высказываний Маркса и Энгельса о литературе и искусстве, составленной Лукачем на основе работ Лифшица 1930-х гг. В предисловии, написанном для этого издания, Лукач высоко оценил роль Лифшица в реконструкции эстетических взглядов Маркса. См.: Marx – Engels. Művészet, irodalom. Lukács György előszavával. Bp., Szikra, 1946.

144 Работы Лифшица в Венгрии 1940-х гг. не были изданы.

145 Мих Лифшиц был уволен в запас в звании капитана 1 марта 1946 г. (приказ НК ВМФ №0279).

146 Вета – дочь Лифшица Виттория Михайловна (в замужестве Герман, р. 1927)

147 Анчи – дочь Лукача Анна Лукач (1922–?).

148 Возможно, имеется в виду как «Логос» – важнейшее понятие античной философии, так и «Логос» (Logos) (1910–1933 гг.) – знаменитый философский (начинавший как неокантианский, в 1920-е годы – скорее неогегельянский) международный журнал: немецкое издание (1910–1933 гг.) при участии едва ли не всех известных имен философской, духовной культуры Германии того времени (см.: Крамме Р. Творить новую культуру. «Логос: Международный журнал по философии культуры», 1910–1933. – http://www.pseudology.org/Psyhology/Logos.htm); Д. Лукач также упоминается среди его авторов; у Лифшица есть ссылка на «Logos» 1924 г. в его статье «Литературное наследство Гегеля» (1931 г.), на «программную для немецкого неогегельянства статью» Г. Глокнера; русское издание (1910–1914, Москва, Санкт–Петербург; 1925, Прага, один номер под ред. С. Гессена, Ф. Степуна и Б. Яковенко); в русском издании «Логоса» была напечатана, например, «Метафизика трагедии» Д. Лукача (1912–1913, кн. 1–2); итальянское издание (с 1914). Инициаторами создания журнала были С.И. Гессен, Ф.А. Степун, Э.К. Метнер (см.: Сапов В.В. Журнал «Логос» – прерванный на полуслове диалог // Вестник Российской академии наук. – 1993. – Т. 63, № 3. – С. 267–272).

149 Вероятно, речь идет о венгерском издании составленной Лифшицем антологии «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», см. письмо Лукача от 11 февраля 1946 г. и прим. 143.

150 Речь идет о книге «Marx – Engels. Művészet, irodalom» (см. прим. 143).

В 1949 г., когда на повестке дня культурной политики в СССР и Венгрии встала задача разоблачения взглядов Лукача, МИД СССР направил эту книгу со специально переведенным предисловием Лукача на заключение в Институт философии АН СССР. В отзыве за подписью директора Института академика Г.Ф. Александрова от 5 сентября 1949 г. содержалась острая критика как Лукача, так и Лифшица с позиций сталинско-ждановской вульгарной эстетической ортодоксии, очень показательная для понимания исторического контекста публикуемой нами переписки. Особое раздражение влиятельного функционера сталинского агитпропа (бывшего начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б)) вызвала «реклама» Лукачем в Венгрии работ опального Лифшица (см. в наст. издании: *Приложение* IV).

Примерно через неделю в Будапеште должен был открыться показательный процесс по делу видного деятеля компартии Ласло Райка, срежиссированный по образцу больших московских процессов 1936–1938 гг., и это придавало критике Лукача и Лифшица в записке Г.Ф. Александрова особенно зловещий характер. Высокопоставленные венгерские партийные функционеры, встречаясь с эмиссарами ВКП(б) и Коминформа в связи с «делом Райка», не скрывали своих планов: «После окончания дела о Райке... возьмемся за идеологические вопросы. Прежде всего мы должны разоблачить идеалиста и космополита – Лукач Дьёрдь» (Запись беседы сотрудника аппарата Коминформбюро С. Заволжского с М. Ракоши и М. Фаркашем от 11 июля 1949 г. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.575. Оп.1. Д.188. Л.148). Кампания критики Лукача, развязанная осенью 1949 г. и вышедшая далеко за пределы Венгрии, была синхронизирована по времени не только с «делом Райка», но и с новым витком инициированной Сталиным антиюгославской кампании, когда третье Совещание Коминформа (ноябрь 1949 г.) приняло резолюцию «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». См. также: Стыкалин А.С. Дьёрдь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы. – 2009. – №1. – С. 88–125.

151 Вероятно, имеется в виду приведенный в конце этого письма пассаж о том, что отбор и компоновка принадлежат «превосходному исследователю» профессору М.А. Лифшицу.

152 Речь, по всей вероятности, идет о работе Мих. Лифшица «К. Маркс и вопросы искусства» (1933 г.). Венгерское издание книги в это время не состоялось.

153 Книга содержит статьи, написанные главным образом в Москве и публиковавшиеся в советских русскоязычных и немецких эмигрантских изданиях. См.: Lukács Gy. Nagy orosz realisták. Bp., Szikra, 1946.

154 Сборник «Гете и его время» вобрал в себя статьи разных лет, публиковавшиеся также на немецком и русском языках. См.: Lukács Gy. Goethe és kora. Bp., 1946. См. более позднее англоязычное издание: Goethe and his Age. London, Merlin Press, 1968.

В 1946 г. на венгерском языке вышла также книга «Краткая история новой немецкой литературы», в немецкоязычном оригинале впервые опубликованная в 1945 г. в ряде номеров московского журнала «Internationale Literatur». См.: Lukács Gy. Az újabb nemet irodalom rövid története. Bp., 1946. См. также более позднее немецкое издание: Lukács G. Skizze einer Geschichte der neueren deutschen Literatur. Berlin, Aufbau Verlag, 1953.

155 В первые послевоенные годы в Венгрии по инициативе Лукача предпринимается перевод работ русских революционных мыслителей. Лукач и сам отдал дань этой тематике. Так, в вышеупомянутый сборник «Великие русские реалисты» (1946 г.) вошла работа «Международное значение русской демократической литературной критики», впервые опубликованная в 1939 г. в журнале венгерской коммунистической эмиграции «Új Hang» («Новый голос»). О переводе какой конкретно работы Н.А. Добролюбова идет речь, неясно.

156 Объявление декрета о разделе земли относится к марту 1945 г.

157 Стабилизация валюты произошла вследствие успешно проведенной финансовой реформы 1 августа 1946 г. См. также прим. 134.

158 Применительно к Венгрии этот заимствованный из английского языка термин также употребим в отношении мелкопоместного дворянства, которое, хотя и подвергалось обуржуазиванию в процессе развития капитализма, вместе с тем находилось под решающим влиянием феодальной системы ценностей. В Венгрии эпохи австро-венгерского дуализма (1867–1918 гг.) и эпохи хортизма выходцы из

джентри доминировали среди чиновников как в центре, так и на местах, что и дает здесь Лукачу основания говорить о власти джентри. Мощный слой мелкопоместного дворянства традиционно составлял базу консервативно-националистического лагеря в общественно-политической жизни Венгрии. Довольно сильны были в среде джентри и антисемитские настроения, поскольку в поднимающемся слое молодой еврейской буржуазии виделся сильный, преуспевающий конкурент – занимая ключевые позиции в администрации, джентри вместе с тем сильно проигрывали еврейской буржуазии в борьбе за экономическое влияние. Выходец из еврейской буржуазии Будапешта, Лукач с первых лет своей профессиональной и творческой деятельности испытывал на себе сильное давление со стороны джентри, его духовное становление проходило в острой оппозиции всей консервативно-националистической системе ценностей венгерского мелкопоместного дворянства, критика которой явилась лейтмотивом в работах Лукача по истории венгерской культуры. См. также: Стыкалин А.С. К вопросу о роли еврейской буржуазии в модернизации Венгрии и эволюции отношения властей и общественного мнения к еврейскому вопросу (1900–1940-е годы) // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX вв.) / Отв. ред. Р.П. Гришина. – СПб.: Алетейя, 2009. – С. 218–232.

159 Репарации были наложены на Венгрию в соответствии с мирным договором как на побежденную во Второй мировой войне страну.

160 Сталин и его окружение в обмен на ряд уступок США и Великобритании (в том числе предоставление СССР права на фактически неограниченную доминацию в Румынии) дали согласие на проведение в Венгрии свободных выборов по стандартам западных демократий. Такие выборы, состоявшиеся 4 ноября 1945 г., принесли убедительную победу Партии мелких сельских хозяев, завоевавшей 57% голосов, тогда как компартия получила всего 17% (что, впрочем, можно было бы считать успехом в условиях свободных выборов для партии, на протяжении четверти века действовавшей в Венгрии нелегально). Советское военное присутствие и решающие позиции СССР в Союзной контрольной комиссии по Венгрии (ее возглавлял маршал К.Е. Ворошилов) усиливали реальный политический вес компартии. Партия мелких сельских хозяев, опасаясь массированного давления слева и обструкции принимаемых мер, не решилась на формирование однопартийного правительства; после выборов 4 ноября в стране сохранялось коалиционное правление. Коммунистам удалось обеспечить

себе контрольные позиции в органах внутренних дел, что позволило в скором времени перейти к контрнаступлению. Их оппоненты были вытеснены с политической арены один за другим. В июне 1948 г. в Венгрии фактически установилась однопартийная диктатура сталинского типа.

161 В 1945–1946 гг. Партия мелких сельских хозяев была идеологически разнородной партией «сборного» типа. В ней нашли себе пристанище многие из оппонентов той тенденции в политическом развитии Венгрии, которая вела к установлению монопольной власти компартии, системы государственного социализма, а значит, в сложившихся конкретных условиях, – репрессивной диктатуры сталинского типа.

162 Речь идет о парламентских выборах 4 ноября 1945 г. (см. прим. 160).

163 Имеется в виду социал-демократическая партия.

164 Речь идет о теоретических органах компартии – журнале «Társadalmi Szemle» («Общественное обозрение») и социал-демократической партии – журнале «Социализм».

165 В ходе литературных дискуссий второй половины 1940-х гг., проходивших в Венгрии, Лукачем был написан целый ряд принципиально важных статей. См., например, на немецком языке: Parteidichtung; Freie oder gelenkte Kunst? // Marxismus und Stalinismus. Hamburg, Rowohlt Verlag, 1970.

166 Рая – жена И.А. Саца, переводчик Раиса Исаевна Линцер (1905–1990-е ?), специалист в области испанской и французской литературы (переводила Бальзака, Дидро, А. Камю и др.). Окончила Московский институт иностранных языков (1934 г.). Первые публикации переводов относятся к 1936 г. Член Союза писателей СССР (1955 г.) и Союза писателей Москвы. Первым мужем был писатель Виктор Дмитриев (1905–1930, покончил с собой), вторым – журналист и литератор, сотрудник журнала «Новый мир» Игорь Сац (1903–1980). Сын – пианист и педагог Александр Игоревич Сац (1941–2007). По некоторым сведениям, скончалась в 1990-х гг. у сына в Вене.

167 В своем письме Лукачу от 18 февраля 1946 года И.А. Сац сообщал, что новый библиографический журнал «Советская книга» заказал ему «статью о Щедрине. Я написал 2 листа, совсем гладких и стерильных. Все-таки не знаю, пойдет ли, потому что ведь Щедрин писал: когда

отрицают, что "errare humanum est" (человеку свойственно ошибаться. – *лат.*), то на смену выходит убеждение, что "humanum est mentire" (человеку свойственно лгать. – *лат*). Это, – продолжает Сац, – чересчур ясно открывает смысл передовой статьи уважаемого журнала».

168 Речь идет об антологии: К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве / Сост. М. Лифшиц. – М.; Л.: Искусство, 1937.

169 Орган отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), газета выполняла директивные функции в области идеологии, выходила с конца июня 1946 г. до конца февраля 1951 г. В «Докладной записке агитпропа ЦК Г.М. Маленкову о роли сектора художественной литературы агитпропа ЦК в кампании против космополитизма» от 20 апреля 1950 г. сообщалось: «На протяжении последних лет он (т. Маслин, заведующий сектором. – *Ред.*) постоянно привлекал к составлению партийных документов, а также к работе над редакционными статьями газеты "Культура и жизнь" космополитов: Бялика, Лифшица, Юнович, Гринберга и др.

Только беспринципностью и аполитичностью т. Маслина можно объяснить тот факт, что для составления редакционной статьи в "Культуре и жизнь" "Против буржуазного либерализма в литературоведении" был привлечен М. Лифшиц. Известно, что этот литературовед вместе с Д. Лукачем возглавлял в журнале "Литературный критик" антимарксистское и антисоветское направление в литературоведении. Лифшиц был идейным вдохновителем нынешних космополитов. Политическое лицо этого человека было ясно для т. Маслина и особенно для т. Сергиевского, сотрудничавшего долгое время вместе с Лифшицем в журнале "Литературный критик"» (см.: Сталин и космополитизм. – М.: Материк (Фонд А.Н.Яковлева), 2005. – Документ №228).

Вот свидетельство Э. Розенталя, относящееся к более позднему времени, но которое, может быть, уместно привести здесь: «В начале 1949 года первый секретарь Союза писателей Александр Фадеев в беседе со Сталиным "неосторожно", как он сам позднее объяснял, пожаловался, дескать, некоторые авторы в своих произведениях поддаются влиянию Запада. Для Сталина это стало подарком: "Вот и возьмитесь за это дело, товарищ Фадеев, безродных космополитов пора приструнить". Советы вождя обсуждению не подлежали, и несколько критических материалов по адресу отдельных авторов предварили широкую кампанию против "безродных космополитов", распространившуюся на все слои интеллигенции, в подавляющей части – еврейской.

Запевалой в этой кампании выступила газета "Культура и жизнь", орган ЦК партии, которую в среде интеллигенции именовали "Александровским централом" по имени ее главного редактора академика Георгия Федоровича Александрова, на протяжении ряда лет возглавлявшего в аппарате ЦК партии Управление агитации и пропаганды. В редакционной статье этой газеты среди прочих космополитов был назван и мой отец. И, как я уже упоминал, не просто рядовым космополитом, но "связующим звеном между космополитизмом в эстетике и философии"» (Розенталь Э.М. Живое прошлое: Воспоминания выпускника МГИМО. – М.: Вагриус Плюс, 2006. – С. 134). О судьбе Розенталя и Лифшица в этой кампании см. в наст. издании: *Приложение* IV и примечание 429 к нему.

170 Ермилов Владимир Владимирович (1904–1965) – литературный критик и публицист, лауреат Сталинской премии (1950). В конце 1920-х гг. был редактором журнала «Молодая гвардия», с 1928 г. один из лидеров РАППа (Российская ассоциация пролетарских писателей); один из ближайших сподвижников А. Фадеева. В 1932–1938 гг. главный редактор журнала «Красная новь». Активный участник полемики против «Литературного критика» во второй половине 1930-х гг. (см., например: Платонов А. Фабрика литературы / Публ. и сост. М.А. Платоновой; комм. и прим. Н.В. Корниенко // Октябрь. – 1991. – №10. – С. 200–206). В 1946–1950 гг. – главный редактор «Литературной газеты», активный и убежденный участник всех погромных кампаний сталинского времени; в 1950–1960-е годы – сотрудник ИМЛИ. З. Паперный, близко знавший его в конце 1940-х гг., позднее писал: «Он был живой, остроумный человек, писал легко, непринужденно… Точнее говоря, непринужденно писал то, к чему его принуждали – указаньями, предписаньями, телефонными указками по проводам разного калибра. Был он человек способный. Во-первых, способен был на многое. Во-вторых – одаренный. <…> Он не только приспособлялся, но верил, пускай как собака верит в хозяина – называйте как хотите, – при всех его лихих зигзагах, поворотах, разворотах на 180° и т.д.» (Паперный З.С. Бывали дни веселые... // Тыняновский сборник. Вып. 10. – М., 1998. – С. 720, 725); Прим. редакции журнала НЛО к публикации архивных заметок Мих. Лифшица // Новое литературное обозрение. – 2007. – №6. – С. 80–114.

171 Кирпотин Валерий Яковлевич (1898–1997) – советский литературовед, критик, заслуженный деятель науки РСФСР (1961 г.). Член ВКП(б) с 1918 г. Секретарь М. Горького, был заместителем директора

Ленинградского отделения института литературы и языка Комакадемии, членом редакции журнала «Проблемы марксизма». В 1932–1936 гг. заведующий сектором художественной литературы ЦК ВКП(б) и, одновременно, секретарь оргкомитета Союза писателей СССР. Профессор, автор книг о Писареве, Салтыкове-Щедрине, Шолохове и Леонове, Достоевском (после 1960-х гг.), а также «Идейные предшественники марксизма-ленинизма в России» (1930 г.). По заданию И.В. Сталина написал книгу «Наследие Пушкина и коммунизм» (1937 г.). Вместе с А. Фадеевым автор докладной записки И. Сталину, Молотову и др. «Об антипартийной группировке в советской критике» (1940 г.), направленной против журнала «Литературный критик» и «течения» Лифшица – Лукача. После войны был директором ИМЛИ, откуда уволен в 1949 г. См. его «Мемуарную книгу»: Кирпотин В.Я. Ровесник железного века / Сост. Э. Пашнев, Н. Кирпотина. – М.: Захаров, 2006.

172 Альтман Иоганн Львович (1900–1955) – литературовед, театральный критик. Автор книг о теории театра Аристотеля, Лессинга, с 1937 г. главный редактор журнала «Театр». Активный противник «течения» Лифшица – Лукача, в 1930-е гг. выступал с «разоблачительными» статьями, направленными против них. В 1949 г. обвинен в космополитизме и арестован, освобожден и реабилитирован после смерти Сталина, посмертно изданы «Избранные статьи» Альтмана (1957 г.).

173 Юдин Павел Федорович (1899–1968) – академик (1953 г.). В 1932–1938 гг. – директор Института красной профессуры, в 1938–1944 гг. – директор Института философии АН СССР. После войны находился преимущественно на дипломатической работе, в 1953–1959 гг. – посол СССР в Китае. С 1933 г. П.Ф. Юдин был первым ответственным редактором журнала «Литературный критик». В 1947 г. стал редактором (и оставался им до закрытия) журнала «Советская книга» (ежемесячный критико-библиографический журнал, орган АН СССР, выходил в Москве с января 1946 г. по август 1953 г.; сначала редактором был А.М. Еголин – см. прим. 94); кажется, единственная публикация Е.Ф. Усиевич в нем: По областным альманахам. – Советская книга. – 1946. – №10–11 (Обзоры); см. о журнале и П.Ф. Юдине как его редакторе, например: Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка. 1944–1954. – М.: НЛО, 1998 (по указателю и не только).

Некролог П.Ф. Юдина, конечно, не большой, официальный, а скромное «Памяти товарища» подписанный первыми руководителями партии, государства и идеологии, начиная с Л.И. Брежнева, А.Н. Косыгина, Н.В. Подгорного, включая М.А. Суслова, П.Н. Демичева, Б.Н.

Пономарева, А.М. Румянцева и кончая Ф.В. Константиновым, П.Н. Поспеловым, П.Н. Федосеевым, Б.М. Кедровым, М.Б. Митиным, Ю.П. Францевым, А.Г. Егоровым, М.Т. Иовчуком (Правда. – 1968. – №103 (18150), 12 апреля. – С. 3; Известия. – 1968. – №86 (15785), 12 апреля. – С. 3), а скромный «Памяти товарища», подписан также и Лифшицем (Подписи: Г. Корабельников, Ф. Левин, М. Лифшиц, С. Михалков, М. Розенталь, И. Сац, А. Сурков, А. Твардовский, И. Нович) – Литературная газета. – 1968. – №16 (4146), 17 апреля. – С. 6). Лифшиц дал развернутую характеристику деятельности П. Юдина в своих «Беседах» (подготовленных и опубликованных в Венгрии Л. Сиклаи).

174 «Конюха» – не удалось установить, о ком идет речь.

175 Габоры, семья А. Габора. Андор Габор (1884–1953) – венгерский писатель, жил в веймарской Германии, затем, после прихода нацистов к власти, эмигрировал в СССР, где поддерживал тесные связи с немецкой коммунистической эмиграцией. В 1945 г. вернулся в Венгрию, находился в стабильных отношениях с Лукачем. За пределами Венгрии известен и как один из либреттистов оперетт Имре Кальмана.

176 «Разрушение разума». Немецкое издание этой книги, вышедшее в 1954 г. (Lukács G. Die Zerstörung der Vernunft. Der Weg des Irrationalismus von Schelling zu Hitler. Berlin, 1954), Лифшиц получил от Лукача.

177 Написанная еще в 1930-е гг. в Москве и защищенная в декабре 1942 г. в качестве докторской диссертации в Институте философии АН СССР известная работа Лукача «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» была впервые опубликована в виде отдельной монографии в 1948 г. Посвящена Мих. Лифшицу. Первое издание: Der junge Hegel: Über die Beziehungen von Dialektik und Ökonomie. Zürich, Wien, 1948. В 1954 г. была издана в ГДР издательством «Ауфбау». В СССР полностью опубликована в 1987 г.: Лукач. Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества / Пер. с нем., отв. ред. Т.И. Ойзерман, М.А. Хевеши. – М.: Наука, 1987.

178 Свидетельство того, что два письма 1946 г. до Лифшица не дошли.

179 Имеется в виду письмо от 9 января 1955 г.

180 Вероятно, имеется в виду вышедшее в 1954 г. берлинское издание книги: Der junge Hegel und die Probleme der kapitalistischen Gesellschaft. Berlin, Aufbau, 1954.

181 Будучи членом Всемирного совета мира, Лукач посещал встречи, организуемые движением сторонников мира, до осени 1956 г. всецело контролируемым СССР и проводившим просоветскую линию. Посещение Лукачем СССР в 1955 г. не состоялось. Встреча Лукача и Лифшица произошла только в 1969 г.

182 Скорее всего, имеется в виду статья Лифшица «Дневник Мариэтты Шагинян» // Новый мир. – 1954. – №2. – С. 206–231.

183 Имеется в виду письмо Д. Лукача И. Сацу от 20 августа 1955 г. Опубликовано Л. Сиклаи в венгерском журнале «Критика» (1980 г., № 5).

184 70-летие Лукача, отмеченное 13 апреля 1955 г., широко комментировалось в прессе разных стран. В Венгрии философ был удостоен государственной премии Кошута, что вызвало недоумение в руководстве Союза писателей СССР после той острой критики, которой Лукач ранее подвергался за недооценку советской литературы, роли мировоззрения в художественном творчестве и т.д. Подробнее см.: Стыкалин А. Дьёрдь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы. – 2009. – № 1.

185 См.: Georg Lukács zum 70. Geburtstag. Berlin, 1955. Среди авторов этого сборника, изданного восточноберлинским издательством «Ауфбау», были Эрнст Блох, Ганс Эйслер, Анна Зегерс, Арнольд Цвейг, Анри Лефевр, лидер итальянских социалистов Пьетро Ненни.

186 В сборнике было помещено поздравление Томаса Манна, который отметил, что верность Лукача своим идеалам сосуществует в нем с глубоким чувством преемственности и уважением к традиции, причем своей основательностью знания литературного наследия он не уступит и «самым консервативным историкам», обладая к тому же способностью пробуждать в своих читателях жажду познания. Сохранились и другие уважительные отзывы Т. Манна об «этом коммунисте, дорожащем буржуазным наследием», как он назвал Лукача в одной из бесед. «Отнюдь не разделяя умонастроение, мировоззрение и социальное вероисповедание д-ра Георга Лукача, я уважаю и нравственно восхищаюсь его строгим, чистым и гордым умом и причисляю его критические работы "Душа и формы", "Теория романа" и т.д. несомненно к наиболее значительному, что написано на эти темы за последнее десятилетие на немецком языке», – писал он в конце 1920-х гг. (см.: Mann Th. Die Forderung des Tages. Berlin, 1930. S.114). Дважды, когда Лукачу грозила выдача хортистским властям, собиравшимся

судить его за участие в революционном движении (в ноябре 1919 г. и в 1928 г.), Т. Манн среди других видных немецких интеллектуалов подписывал письма протеста. Правда, тот же Т. Манн был весьма непримирим к «макиавеллистской», в его понимании, нравственной позиции Лукача, проявившейся и в его политической деятельности в качестве комиссара Венгерской советской республики 1919 г., а затем революционера-подпольщика. Заочная полемика с венгерским философом нашла отражение и в художественном творчестве писателя. Существует версия, согласно которой именно Лукач стал прототипом образа Нафты в одном из лучших романов крупнейшего немецкого прозаика – «Волшебной горе». Богатая история творческих взаимоотношений Т. Манна и Д. Лукача стала предметом большой литературы. См., в частности: Marcus J. Georg Lukács and Thomas Mann. A Study in the Sociology of Literature. Amherst, 1987; Novák Z. Thomas Mann és a fiatal Lukács. A Leo–Naphta–rejtély megoldásához. Bp., 1988.

187 Томас Манн умер в Цюрихе 12 августа 1955 г.

188 Идею издания в СССР книги Лукача «Разрушение разума» лоббировал тогдашний директор Института философии АН СССР П.Н. Федосеев. См. его письмо в ЦК КПСС (январь 1956 г.) с предложением перевести на русский язык и опубликовать в СССР ряд книг современных зарубежных марксистов: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф.5. Оп.35. Д.24 Л.13–17. Идея не была реализована из-за участия Лукача в венгерских событиях осени 1956 г. Подробнее о планах сотрудничества Лукача с советскими философами и литературоведами, относящихся к 1956 г., и планах издания его работ в СССР см.: Стыкалин А. Дьёрдь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы. – 2009. – №1.

189 И. Сац в 1930-е гг. переводил немецкоязычные тексты Лукача для публикации в журнале «Литературный критик».

190 Подробные воспоминания об истории этого перевода и о встрече переводчиков книги Э. Ильенкова, Л. Науменко и Х. Зайделя (который написал письмо Лукачу и получил от него совет найти в Москве Лифшица, который может помочь в переводе трудных мест переводимой книги) с Лифшицем см.: Науменко Л. К. Мифология мертвая и живая // Михаил Александрович Лифшиц / Под ред. В.Г. Арсланова. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 82–85.

В. П. Шестаков об этом эпизоде пишет следующее в своей книге воспоминаний: «Лифшиц дружил с венгерским философом Дьёрдем Лукачем, который во время Второй мировой войны жил в Москве. Затем он уехал в Венгрию, и его работы долгое время считались эталоном "истинного марксизма". В связи с подготовкой нового издания работ Гегеля к нему обратились с просьбой ответить на вопрос, как правильно переводить гегелевские термины "Entausserung" и "Entfremdung", которые обычно переводились как "отчуждение". Лукач написал в ответ довольно большое письмо, в котором говорил примерно следующее: "Я рад ответить на Ваше письмо, но в Москве живет лучший знаток Гегеля – Михаил Александрович Лифшиц. Вы можете получить у него самый квалифицированный ответ на Ваши вопросы. Я же всего лишь ученик Лифшица, и считаю, что его знания обширнее моих". Хотя Лукач был старше Лифшица по возрасту, он считал себя учеником Лифшица.

Я опубликовал это письмо в журнале НСО (Научное студенческое общество. – *Ред.*) и с копией этого журнала пошел в гости к Лифшицу, которого до сих пор я не встречал. Он жил тогда в полуподвальном помещении Третьяковской галереи, где работал в качестве заместителя директора. Лифшиц с интересом прочитал письмо. В разговоре со мной он выразил удивление, что на философском факультете учится молодежь, которая имеет живой интерес к философии. Молодежь не заставила себя ждать. Вскоре к Лифшицу началось самое настоящее паломничество. Побывал у него и Э.В. Ильенков, и с этого момента между ним и Лифшицем началась дружба, скрепленная взаимными философскими интересами» (Шестаков В.П. А прошлое ясней, ясней, ясней: Воспоминания шестидесятника. – СПб.: Нестор–История, 2008. – С. 68, 69). Однако обнаружить журнал НСО, в котором якобы опубликовано письмо Лукача, пока не удалось.

191 См.: Лукач Г. Экономические взгляды Гегеля в иенский период // Вопросы философии. – 1956. – №5.

192 Весной-летом 1956 г. Институт философии АН СССР пригласил Лукача осенью того же года посетить Москву и Ленинград и прочитать ряд лекций. Директор Института П.Н. Федосеев в обосновании, адресованном партийным инстанциям, характеризовал Лукача как «автора серьезных трудов по философии и эстетике», в работах которого «Разрушение разума» и др. «дана глубокая критика современной буржуазной философии» (Архив РАН. Ф.579. Оп.1. Д.355. Л.3). Приезд собирались приурочить к 125-летию смерти Гегеля, которое решили

скромно отметить в Москве осенью 1956 г. в академической среде. Поскольку принципиальное согласие высших партийных инстанций было получено, Институт философии АН СССР направил Лукачу пригласительное письмо (Там же. Л.2).

Лукач с благодарностью принял приглашение. В ответном письме от 9 сентября он отмечал, что 12-летний период жизни в СССР «был для меня очень плодотворным в моей научной деятельности, и я с радостью думаю о том, что снова увижу Институт философии, старых коллег и познакомлюсь с появившимися за это время молодыми философами. Я был бы также очень рад дать отчет Институту философии о моих последних работах (теория эстетического отражения).

Однако, с одной стороны, из-за большого количества работы весной этого года я сильно запустил мою основную работу (речь шла о "Своеобразии эстетического". – *Ред.*), с другой стороны, этой зимой я должен принять участие в обсуждении реформы преподавания философии, так что эта поездка едва ли может состояться раньше весны 1957 года. Я позволю себе, как только мне будет ясно конкретное распределение моего времени, еще раз написать Вам, чтобы согласовать мои планы с планами Академии наук и Института философии» (Архив РАН. Ф.579. Оп.1. Д.355. Л.9 (перевод); Л.11 (оригинал на немецком языке). Как явствует из документов, несмотря на все последующие события (участие Лукача в правительстве И. Надя, его пятимесячная депортация в Румынию после подавления венгерского восстания), вопрос о поездке в СССР по приглашению АН оставался формально открытым до конца лета 1957 г. и отпал сам собой с началом антиревизионистской критической кампании, одним из главных объектов которой стал Лукач. К 1956 г. относится также план приглашения Лукача на литературоведческую конференцию, организуемую Институтом мировой литературы АН СССР. Подробнее см.: Стыкалин А.С. Дьёрдь Лукач – мыслитель и политик. – М. Институт славяноведения РАН, 2001. – Глава 7.

193 Имеется в виду письмо от 21 октября 1955 г.

194 См. прим. 185, 186.

195 Показателен отзыв Рольфа Шнайдера, в 1950-е гг. – молодого литератора, позже диссидента, в 1979 г. исключенного из Союза писателей ГДР и эмигрировавшего в Западную Германию: «Тогдашним своим мировоззрением я был в немалой степени обязан философу и литературному критику Д. Лукачу. Чтение его книг, выходивших большими

тиражами в издательстве "Ауфбау", приобщило меня к тому, что называлось научным социализмом» (Шнайдер Р. Лукач и восстание в Будапеште // Страна и мир. – Мюнхен. – 1986. – №11. – С. 53).

196 В этом романе Бальзака воссоздается картина чудовищных преступлений «банкирского дома Нусингена», той «грязно-торгашеской практики» (Маркс), которая была реальной основой теоретического «нечистого разума» – закавыченные слова сказаны одним из героев романа по ассоциации с «Критикой чистого разума» Канта: «...вопрос этот может выдержать критику чистого разума, что же касается нечистого...» См.: Бальзак О. Собрание сочинений: В 15 т. – М.: Гослитиздат, 1951-1955. – Т. 8: Банкирский дом Нусингена. – С. 301.

197 Поездка Лукача в Италию состоялась весной 1956 г. Подробнее о ней см.: Kritika. Bp., 1989. №1.

198 Итоговому фундаментальному труду с систематическим изложением своих взглядов на эстетические проблемы Лукач придавал большое значение. Характерен отзыв 1966 г.: «Свой подлинный труд жизни я начал писать в семьдесят лет» (Золтаи Д. Эстетический синтез идей позднего Лукача: катарсис и мимесис // Философские науки. – 1985. – №6. – С.116).

199 Речь идет о «Молодом Гегеле».

200 Речь идет о посвящении на берлинском издании 1954 г. книги «Молодой Гегель»: «Михаилу Александровичу Лифшицу в знак уважения и дружбы». Воспроизведено и в советском издании 1987 г. (см. прим. 177).

201 Имеется в виду письмо Лукача от 25 января 1955 г.

202 Речь идет о статье Лифшица: Великий французский просветитель. К 175–летию со дня смерти Вольтера // Новый мир. – 1953. – №6. – С. 239–255.

203 Речь идет о книге Лукача: Existentialisme ou Marxisme? Paris, Nagel, 1948. Вероятнее всего, М.А. Лифшиц и И.А. Сац пользовались немецким изданием: Existentialismus oder Marxismus? Berlin, Aufbau, 1951. Одна из статей, входивших в эту книгу, увидела свет на русском языке в переводе И.А. Болдырева в 2005 г. См.: Лукач Д. Экзистенциализм // Вестник МГУ. – Серия: философия. – 2005. – №5. – С.23–48. На русском языке вышел и еще один из фрагментов книги, вошедший как во французское (1948 г.), так и в немецкое (1951 г.) издания. Речь идет о статье

«Кризис буржуазной философии» (1947) в переводе И.А. Болдырева. См.: Философия и общество. – 2005. – №3. – С.160–188.

204 Усиевич Марина Александровна (1924–2004) – дочь Е.Ф. Усиевич. Доктор экономических наук, долгие годы возглавляла сектор Венгрии в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР, позже преобразованном в Институт международных экономических и политических исследований РАН. Автор многих работ по проблемам экономики Венгрии.

205 Была опубликована рецензия Г. Зейделя, Э. Ильенкова и Л. Науменко на книгу «Молодой Гегель» (Вопросы философии. – 1956. – № 5. – С.181–184).

206 Речь идет о публикации в «Вопросах философии» (1956. – №5. – С.151–162) главы из работы «Молодой Гегель» и о предполагаемом, так и несостоявшемся, издании работы «Разрушение разума» (см. прим. 188).

207 Поездка Лифшица в Венгрию состоялась только весной 1969 г. (см. в настоящем издании письма за конец 1960-х гг.). М.А. Лифшиц с иронией говорил В.А. Арсланову, что власти смотрят на эту поездку недоброжелательно, опасаясь, «не издадим ли мы с Лукачем какой-нибудь манифест».

208 Имеется в виду письмо от 5 февраля 1956 г.

209 Приглашение было им получено несколько позже. См. прим. 192.

210 Ответное письмо Лукача датировано 9 сентября 1956 г. См. о содержании письма в прим. 192.

211 Письмо неизвестно.

212 Поездка Лукача в Италию, привлекшая большое внимание на левом фланге итальянской духовной жизни, состоялась весной 1956 г.

213 В августе Лукач (член-корреспондент АН ГДР) находился в Восточной Германии, где его застала весть о кончине 14 августа Бертольта Брехта. Лукач присутствовал на похоронах своего давнего оппонента и выступил с речью, в которой высоко оценил вклад Брехта в развитие социалистической культуры.

214 Поездка М.А. Лифшица и Л.Я. Рейнгардт в Будапешт летом 1956 г. не состоялась.

215 Лукач с 1945 г. по 1971 г. жил в одной и той же квартире на Белградской набережной Дуная. Вероятно, речь идет о загородной даче, которой владел весь семейный клан, включая семью старшего сына Гертруд Бортштибер всемирно известного физика Лайоша Яношши, позже вице-президента Венгерской академии наук, а в 1956 г., по меньшей мере, члена Президиума академии.

216 Речь идет о рецензии, опубликованной в «Вопросах философии» (1956. – №5. – С181–184.). См. прим. 205.

217 Рецензия в журнале «Иностранная литература» не была опубликована.

218 Книга «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» вышла в СССР только в 1987 г. (см. прим. 177). И. Сац к работе над ее переводом не имел отношения. Книга «Разрушение разума» в СССР так и не вышла.

219 Der junge Hegel: Über die Beziehungen von Dialektik und Ökonomie. Zürich, Wien, Europa Verlag, 1948.

220 Первый том «Эстетики» не был закончен к концу 1956 г. С 4 ноября 1956 г. по 11 апреля 1957 г. Лукач в силу внутриполитических обстоятельств был оторван от своей библиотеки и возможности продолжать научную работу. В течение двух недель он находился в качестве политического беженца в посольстве Югославии в Венгрии, а после выхода оттуда был интернирован советскими спецслужбами и переправлен в Румынию, где находился несколько месяцев вместе с бывшим премьер-министром Имре Надем и группой политиков из его окружения.

221 Под большой семьей Лукач имел в виду семьи трех детей Гертруд Бортштибер – Лайоша Яношши, Ференца Яношши и Анны Лукач. См. также прим. 240.

222 Принципиальное решение о разрешении Лукачу беспрепятственно вернуться в Будапешт было принято руководством Венгерской социалистической рабочей партии в конце февраля 1957 г. Но порог своей квартиры на Белградской набережной он и Гертруд переступили только 11 апреля.

223 После того, как Лукач 18 ноября 1956 г. при выходе из здания посольства ФНРЮ на площади Героев в Будапеште был интернирован советскими спецслужбами, а через несколько дней переправлен в

Румынию, в мире мало что знали о судьбе всемирно известного философа, что довольно сильно будоражило и западную общественность, особенно гуманитарные круги и литераторов. Вопрос о судьбе Лукача то и дело поднимался в беседах советских эмиссаров и дипломатов с западными интеллектуалами. Подробнее см.: Стыкалин А. Дьёрдь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы. – 2009. – №1.

224 Скорее всего, речь идет о работе: Лифшиц М.А. По поводу статьи И. Видмара «Из дневника» // Новый мир. – 1957. – №9; и более конкретно – об анализе Лифшицем в этой статье сцены охоты из «Войны и мира» Л. Толстого.

225 См.: Il significato attuale del realismp critico. Torino, Einaudi, 1957. Немецкое издание: Wider den missverstandenen Realismus. Hamburg, 1958. В своей работе Лукач акцентировал критическое начало в литературе социалистического реализма, что вызвало недовольство партийных идеологов в Венгрии, СССР и ГДР. Именно осенью 1957 г. сначала в ГДР, а затем и в других странах была развязана острая кампания критики эстетических взглядов Лукача, ставшая составной частью более масштабной антиревизионистской кампании. В этих условиях была отброшена первоначальная идея публикации в СССР «Разрушения разума».

Подробнее см.: Стыкалин А.С. Дьёрдь Лукач – мыслитель и политик. – М.: Институт славяноведения РАН, 2001.

226 Золтаи Денеш (1928–2008) – философ и музыковед, относился к кругу учеников Лукача. Вероятно, встречался с Лифшицем во время командировки в Москву.

227 Вероятно, речь идет о сборнике работ Лукача: The Meaning of the Contemporary Realism. London, Merlin Press, 1963.

228 Лифшиц, в частности, мог читать фрагменты, опубликованные в 1956 г. в ряде номеров журнала Deutsche Zeitschrift für Philosophie.

229 С конца 1957 г. Лукач подвергался острым нападкам в ходе крупномасштабной антиревизионистской кампании, проходившей в рамках мирового коммунистического движения. Редкий учебник по эстетике и литературоведению, вышедший в СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг., обходился без дежурной критики в его адрес (подробнее см.: Стыкалин А.С. Дьёрдь Лукач – мыслитель и политик – М.: Институт славяноведения РАН, 2001).

230 Розенталь Марк Моисеевич (1906–1975) – философ. В 1933–1940 гг. был заместителем отв. редактора, затем отв. редактором журнала «Литературный критик». См. о нем в воспоминаниях его сына: Розенталь Э.М. Живое прошлое: Воспоминания выпускника МГИМО. – М., Вагриус Плюс, 2006. – С. 122–147.

231 Александров (Келлер) Владимир Борисович (1898–1954) – критик, литературовед, педагог, в 1930-е гг. активный участник «течения» Лифшица – Лукача. Всесторонне образованный человек, знаток Данте, Шекспира, старофранцузского эпоса и политической экономии. Один из первооткрывателей А. Платонова («прозорливая статья» 1922 г.) (Ласунский О. Неизвестный автограф Андрея Платонова. – Неделя. – 1988. – №47, ноябрь), автор книги о М. Исаковском (рец.: Усиевич Е. Книга об Исаковском. – Новый мир. – 1950. – №6; Замошкин Н., Политыко Д. – Советская книга. – 1950. – №9), близкий друг А.Т. Твардовского, который особо выделял его статьи из написанного о своей поэзии (см. его рабочие тетради и дневники: Знамя. – 1989. – №7. – С.142–143; Твардовский А.Т. Новомирский дневник: В 2 т. – М.: ПРОЗАиК, 2009. – по указателю), открыл повесть В. Некрасова «В окопах Сталинграда» и страстно боролся за ее публикацию. См.: В.Б. Александров (Келлер). Некролог, подписанный: Группа товарищей // Литературная газета. – 1954. – №115 (3299), 25 сентября. – с. 4 (некролог, составленный И. Сацем, В. Некрасовым и А. Твардовским и который, как пишет А.Твардовский, «подписать, конечно, не дали»). Его посмертный сборник: Александров В. Люди и книги. Сборник статей. – М.: Советский писатель, 1956), – издан при содействии А.Т. Твардовского.

232 Платонов Андрей Платонович (1899–1951) – крупный писатель–прозаик. В 1930-е гг. выступал и как критик, много сотрудничал с журналом «Литературный критик» (см. об этом, например: Левин Ф. Несколько слов об Андрее Платонове // Левин Ф. Из глубин памяти: Воспоминания. – 2-е изд. – М.: Советский писатель, 1984. – С. 105–109), примыкал к «течению» Лифшица – Лукача. См. также прим. 121, прим. 400.

233 Вероятно, имеется в виду Елизавета Рувимовна Рамм – литературный редактор. Она упоминается в воспоминаниях Ф. Левина «Друзья мои Сергиевские» в его книге «Из глубин памяти. Воспоминания». (М., 1984): «У Сергиевских издавна сложился круг друзей. Это были по преимуществу люди, учившиеся в двадцатые годы в Брюсовском институте: В. Гоффеншефер, И. Марголин, Е. Рамм, С. Макашин. Их друж-

ба зародилась на студенческой скамье и укрепилась в следующие годы» (с. 114). Е. Рамм указана в качестве редактора книг издательства «Советский писатель»: Усиевич Е. Книги и жизнь. – М., 1949; Александров В. Михаил Исаковский. – М., 1950. (В книге Ф. Левина см. также воспоминания «Таксер и Усиевич» (с. 143–156) об Е.Ф. Усиевич). Воспоминания об Е.Р. Рамм сохранились у А. Берзер в связи с судьбой писателя В.С. Гроссмана: «Много лет изводили Елизавету Рувимовну Рамм, святого человека… Тоже редактора. Ее истребляли в течение многих лет (судя по контексту, в издательстве «Советский писатель». – *Ред.*), а на меня особенно накинулись именно в эти месяцы, в конце 1952 года. Елизавета Рувимовна умерла от этого, не выдержало сердце» (Берзер А. Черная яма. // Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана; Берзер А. Прощание. – М.: Книга, 1990. – С. 154).

234 Речь идет о восстановлении Лукача в партии. См. подробные комментарии к письму Лифшица от 18 декабря 1967 г.

235 Речь идет о дискуссии вокруг работы Г. Лукача «К истории реализма» (1939 г.). Под первой дискуссией имеется в виду либо обсуждение статьи Г. Лукача «Роман как буржуазная эпопея», написанной для «Литературной энциклопедии» (дискуссия состоялась в конце 1934 – начале 1935 гг., ее материалы хранятся в Архиве РАН (Ф. 355. Оп. 5. Д. 32–34. В кратком виде опубликовано: Литературный критик. – 1935. – №2), либо дискуссия 1936 г. о вульгарной социологии.

236 Будучи в начале ноября 1956 г. министром просвещения в правительстве Имре Надя и членом руководства образованной в это время Венгерской социалистической рабочей партии, Лукач высказался против выхода Венгрии из Организации Варшавского договора, мотивировав это невозможностью изменить геополитическое положение страны. Выход Венгрии из ОВД был инициирован И. Надем в знак протеста против силового давления СССР.

237 Министр культуры Венгрии Дьёрдь Ацел (все более выдвигавшийся на роль главного идеолога режима Я. Кадара) при посещении в феврале 1964 г. в Москве Союза писателей СССР говорил о том, что недавно изданная на немецком языке капитальная книга Лукача по эстетике («Своеобразие эстетического») готовится к печати и на венгерском («будем обсуждать и спорить»). Что касается восстановления Лукача в партии, «если он захочет, пусть просит – вот наша позиция. Просить мы никого не станем» (Российский государственный архив новейшей истории. Ф.5. Оп. 55. Д.103. Л. 43–44). Об обстоятельствах

восстановления Лукача в партии см. прим. к письму Лифшица от 18 декабря 1967 г.

238 Дружба с Лифшицем нашла отражение на многих страницах дневников А.Т. Твардовского (см. наиболее полную публикацию: Твардовский А.Т. Новомирский дневник. 1961–1970: В 2 т. – М.: ПРОЗАиК, 2009. – по указателю). См., например, запись от 29 сентября 1954 г.: «В Москве, как в захолустье, – некуда пойти, не с кем поговорить – один несчастный, распинаемый Лифшиц» (Твардовский А. Из рабочих тетрадей (1953–1960) // Знамя. – 1989. – №7. – С.143). В 1954 г. Лифшиц подвергался резкой критике за статью «Дневник Мариэтты Шагинян» (Новый мир. – 1954. – №2), «его исключили из КПСС решением партийной организации Президиума АН СССР. Исключение заменено "строгим выговором с предупреждением" Ленинским РК КПСС г. Москвы» (см.: Михаил Александрович Лифшиц / Под ред. В.Г. Арсланова. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 429). Сам Лифшиц писал об этом так: «…мне пришлось почти два года нести положенный крест вплоть до почти совершившегося исключения из партии (в 1956 г. извинились и отменили)» (см.: Лифшиц М.А. Почему я не модернист? – М.: Искусство – XXI век, 2009. – С. 604).

Публикация статьи «Дневник Мариэтты Шагинян», по более поздним отзывам – подрубившей, наряду с «Одним днем Ивана Денисовича» А. Солженицына, сталинский «советский» бюрократический режим, послужила одной из причин снятия А.Т. Твардовского с поста главного редактора «Нового мира». Шагинян Мариэтта Сергеевна (1988–1982) – русский советский поэт и прозаик, Герой Социалистического Труда (1976 г.), доктор филологических наук (1946 г.), член-корреспондент Академии наук Армянской ССР (1950 г.), лауреат Сталинской премии, лауреат Ленинской премии (1972 г.). После критики Лифшица, как правило, идеологические функционеры и халтурщики, служители «культа собственной личности» успешно шли вверх по служебной лестнице (М. Б. Храпченко – характерный тому пример.).

О сильном идейном влиянии «марксиста-догматика» Лифшица на А.Т. Твардовского писал и А.И. Солженицын в книге «Бодался теленок с дубом».

239 В первом браке Лифшица с Екатериной Федоровной Мордасовой (1905–1980) у него родились трое детей: Виттория, журналист и переводчик (р. 1927), Герман, историк (1930–1992) и Анна, искусствовед (р. 1938). Дочь Лифшица В. М. Герман вспоминает, что, будучи ребенком, играла на коленях у Лукача; по ее словам, от него всегда приятно

пахло дорогим табаком, и, хотя он не был внешне красивым человеком, производил впечатление чего-то необычного, «иностранного» и благородного.

240 Родная дочь Лукача Анна родилась в 1922 г. Жена философа Гертруд Бортштибер-Лукач имела также двух детей от первого брака, которых Лукач считал и своими детьми. Старший сын Лайош Яношши (1912–1978) был крупным, известным и за пределами Венгрии физиком, академиком Венгерской Академии наук, в 1930-е гг. стажировался в Великобритании у Э. Резерфорда. Вернулся в Венгрию после многих лет пребывания в Англии в 1950 г., возглавив институт в системе реорганизованной Венгерской академии наук. Занимался физикой космических лучей, атомного ядра и элементарных частиц, методологией физики. Открыл проникающие ливни в космических лучах. Младший сын Ференц Яношши (1914–1997) был известным в Венгрии экономистом, много помогал отчиму своими консультациями при обращении Лукача к темам, имеющим экономическое измерение. Лифшиц хорошо знал по 1930–м гг. Ференца, жившего в то время в СССР (и, кстати, проведшего несколько лет в заключении по ложным обвинениям).

241 Ко времени написания письма жены Лукача Гертруд Бортштибер-Лукач уже не было в живых. Она скончалась в Будапеште 28 апреля 1963 г.

242 Имеется в виду письмо от 1 мая 1963 г.

243 С 1945 г. Лукач был профессором Будапештского университета, в 1958 г., в разгар критической кампании, направленной против него, был уволен приказом министра просвещения В. Бенке (в соответствующем приказе отмечалось, что занимаемые им политические позиции не позволяют доверить ему воспитание молодежи). Тем не менее Лукач, имевший статус в структуре Венгерской академии наук, оставшийся членом ВАН, продолжал много общаться с молодежью неформально. Некоторые из его учеников (А. Хеллер, Ф. Фехер, Д. Маркуш, М. Вайда, а также И. Месарош, эмигрировавший после 1956 г.) получили международную известность. Большинство из них, испытав сильное влияние идей Лукача, в политическом плане эволюционировало в направлении либерализма (определенное исключение составляет прежде всего И.Месарош, придерживающийся и поныне более левых взглядов). В 1968 г. группа учеников Лукача публично выступила против военной акции пяти стран – участниц Организации Варшавского договора в Чехословакии, подвергшись за это гонениям

и ограничениям по партийной и административной линии. В 1970-е гг., после смерти Лукача, наиболее видные его ученики, испытав давление режима Кадара, предпочли покинуть Венгрию, получив места в престижных западных университетах (право на венгерское гражданство было за ними сохранено). С начала 1990-х гг. Хеллер, Фехер, Маркуш, Вайда принимали более или менее активное участие в духовной жизни «постсоциалистической» Венгрии.

244 См. также: Der Kampf des Fortschritts und der Reaktion in der heutigen Kultur // Schriften zur Ideologie und Politik. Ausgewählt und eingeleitet von Peter Ludz. Neuwied–Berlin, Luchterhand, 1967.

245 Речь идет о письме А. Кароччи (Nuovi Argomenti, 1962, July–October). На русском языке опубликовано: Философские науки. – 1989. – №6 (публикация Б.Н. Бессонова). В работе содержится анализ сталинизма как социально-исторического феномена, в том числе методологии сталинского мышления. Известна также под названием: «Частное письмо о сталинизме».

246 Венгерская партия трудящихся, членом которой состоял Лукач, самораспустилась во время событий октября 1956 г. В начале ноября при участии Лукача была провозглашена Венгерская социалистическая рабочая партии. Укрывшись 4 ноября 1956 г. в посольстве Югославии в Венгрии, а затем будучи депортированным в Румынию, Лукач фактически оказался вне рядов формирующейся новой партии и поставил вопрос о своем восстановлении в ее рядах в мае 1957 г., через месяц после возвращения из Румынии. Подробнее см. комментарий к письму Лифшица от 18 декабря 1967 г.

247 В 1963 г. работа вышла полностью: Eigenart des Ästhetischen. I–II. Neuwied, Luchterhand, 1963. Книга была опубликована в серии «Georg Lukács Werke» (Тома 11–12). Лифшиц получил подарочный экземпляр.

248 См. письмо Гертруд Бортштибер от 9 июня 1944 г.

249 В журнале «Sinn und Form» кроме Лукача в 1950-е гг. печатались Брехт, Блох, Эйслер.

250 Среди выполненных И. Сацем в те годы переводов с немецкого и французского: А. Хюбшер «Мыслители нашего времени», 1962.; Э. Ион «Введение в эстетику», 1964.; Г. Лей «Очерки истории средневекового материализма», 1962.

251 Имеется в виду статья И. Саца: О взглядах А.В. Луначарского на изобразительное искусство // Новый мир. – 1963. – №6. – С. 230–242. Как отмечалось в этой статье, оторванное от реальности «рассудочно-формальное экспериментаторство Луначарский не считал путем, который может привести к возрождению искусства» (Там же. – С. 234).

252 Речь идет о письме А. Кароччи (см. прим. 245).

253 Georg Lukács o literature a tvurcin marxismu // Literarny noviný, 1964, №3. Интервьюировал Лукача известный чешский публицист и критик Антонин Лим. Неоднократно публиковалось и в других странах. На немецком языке опубликовано: Tagebuch. Wien, 1964, №3, 4.

254 На русском языке не было опубликовано. (Твардовский мог быть ознакомлен с переводом, выполненным в Иностранной комиссии Союза писателей.)

255 Речь идет о статье Лифшица: В мире эстетики (О работах В. Разумного. Критические заметки) // Новый мир. – 1964. – №2. – С. 228–251.

256 Интервью Лукача чешскому литературному еженедельнику не было опубликовано в «Новом мире».

257 Скорее всего, речь идет о книге Лифшица «Идея эстетического воспитания в истории общественной мысли». Опубликована вдовой Лифшица Л.Я. Рейнгардт на собственные средства в 1993 г. под названием «Поэтическая справедливость». К этой книге сам Лифшиц относился критически.

258 Речь идет о «Своеобразии эстетического», впервые опубликованном в 1963 г.

259 Многие журналисты и интеллектуалы как из западных, так и из социалистических стран при посещении Будапешта считали за честь взять интервью у Лукача, провести беседу с ним. Неполную библиографию опубликованных интервью с Лукачем см. в книге: Hungarian Studies on György Lukács. Vol. II. Bp., 1993, p.693–695. По итогам беседы Лукача с рядом молодых западногерманских интеллектуалов вышла книга: Holz H.H. – Kofler L. – Abendrot W. – Pinkus T. Gespräche mit Georg Lukács. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt, 1967. См. также английское издание: Conversations with Lukács. Ed. by T.Pinkus. London, Merlin Press, 1974. Не упускали возможности встретиться с Лукачем и советские интеллектуалы, проявлявшие интерес к его творчеству. Один из них, ведущий критик журнала «Новый мир» В. Лакшин, оставил воспомина-

ния: Лакшин В.Я. Воспоминания о Дёрде Лукаче // Иностранная литература. – 1988. – №7. – С. 231–235. Но были и те, кто демонстративно пренебрег возможностью встречи с марксистским «мастодонтом» – в частности, Мишель Фуко при посещении Будапешта в 1966 г. См.: Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 182.

260 В Венгрии быстрее, чем в СССР, вышла книга Лифшица об эстетике Маркса. См.: Lifsic M.A. Marx és az esztétika. Bp., 1966.

261 Речь идет о работе: Sozialistischer Realismus heute. Kritische Auseinandersetzungmit der Stalinzeit // Neue Rundschau. Frankfurt a M. 1964, №3. S. 401–418. К творчеству Солженицына Лукач обращался и позже, в работе 1970 г. о его романах. В связи с присуждением Солженицыну Нобелевской премии в 1970 г. в Великобритании вышла брошюра, включившая в себя как статью 1964 г. (отклик на «Один день Ивана Денисовича»), так и статью 1970 г. о романах. См.: Lukács G. Solzhenitsyn. London, Merlin Press, 1970. См. подробно: Иллеш Л. Солженицын в интерпретации Дёрдя Лукача // XX век. Русская литература глазами венгров, венгерская литература глазами русских. / Отв. ред. Ю.П. Гусев. – М.: ИСл РАН, 2007.

262 На русском языке работа была опубликована только через четверть века. См.: Лукач Д. Социалистический реализм сегодня / Пер. Ю. Гусева // Вопросы литературы. – 1991. – №4.

263 Речь идет о первых месяцах после смерти жены.

264 Мемуарные наброски находятся в Архиве Лифшица, частично опубликованы в журнале «Новое литературное обозрение» (2007, №88) и в книге: Лифшиц М.А. Varia. – М.: Grundrisse, 2010.

265 Замысел написания Лукачем фундаментальной работы, систематически излагающей с марксистских позиций законы этики, остался неосуществленным.

266 К работе над автобиографией Лукач фактически обратился только в последний год жизни. Работая над ней, тяжело больной философ торопился ее завершить, что отразилось на ее форме – она представляет собой (особенно в последних главах) лаконичный, пунктирно выполненный набросок истории собственной духовной эволюции, хотя Лукач и успел придать ему некоторую целостность (свою автобиографию Лукач назвал «Прожитое мышление» – «Gelebtes Denken»). Эта работа дополняется серией развернутых интервью, которые Лукач дал в 1969–1971 гг. своему ученику Иштвану Эрши (1931–2005), а также

Эржебет Везер. Наиболее полное издание обеих работ на венгерском языке: Lukács György. Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon. Az interjúkat készítette Eörsi I. és Vezér E. Szerk. Eörsi I. Bp., 1989. На английском языке см.: Lukács G. Record of a Life. An Autobiographical Sketch. Ed. by Eörsi I. London, Verso, 1983. Беседы с Лукачем нашли своеобразное отражение в художественном произведении И. Эрши (не только переводчика философской литературы и публициста, но и известного венгерского драматурга) – пьесе «Интервью. Абсурдное документальное действо». См. на русском языке: Мавзолей. Современная венгерская драматургия: В 2 кн. / Сост. А. Силади; Пер. О. Якименко. – М.: Три квадрата, 2006. – Книга 1. – С. 5–55.

267 Лифшиц читал полученное в дар от Лукача первое, немецкоязычное издание «Своеобразия эстетического» (1963 г.).

268 Скрытая цитата, в оригинале, по Эпикуру, существуют бесчисленные миры, а боги обитают в пространствах между мирами.

269 Речь идет о статье: В мире эстетики (О работах В. Разумного. Критические заметки) // Новый мир. – 1964. – №2. – С. 228–251. Официальную реакцию на статью см. *Приложение* IX.

270 Речь идет о книге Лифшица «Идея эстетического воспитания в истории общественной мысли». См. прим. 257.

271 Лукач называл Лифшица «прилежным эпикурейцем» еще, вероятно, в 1930-е гг. (см.: Лифшиц М.А. Почему я не модернист? – М.: Искусство – XXI век, 2009. – С. 471). Ср. слова самого Лифшица от 10 июня 1975: «Мне говорят, что я оптимист, “жизнелюб”. Отвечаю на это: “стерпится – слюбится”» (Лифшиц М.А. Pro doma sua // Новое литературное обозрение. – 2007. – №88. – С. 85). Ср. также: «Стр. 782–799. Молодой дипломат, попавший в тюремную камеру, может с высоты своей Голгофы судить о наивности Эпикура, но, вообще говоря, философия Эпикура и стоиков была криком ужаса и попыткой сохранить душевное равновесие в достаточно страшном мире» (Лифшиц М.А. О рукописи А.И. Солженицына «В круге первом» (1964?) // Лифшиц М.А. Почему я не модернист? – М.: Искусство – XXI век, – С. 580). См. также признание Лифшица о «внутренней жизни» в прим. 375.

272 Лифшиц и Солженицын общались в силу того, что оба они в 1960-е гг. принадлежали к кругу друзей журнала «Новый мир». Речь здесь идет о статье «Социалистический реализм сегодня». См. прим. 261, 273.

273 В статье «Социалистический реализм сегодня» Лукач продолжал развивать нашедшие отражение в его работах 1957–1958 гг. (опубликованных в Италии и Германии) представления о социалистическом реализме как о критическом реализме эпохи, главное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму во всемирном масштабе. В творчестве Солженицына, писателя, которому, по его мнению, «действительно удалось разрушить идеологические бастионы сталинской традиции» (Вопросы литературы. – 1991. – №4. – С. 73), Лукач видел своего рода путеводную звезду для литературы социалистического реализма, приоритетной задачей которой философ считал критическое осмысление наследия сталинской эпохи. Такая интерпретация творчества Солженицына сильно расходилась с представлениями писателя, последовательного в своих антикоммунистических убеждениях, о своей миссии в литературе.

274 См. письмо Лифшица Лукачу от 16 июля 1964 г. и комментарии к нему.

275 Речь идет о письме от 7 июня 1964 г.

276 См. письмо Лифшица от 14 октября 1964 г.

277 Лукач имеет в виду свои отношения с Лео Поппером, скончавшимся в 1910 г. См. подробнее: Стыкалин А.С. Дьёрдь Лукач – мыслитель и политик. – М.: Институт славяноведения РАН, 2001.

278 Отзыв Лукача о работе Лифшица «В мире эстетики» см. в его письме от 28 марта 1964 г.

279 Статья «Почему я не модернист?» писалась по предложению пражского журнала «Эстетика» и впервые была опубликована именно там (1964, №4). На русском языке вышла в «Литературной газете» 8 октября 1966 г., вызвав острейшую дискуссию.

280 А.И. Солженицын не оставил письменных отзывов о реакции Лукача на свое творчество.

281 См. письмо Лифшица от 16 июля 1964 г.

282 Речь идет о смерти жены.

283 Речь идет о вышеупомянутой статье: Sozialistischer Realismus heute (Neue Rundschau. Wien, March 1964).

284 Речь идет о статье «Иван Денисович, его друзья и недруги».

285 См.: Барабаш Ю. «Руководители», «руководимые» и хозяева жизни // Литературная газета. – 1961. – 12 мая. См. также: Письмо В. Лакшина в редакцию «Литературной газеты» от 14 мая // Литературная газета. – 1964. – №66, 4 июня; От редакции // Там же; Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущева: Дневник и попутное (1953–1964). – М.: Книжная палата, 1991; Лакшин В.Я. Пути журнальные. Из литературной полемики 60-х гг. – М.: Советский писатель, 1990.

286 Вероятно, речь идет о сокращенной версии предисловия А. Казина к книге Д. Лукача «Studies in European Realism» (New York, 1964). Трактовка А. Казином творчества Лукача была неприемлема с точки зрения официозной советской эстетики того времени и дала основания отправить книгу в спецхран Ленинской библиотеки.

287 Рецензия Мелвина Ласки (New York Times Book Review, 1964, may 10) явилась откликом на выход книги Лукача «The Meaning of Contemporary Realism» (London, 1963) и ряд других англоязычных публикаций его работ, в частности, издание монографии 1930-х годов «Исторический роман» в Бостоне в том же 1963 г. Рецензия, сфокусировавшая внимание на некоторых традиционно уязвимых с точки зрения оппонентов местах лукачевской концепции реализма, отразила отношение к его творчеству леволиберальной американской критики, равно как и ожидания ею строго определенного вектора его дальнейшей духовной эволюции (ожидания в целом не оправдавшиеся при всем критическом отношении позднего Лукача к советскому опыту строительства социализма). Автор продемонстрировал и знание некоторых малоизвестных обстоятельств биографии Лукача, в 1941 г. проведшего два месяца в застенках НКВД (см.: Беседы на Лубянке. Следственное дело Дёрдя Лукача. Материалы к биографии. – 2-е изд. – М.: Институт славяноведения РАН, 2001). Хотя ведущие американские критики, пишет Ласки, снабдили работы Лукача весьма доброжелательными предисловиями, в работах этих трудно найти что-нибудь убедительное и интересное. «Внезапно ощущаешь, сколь плоским и скучным был бы портрет Лукача, сделанный Томасом Манном» (т.е. образ Нафты), если бы автор сознательно стремился бы быть только реалистом и не более. «Единственное, что примиряет читателя со всей этой догматической риторикой, это присущие автору чувство меры, вкус, образованность и даже пара ересей». При оценке художественных произведений Лукач зачастую руководствуется мнением классиков марксизма, и если бы те оставили позитивные отклики о некоторых других писателях, то и Пантеон великих имен в представлении

Лукача, вероятно, расширился бы. Да, работы Лукача последних лет, его попытки акцентировать критическое начало в концепции социалистического реализма и т.д. – продукт послесталинской оттепели с ее надеждами и ограниченностью. При этом Лукач использует обретенную свободу с характерной для него «консервативной осторожностью». «Интеллектуальная смелость, которой он восхищается у классиков марксизма, не является его самой сильной стороной, и не удивительно поэтому, что он в последнее время теряет влияние среди молодежи Восточной Европы». В отличие от современных релятивистских философов, Лукач уверен, что твердо знает, где лежит истина, и этой своей убежденностью он напоминает идеологов XIX в. «Но хорошо бы ему самому (в духе времени) заняться самокритикой, признав, что он и сам в определенной мере повинен в том грехе, который он так любит обнаруживать у буржуазных писателей – страхе посмотреть правде в глаза». Так, Лукач до сих пор пытается доказать, что основной смысл произведений Кафки – это «дьявольский характер мира современного капитализма». «И можно только надеяться, что его собственные мучительные воспоминания об иных замках и иных процессах помогут ему посмотреть на мир по-иному. Трудно найти современного мыслителя, от которого мы ждали бы этого так жадно».

288 Речь, вероятно, идет о письме от 7 июня 1964 г.

289 Скорее всего, речь идет о памфлете Лифшица «На деревню дедушке», запрещенном к публикации в «Новом мире» цензурой в 1965 г. и опубликованном впервые в 1990 г. в НИИ теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР тиражом 300 экз.

290 Речь идет о книге Лифшица «Идея эстетического воспитания в истории общественной мысли» (см. прим. 257). В послесловии к книге Л.Я. Рейнгардт писала: «По плану, она должна была быть частью коллективного труда института (Института философии АН СССР. – *Ред.*). <…> Неожиданно издательство отклонило сборник и предложило напечатать работу Мих. Лифшица отдельной книгой. <…> Когда работа над третьим вариантом затянулась, автор просто отложил его» (см.: Лифшиц М.А. Поэтическая справедливость. Идея эстетического воспитания в истории общественной мысли. – М.: Фабула, 1993.)

291 Вероятно, речь идет о пребывании на отдыхе.

292 Речь идет о немецком оригинальном издании вышеупомянутой статьи «Социалистический реализм сегодня», а также о книге: Deutsche Literatur in zwei Jahrhunderten. Neuwied–Berlin, Luchterhand, 1964 (вышла в серии: Georg Lukács Werke. Band 7).

293 В СССР работа вышла только весной 1991 г. (См. прим. 299.)

294 Книга Лифшица «Маркс и эстетика», включившая в себя статьи разных лет, вышла в 1966 г. См.: Lifsic M.A. Marx és az esztétika. Budapest, 1966.

295 Владимир Достал – чешский эстетик и критик. Переписывался с Мих. Лифшицем, содействовал распространению его идей в Чехословакии, заказчик и публикатор в пражском журнале «Эстетика» памфлета «Почему я не модернист?» – Proc nejsem modernista ? Estetika. Praha, 1964. №4. P. 331–337.

296 О влиянии идей Лукача на реформаторски настроенных чешских интеллектуалов, активистов «пражской весны» 1968 г., свидетельствует известный чешский критик Й. Гайек, посетивший венгерского философа в Будапеште летом 1967 г. Принимая Гайека, Лукач говорил ему об огромной исторической ответственности марксистской интеллигенции и ее обязанности оставаться верной своему общественному призванию. При всех объективных и субъективных препятствиях, мешающих воплощению социалистического идеала, и несмотря на весь негативный опыт, нельзя терять цели нашего движения, подчеркивал он, необходимо анализировать все до сих пор еще не реализованные возможности социалистической альтернативы. См.: Népszabadság. 1988. 19.09.

297 Речь идет о письме от 14 октября 1964 г.

298 Вероятно, речь идет о статье М.А. Лифшица и Л.Я. Рейнгардт «От кубизма к “абстракции”» // Искусство. – 1964. – №6, 7.

299 Работа Лукача «Онтология общественного бытия», начатая в 1961 г., хотя и не была завершена в соответствии с авторским замыслом, но достигла значительной степени полноты. Фрагменты из нее широко публиковались в 1970-е годы, после смерти Лукача. Полностью работа была в немецкоязычном оригинале опубликована в 1984–1986 гг. западногерманским издательством «Лухтерханд»: Zur Ontologie des gesellschaftlichen Seins. I–II. Halbband. Neuwied – Berlin–Darmstadt, 1984, 1986 (Georg Lukács Werke. Band 13–14). Немецкоязычной публикации

предшествовала публикация венгероязычного перевода в 1976 г. На русском языке см. публикацию первой части: Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Пролегомены. – М.: Прогресс, 1991.

300 Книга вышла в 1966 г. (Lifsic. Marx és az esztétika. Budapest, 1966.)

301 Речь идет о письме от 31 октября 1964 г., но, вероятно, было и еще какое-то письмо.

302 Кабачник М.И. (1908–1997) – химик-органик, с 1958 г. академик.

303 Лифшиц имеет в виду диспуты с Ю.Н. Давыдовым и его единомышленниками в секторе эстетики Института искусствознания, где Лифшиц работал в 1963–1965 гг., возглавлявшемся тогда Ю. Давыдовым, см. об этом воспоминания Н.А. Дмитриевой «М.А. Лифшиц» в сборнике: Мир искусств. Альманах. – М.: РИК Русанова,1997. – С. 66–88; и Ю.Н. Давыдова. Дух мировой тогда осел в эстетике // Социологический журнал. – 1997. – №3.

304 Речь идет о статье «По поводу дебатов между Китаем и Советским Союзом». См.: Sul debattito fra Cina e Unione Sovietica // Nuovi Argomenti, №61–66 (1963–1964). На русском языке опубликовано: Философские науки. – 1989. – №6.

305 Лифшиц не был включен в делегацию советских философов на гегелевский конгресс в Зальцбурге, о чем есть грустно-ироническая заметка в его архиве.

306 Работа Д. Лукача «Своеобразие эстетического» впервые была издана на русском языке издательством «Прогресс» в 1985–1987 гг. с указанием «Для научных библиотек». Перевод был осуществлен с вышедшего в 1981 г. в издательстве «Ауфбау» двухтомного издания.

307 Речь идет о статье: Лифшиц М.А., Рейнгардт Л.Я. От кубизма к «абстракции» // Искусство. – 1964. – №6, 7. Лукач откликнулся на эту статью в письме от 31 октября 1964 г.

308 Названная работа вошла в книгу: Лифшиц М.А., Рейнгардт Л.Я. Кризис безобразия. От кубизма к поп–арт. – М.: Искусство, 1968.

309 Эрнст Фишер (1899–1972) – австрийский литературовед, публицист, эстетик. Участник антифашистского движения, в 1938–1945 гг. жил в эмиграции в СССР, где подружился с Лукачем. В 1969 г. исключен из компартии Австрии по обвинениям в ревизионизме. В интервью последних лет (в частности, в беседах с И. Эрши) Лукач оставил

положительные отзывы о Фишере. См., например: Lukács Gy. Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon. Bp., 1989. 224–225 o. Международный гегелевский конгресс, о котором идет речь, состоялся в Зальцбурге в сентябре 1964 г.

310 Йосип Видмар (1895–1992) – словенский критик, эстетик и литературовед. Активный участник антифашистского, коммунистического движения в Югославии. В 1954–1958 гг. – председатель Союза писателей Югославии. Лифшиц неоднократно выступал с критикой работ Видмара. См., в частности: По поводу статьи И. Видмара «Из дневника» // Новый мир. – 1957. – №9; «Философия жизни» И. Видмара // Там же. – 1958. – №12. По прочтении первой из этих статей (еще до ее публикации) А. Твардовский оставил запись в дневнике 23 июля 1957 г.: «Статья Лифшица о "Дневнике" Видмара просто восхитила меня. Как все-таки он умен и знающ. Но не это главное, а то, что вот, казалось бы, «вольнодумец» и т.п. – как он тверд и строг в незыблемых позициях марксиста-ленинца, как все непросто. Сказать по чести, статья полезна для меня, она этап в моем "хуторском" развитии, – я что–то понял вопреки тому рассыпчатому чувствованию, которое во мне уже возникало подчас и которое, в сущности, близко заблуждениям и наивностям Видмара. Проще сказать, усталость от плохой литературы и пустоговорения об "идейности" толкает непрочных людей к таким именно заключениям о "неподвластности" художества сознательной мысли, о том, что оно "не может не..." – и баста. Ведь это я говорил: будь Толстой социал-демократом, членом партии, марксистом – лучше ли он был бы, да и нужен ли лучший Толстой?» (Твардовский А. Из рабочих тетрадей (1953–1960) // Знамя. – 1989. – №8. – С.136–137). Разумеется, Лифшиц должен был отдавать – и, очевидно, отдавал – себе отчет в том, что его выступления против идей И. Видмара будут вписаны в контекст развернувшейся в СССР в 1957 г. и особенно в 1958 г. новой критической кампании, направленной против югославского «ревизионизма», которая в свою очередь была составной частью более широкой антиревизионистской кампании в рамках мирового коммунистического движения (одной из главных ее мишеней стал Лукач). В сходной ситуации он говорил В. Арсланову: «Ничего, не замараемся – кто способен понять, тот поймет, а других возможностей у нас нет». Либеральные тенденции в марксизме Лифшиц после смерти Сталина считал более опасными для социализма и демократии, чем догматизм, который потерял уже свое влияние на умы людей. На протяжении жизни Лифшиц придерживался, по его словам, следующей тактики: «Я люблю либералов,

когда их не жалуют, и ортодоксов, когда у них руки коротки» (Лифшиц М.А. Varia. – М.: Grundrisse, 2010. – С. 98). Вероятно, в рассматриваемый период Лукач более терпимо относился к либеральным тенденциям в идеологии и обществе, чем Лифшиц, связывая главную опасность для марксизма не с ревизионизмом, а со сталинским догматизмом.

311 Речь идет о нашумевшей работе известного французского левого интеллектуала и деятеля компартии (впоследствии исключенного из нее) Роже Гароди (которого Лифшиц, в отличие от Фишера – талантливого, по его словам, писателя, – считал просто болтуном и конъюнктурщиком) «Реализм без берегов», опубликованной в 1963 г., а в 1966 г. вышедшей также на русском языке. В 1982 г. уже порвавший с марксизмом Роже Гароди принял ислам, получил имя Реджа Джаруди и стал «выдающимся исламским интеллектуалом XX в.».

312 См. письмо от 14 октября 1964 г.

313 Роже Гароди на протяжении долгих лет принадлежал к верхушке Французской компартии, входил даже в ее политбюро, редактировал теоретический журнал ФКП «Cahiers du communisme». Был депутатом парламента от ФКП, сенатором, а в 1956–1958 гг. даже вице-спикером Национального собрания.

314 13 апреля 1965 г. Лукач отмечал свое 80-летие.

315 Лешнитцер (Лешницер) Франц (1905–1967) – немецкий критик, публицист, переводчик, пропагандист советской литературы в Германии. Ветеран компартии, участник антифашистского движения. С 1933 г. – в эмиграции в СССР, в ГДР вернулся только в конце 1950-х гг. Сомнения Лифшица, касающиеся отношения Лукача к Лешнитцеру, могли быть связаны с возможной причастностью Лешнитцера к кампании критики Лукача, которая особенно сильна была в ГДР и, в отличие от Венгрии, к середине 1960-х гг. не прекратилась.

316 К 1963 г. критика Лукача в венгерской прессе фактически прекратилась. На юбилей философа в Венгрии откликнулись как партийные, так и научные издания. В публикациях воздавалось должное заслугам Лукача в развитии марксистской эстетики, теории реализма, в критике буржуазной философии. Поскольку формальное примирение философа и партии пока еще не произошло, вопрос о политическом лице Лукача, как правило, обходился стороной. Настоящим подарком Лукачу к юбилею стала публикация «Своеобразия эстетического» в переводе на венгерский язык. Многочисленные отклики в венгерских

журналах на эту публикацию ознаменовали собой начало поворота в оценке идеологами ВСРП Лукача, в ходе «дискуссии» 1958–1959 гг. объявленного одним из мэтров международного ревизионизма. Отныне в кадаровской Венгрии за эстетикой позднего Лукача (и его теорией реализма как частью этой эстетики) признавалось право на существование в рамках марксистской парадигмы. В юбилейном 1965 г. Лукачу была предоставлена возможность опубликовать на родине и ряд других работ, как старых, так и новых.

Иным было официальное отношение к Лукачу в СССР – см. в наст. издании: *Приложение* X.

Таким образом, именно к 1965 г. обозначилось расхождение позиций двух партий – КПСС и ВСРП – в отношении к Лукачу. Если в Венгрии творчество Лукача признается (хотя и с оговорками) частью марксистской парадигмы, то в СССР критика его «ревизионистской» эстетики, затихнув к середине 1960-х годов, сменилась многолетним замалчиванием его работ. При этом явные неготовность и нежелание следовать примеру венгерских коллег в деле переоценки Лукача сочетались со стремлением избежать открытых межпартийных разногласий. Не исключено, что отрицательное отношение партийных инстанций к Лукачу в СССР было продиктовано старыми литературными противниками «течения» 1930-х гг., которые после смерти Сталина «покаялись» и стали, как Я. Эльсберг и М. Храпченко, «либералами». См., например, материалы обсуждения книги Лифшица и Рейнгардт «Кризис безобразия» в Ленинграде в 1968 г. и статьи Лифшица «Либерализм и демократия» (Вопросы философии. – 1968. – №1), в которой Лифшиц писал: «Страшные сказки о моей причастности к школе "венгерского литературоведа и философа Дьёрдя Лукача" я читаю уже десять лет, и кажется мне эта кампания не страшной, а смешной. То ли порох отсырел, то ли другая причина – огня все нет. Читал я грубые инсинуации Го Мо–жо, читал и скользкие наветы Г. Пузиса, Ю. Давыдова и других соратников А. Дымшица. С грустью вижу, что люди привыкли рассчитывать на окрик, на аргументы, не имеющие отношения к науке, на то, что им ответить нельзя... Но время идет вперед, и если уж очень просят, то почему не ответить? Просите, и дано вам будет. Вот мой ответ. Розыск догматиков и ревизионистов, особенно в чужих странах, не является делом частных лиц». Присутствовавший на обсуждении книги и статьи Лифшица на дискуссионном клубе при Институте театра и музыки (г. Ленинград) Г. Пузис отреагировал на процитированные выше слова Лифшица следующим образом: «Мы не должны предоставлять венграм самим решать вопрос, кто ревизио-

нист, а должны ими руководить. Лифшиц нас разоружает. Профессор Дымшиц уже ответил ему. Лифшиц, Лукач и Лефевр – "марксоиды", как пишет З. Моравский в Польше, а не марксисты» (см.: Лифшиц М.А. Почему я не модернист? – М.: Искусство – XXI век, 2009. – С. 30).

317 Можно предполагать, что Лифшиц дослал эту заметку в те партийно-идеологические инстанции, от разрешения которых зависели перевод и публикация в СССР «Своеобразия эстетического». В целом позитивная оценка главной газетой ВСРП деятельности Лукача должна была послужить весомым аргументом в пользу возможности издания его работы в СССР. Как явствует из вышеприведенной оценки Лукача в документах аппарата ЦК КПСС, относящихся к весне 1965 г., надежды Лифшица на то, что ему удастся «пробить» соответствующее разрешение, были в общем-то тщетными.

318 К работе над систематическим изложением своих воззрений на этику Лукач фактически не приступил, будучи занят подготовкой «Онтологии».

319 Имеется в виду письмо от 28 июля 1965 г.

320 Надежда Лукача не оправдалась. См. прим. 299.

321 Речь идет о письме от 27 августа 1965 г.

322 Довольно показательна как образец критики Лукача в левых интеллектуальных кругах Франции статья Пьера Дэкса «Авангард и социалистический реализм», опубликованная в «Леттр франсез» в 1960 г. (№825). Автор выступил против абсолютизации в ряде работ Лукача эстетического конфликта между реализмом и антиреализмом. Как отмечал критик, многие из тех произведений, которые Лукач относит к антиреализму (в том числе произведения в духе сюрреализма или французского «нового романа»), на самом деле выражают различные аспекты реальности – или с апологетических позиций, или же с элементами критики. Та линия водораздела, которую проводит Лукач, на самом деле может быть проведена через художественный мир отдельных писателей; абстрактное противопоставление реализма и антиреализма не учитывает реальные внутренние противоречия, лежащие в основе творческой эволюции художников. Автор выступил также против ущемления в эстетике Лукача роли авангарда и особенно против попыток найти общую духовную основу у произведений революционного авангарда и тех течений, которые пропагандировали фашистскую идеологию. Дэкс выразил также несогласие

с расширительным толкованием Лукачем термина «критический реализм», в частности, в известной работе 1958 г. «Против неверно понятого реализма». По его мнению, попытки искусственно притянуть к этому определению некоторые произведения вызывают настоящую путаницу, было бы правомернее признать в современном литературном процессе множество методов, точек зрения, наличие поисков, а также диалектическую связь между авангардистскими и реалистическими тенденциями (признав также, что как авангард, так и реализм могут в тех или иных конкретных условиях, как это случалось не раз в истории XX в., выражать прогрессивные национальные ценности). Кроме того, отстаивая в общей форме принцип реализма, Лукач недостаточно учитывает «национальную реальность», конкретные условия отдельных стран (так, в современной французской литературе путь к реализму может идти прежде всего через осмысление войны в Алжире и ее влияния на французское общество). Что же касается метода социалистического реализма, то он должен быть открыт всем плодотворным поискам в искусстве, иначе ему грозит опасность оказаться в роли аутсайдера литературного процесса.

См. также подготовленный Архивом Лукача в Будапеште сборник статей западных авторов о Лукаче, дающий представление о некоторых тенденциях восприятия его творчества на Западе: Lukacs-recepcio Nyugat-Europaban (1956–1963). Bp., 1983.

323 О большом интересе к творчеству Лукача в СССР в 1960-е гг. см. подробнее: Стыкалин А. Дьёрдь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы. – 2009. – №1.

324 Работа смогла быть опубликована в СССР только в 1985–1987 гг.

325 См.: Fischer E. Zeitgeist und Literatur. Wien, 1964. Взгляды Фишера на эстетику в этот период нашли наиболее полное выражение в известной книге «Искусство и сосуществование»: Fischer E. Kunst und Koexistenz. Beitrag zu einer modernen marxistischen Aesthetik. Hamburg, 1966.

326 Позиция Лукача была изложена в его письме от 29 октября 1965 г.

327 При всем несогласии Лукача с некоторыми принципиальными положениями работ своего старого друга Э. Фишера, а также Р. Гароди, он в общем (как это подтверждает и его письмо от 29 октября 1965 г.) не был склонен вступать с ними в публичную полемику. Пафос ра-

зоблачения ревизионизма в принципе был довольно чужд в 1960-е годы Лукачу, который считал главной задачей мирового коммунистического движения освобождение от сталинского идейного балласта, а кроме того, он и сам в 1957–1962 гг. стал жертвой мощной антиревизионистской кампании. Критике ревизионизма он предпочитал более четкое разъяснение собственной позиции, в том числе в многочисленных интервью, предисловиях к новым изданиям старых работ, отражавших уже пройденные этапы его духовной эволюции. Ревизионизм в понимании позднего Лукача был связан с «искушением ложной альтернативой» западной буржуазной демократии в ущерб поискам путей создания (с учетом крайне негативного сталинского опыта) реальной социалистической демократии (демократии повседневной жизни). Питательную почву для ревизионизма составляла, по его представлениям, утрата веры в возможность воплощения социалистического идеала.

328 Имеется в виду письмо от 27 августа 1965 г.

329 Замысел написания итоговой работы по этике так и не был реализован.

330 В первом томе четырехтомного издания «Своеобразия эстетического» 1985–1987 гг. на русском языке отмечено: «В редактировании текста отдельных глав принимал участие И.А. Сац», а во втором томе И.А. Сац назван в числе переводчиков.

331 Речь идет о статье: Феноменология консервной банки // Коммунист. – 1966. – №12.

332 Бензелер Франк (р. 1927) – западногерманский философ, главный публикатор и редактор работ Лукача в издательствах «Luchterhand» и «Rowolt» в 1960-е годы, в частности, сборника статей к 80-летию со дня рождения: Festschrift zum achzigsten Geburtstag von G. Lukacs, Neuwied–Berlin, 1965. Позже руководил международным обществом по изучению Лукача, редактировал его ежегодники.

333 Месарош И. (р. 1930) – венгерский философ, ученик Лукача. После 1956 г. в эмиграции – Италии, Великобритании и др. странах.

334 Речь идет о коллективном письме: Гинзбург Л., Лихачев Д., Максимов Д., Рахманов Л. Осторожно – искусство! // Литературная газета. – 1967. – 15 февраля.

335 Вероятно, имеется в виду статья: Апресян З.Г. Разработка эстетического наследия К. Маркса и Ф. Энгельса в 30-х годах // Вопросы философии. – 1966. – №9. – С. 36–47. Отзывы о работах Лукача: Там же. – С. 40, 41, 44).

336 Эльсберг Яков Ефимович (1901–1976), Дымшиц Александр Львович (1910–1975) – литературоведы, давние оппоненты Мих. Лифшица, бывшие «сверхортодоксы» и официально разоблаченные, как Эльсберг, доносчики. По доносам Эльсберга были арестованы И. Бабель, Л. Пинский (ученик Лифшица) и др., в 1950-е гг. Эльсберг покаялся и стал либералом, но, так сказать, правого толка. См., например, свидетельство Г. Померанца: «…в большинстве случаев народничество подыгрывает агрессивному национализму. <…> Некоторые новоявленные русские почвенники были выращены знаменитым провокатором Эльсбергом. Когда его после XXII съезда пытались исключить из Союза писателей и выгнать из ИМЛИ, будущие ревнители православия и народности ходили по Институту мировой литературы собирать подписи в защиту учителя. Можно ли хоть на минуту представить себе Хомякова или Киреевского учениками Булгарина, более того – собирающими подписи под адресом в честь разоблаченного агента?» – Померанц Г. Человека без прилагательного (Человек ниоткуда – в более позд. ред.) // Грани. – 1970. – № 77, октябрь.

А. Дымшиц покровительствовал В. Непомнящему, который, как и предвидел Лифшиц, далеко пошел в своей «движущейся эстетике» и «бутафорской ортодоксии» – до православного пушкиноведения (см. памфлет Лифшица «На деревню дедушке» // Лифшиц М.А. Либерализм и демократия. Философские памфлеты. – М.: Искусство – XXI век, 2007). Не приближение ли это «второй иронии истории»?

337 Издание в то время не состоялось.

338 Речь идет о «Феноменологии консервной банки», высоко оцененной в письме от 19 сентября 1966 г.

339 Вероятно, речь идет о статье: Читая Герцена // Вопросы философии. – 1967. – №1.

340 Дочь Лукача Анна посетила проездом Москву в начале 1967 г.

341 Глава не была закончена до конца года.

342 Речь идет о вышеупомянутой статье «Читая Герцена».

343 В идеологических структурах КПСС не было однозначного мнения относительно целесообразности публикации работ Д. Лукача. Часть работников идеологического аппарата придерживалась мнения о том, что «было бы неправильно целиком отдавать литературно-философское наследие Д. Лукача в руки реакционеров и ревизионистов». Так, вскоре после смерти философа, в 1972 г., ректор АОН при ЦК КПСС М.Т. Иовчук в ответ на запрос из ЦК КПСС об анализе творческого наследия Лукача высказался за издание в СССР работ «Разрушение разума», «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» и «Своеобразие эстетического». Эту последнюю работу Иовчук предлагал выпустить в сокращенном варианте, «опустив, в частности, неверные политические декларации автора о культе личности, никакого отношения к эстетике не имеющие» (см. в наст. издании: *Приложение* XII – записку АОН при ЦК КПСС от 31 марта 1972 г. «Об анализе концепции и взглядов Георга (Дьёрдя) Лукача». РГАНИ. Ф. 4. Оп.20. Д.829. Л.51–58). Эти планы так и не были реализованы, возобладала точка зрения тех работников аппарата, которые считали пропаганду творчества Лукача принципиальной уступкой ревизионизму или, по меньшей мере, делом несвоевременным ввиду трудностей идеологической борьбы (такому отношению к Лукачу способствовало и в целом негативное отношение венгерского философа к вооруженной акции стран – участниц ОВД в Чехословакии 21 августа 1968 г.). Инерция отношения к Лукачу как к уклонисту и ревизионисту настолько прочно въелась в сознание идеологов КПСС, что не только препятствовала свежему взгляду на его труды, но и блокировала, может быть тщетные, но вполне логичные попытки более дальновидных «работников идеологического фронта» посредством интеграции наследия позднего Лукача в официальную теорию социализма хотя бы в незначительной степени повысить конкурентоспособность марксизма в споре с иными идейными течениями. Характерно, что даже весной 1985 г., когда во всем мире отмечался 100-летний юбилей философа, в идеологических отделах ЦК КПСС составлялись записки о том, что чрезмерное «выпячивание» Лукача ведет к принижению роли «ленинского этапа» в развитии марксистской философии. Эта мысль отчетливо прозвучала и в санкционированной инстанциями юбилейной статье Б. Бессонова и И. Нарского в «Вопросах философии» (1985. – №3).

344 Какая-либо глава из «Своеобразия эстетического» так и не была опубликована. В год смерти Лукача (1971 г.) в сборнике венгерской антифашистской публицистики «Антифашизм – наш стиль» впервые

после долгого перерыва в СССР удалось опубликовать две его работы 1930-х гг.: «Георг Бюхнер – истинный и фальсифицированный на фашистский лад» и «Ответственность пишущих (Заметки о книге Дюлы Ийеша "Венгры")».

345 См. прим. 147, 340.

346 Речь идет о статье «Социологизм в современном буржуазном литературоведении» (Вопросы литературы. – 1969. – №2. – С. 41–52). В статье Я. Эльсберга, обладавшего одиозной репутацией в литературных кругах (см. прим. 336), признавались определенные заслуги Лукача в критике реакционных идей и декаданса, в то же время отмечалось, что некоторые тенденции в творчестве Лукача «оказались привлекательными для буржуазных идеологов», а его «концепция "диктата действительности", многократно подвергавшаяся критике в нашей печати, действительно способствовала приуменьшению роли мировоззрения писателя, его осознанной идейной целеустремленности, недооценке идеологической роли литературы». Сам Лукач, по мнению Эльсберга, едва ли мог бы подписаться под теми идеями, которые предлагает, например, Л. Гольдманн, хотя сам «дал им толчок».

347 Лифшиц изложил свои взгляды в известной статье: Либерализм и демократия // Вопросы философии. – 1968. – №1.

348 В журнале «Вопросы философии» работы Лукача в это время не выходили.

349 Работа «К онтологии общественного бытия. Пролегомены» вышла в свет только после смерти Лукача. См. прим. 299.

350 Серия издательства «Luchterhand» под ред. Ф. Бензелера: Sociologische Texte.

351 Первое письмо от 3 июня 1967 г. Какое второе, неясно.

352 Работа «К онтологии общественного бытия» была опубликована в версии, которую сам Лукач не считал завершенной. См. прим. 299.

353 Под редакцией Ф. Бензелера выходило собрание сочинений Лукача в издательстве «Лухтерханд» (позже, уже после смерти Лукача, также серия «Politische Aufsätze»).

354 Очевидно, имеется в виду не только примирение Д. Лукача с режимом Я. Кадара в Венгрии, но и – более конкретно – его восстановление в партии в 1967 г. Д. Лукач был членом венгерской компартии

с первых недель ее основания в конце 1918 г. Покинув Венгрию через несколько месяцев после подавления в августе 1919 г. Венгерской Советской республики и живя, главным образом, в Вене, он принимал активное участие в деятельности эмигрантских структур венгерской компартии, а в 1928 г. нелегально провел три месяца в хортистской Венгрии, координируя деятельность подпольных партячеек. В июне 1930 г., через полгода после переезда из Вены в Москву, Лукач по собственной просьбе был переведен из венгерской компартии в ВКП(б). Этому предшествовала острая критика философа за «правый уклонизм» после обнародования в 1929 г. предложенного им проекта программы венгерской компартии. В 1931 г., командированный в веймарскую Германию для проведения линии Коминтерна в среде немецких литераторов, Лукач был переведен в германскую компартию, в которой продолжал состоять и после эмиграции весной 1933 г. в СССР вследствие прихода нацистов к власти. Весной 1941 г. переводится из германской в венгерскую компартию, новое руководство которой проявило интерес к привлечению Лукача к разработке программы действий партии в условиях Второй мировой войны. 31 августа 1945 г. он вернулся в Венгрию, с июня 1948 г., после объединения коммунистов и левых социал-демократов, был членом Венгерской партии трудящихся (ВПТ). В условиях антисталинистской революции в Венгрии осенью 1956 г., после распада в конце октября ВПТ, Лукач стал одним из инициаторов создания Венгерской социалистической рабочей партии, провозгласившей своей задачей освобождение марксистско-ленинской доктрины построения в Венгрии социализма от искажений сталинского периода. 1 ноября был избран в руководство (Исполком) новой партии. В дальнейшем оказался вне ее рядов после того, как 4 ноября, в день свержения силами Советской Армии действующего правительства И. Надя (министром просвещения в котором Лукач состоял), нашел прибежище в здании югославского посольства, а после добровольного выхода оттуда был незаконно переправлен в Румынию, где находился с 21 ноября 1956 г. до середины апреля 1957 г. на положении политического ссыльного. В письме от 15 мая 1957 г. во Временный ЦК ВСРП Лукач просил оформить свое членство в обновленной ВСРП, ссылаясь на то, что почти 40 лет его жизни связаны с коммунистическим движением. Просьбу отклонили, что было мотивировано несогласием философа с утвердившейся к тому времени в этой партии оценкой сути событий осени 1956 г. и общей линией ВСРП на новом этапе. В конце 1950-х – начале 1960-х годов политические и эстетические взгляды Лукача подвер-

гаются острой критике в ходе массированной антиревизионистской кампании, далеко перешагнувшей границы Венгрии. К 1963 г. критика Лукача в Венгрии затихает, с 1964 г. там все чаще выходят его новые работы, в том числе «Своеобразие эстетического». В 1965 г. на родине был скромно отмечен 80-летний юбилей философа. С этого времени руководство ВСРП идет на некоторое сближение с Лукачем: в Венгрии в отличие от СССР уже в 1960-е гг. творчество позднего Лукача признается (хотя и с некоторыми оговорками) частью марксистско-ленинской идейной парадигмы. Вместе с тем сохранявшаяся неурегулированность вопроса о партийности Лукача заведомо блокировала все возможные попытки властей использовать авторитет всемирно известного философа-марксиста в целях апологии политики ВСРП, а также пропаганды преимуществ марксизма в споре с иными идеологиями, а такая задача осознавалась в верхах как все более насущная по мере усиления в политике кадаровского режима установки на диалог с венгерской интеллигенцией (пускай и в строго определенных пределах). Лукач, отнюдь не склонный к каким-либо самокритическим жестам, также со своей стороны стремился к примирению с партией, поскольку убеждался в способности руководства ВСРП к обновлению своего курса. 15 августа 1967 г., рассмотрев новое заявление Лукача, Политбюро ЦК ВСРП приняло положительное решение по вопросу о его партийности, выразив одновременно надежду, что в последующем философ будет пресекать все попытки использовать свое имя при внесении «сумятицы» в духовную жизнь и, напротив, своей работой окажет ценную помощь партии и рабочему движению. Никакой самокритики от Лукача не потребовали.

За полтора месяца до обсуждения «проблемы Лукача» на венгерском Политбюро в Праге состоялся IV съезд чехословацких писателей, где реформаторски настроенная часть литераторов активно заявила о себе призывами к свободе творчества, налаживанию более тесных контактов с западной культурой и т.д. Опасаясь, что восстановление Лукача в партии в данный момент сыграет на руку тем венгерским литераторам, которые были готовы воспринять импульсы, исходящие из Праги, как сигнал к самостоятельным действиям, Политбюро ЦК ВСРП решило не предавать свое постановление о Лукаче гласности. Об окончательном примирении философа с кадаровским режимом многие тысячи венгров могли узнать только из интервью Лукача главной партийной газете «Непсабадшаг», опубликованного в ней 24 декабря 1967 г.

Как явствует из переписки, не только Лифшиц, но и другие представители советского «философского сообщества», видимо, знали о восстановлении Лукача в партии еще до того, как об этом было публично объявлено. Об отношении Лифшица к КПСС и другим «братским коммунистическим партиям» можно судить по его словам, сказанным В. Арсланову в ответ на вопрос, сможет ли Ярузельский изменить к лучшему ситуацию в Польше: «Нет, не сможет, ибо там есть такая организация, как ПОРП». Кроме того, Лифшиц говорил В. Арсланову, что и Ленин не очень высоко оценивал партию большевиков.

355 Константинов Ф.В. – академик, в 1962–1967 гг. директор Института философии АН СССР.

356 Митин М.Б. – академик, в 1960–1967 гг. главный редактор журнала «Вопросы философии». С 1967 г. был председателем Научного совета по проблемам зарубежных идеологических течений при секции общественных наук Президиума АН СССР.

357 «Школой Праксиса» (Praxis school) называют югославское философское сообщество неортодоксальных марксистов, существовавшее с начала 1960-х гг. и до распада Югославии на рубеже 1980–1990 гг. Представители этого течения работали главным образом в Белграде и Загребе, а на о.Корчула в Адриатике ежегодно проходила международная летняя школа, организованная лидерами этого философского направления.

В 1964–1974 гг. школой издавался журнал «Praxis», закрытие которого было связано с усиливающимся недовольством властей опосредованной критикой на страницах журнала общественных порядков в титовской Югославии. Его преемником стал международный философский журнал «Praxis International» (1981–1994 гг.).

Представители «школы Праксиса» П. Враницкий, М. Маркович и др. проявляли большой интерес к творчеству молодого Д. Лукача, особенно к его знаменитой работе 1923 г. «История и классовое сознание», в которой Лукач, по собственному позднейшему признанию в одном из интервью конца 1960-х гг., пытался «постичь сущность исторической необходимости, противостоять механическому восприятию исторической необходимости, которая была характерна для II Интернационала» (см. на русском языке: История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. / Перевод с немецкого С. Земляного. – М., 2003). Среди наиболее значительных работ представителей «школы Праксиса» см.: Markovic M. Dialektik der

Praxis. F./ M., 1968. В 1960-е гг. Лукач считал «Историю и классовое сознание» пройденным этапом своего творческого пути, расходился с представителями «школы Праксиса» в оценке своих работ 1920-х гг. См. в этой связи его предисловие 1967 г. к новому изданию в ФРГ книги «История и классовое сознание» (см.: Лукач Г. История и классовое сознание. – М.: Логос–Альтера, 2003. – С. 70–97). Это не мешало ему поддерживать творческие связи со «школой Праксиса», входить в международный редсовет журнала. В «Праксисе» публиковались поздние работы Лукача, в том числе статья 1967 г. «Великий Октябрь и современная литература». В какой-либо защите М.А. Лифшица или кого бы то ни было от мнимых нападок представителей этой школы Лукач не нуждался, и предложение Митина не было реализовано. Уже после смерти Лукача М. Маркович опубликовал монографию, посвященную анализу его творчества: Marković M. The critical thought of György Lukács. Oxford, 1986.

В 1968 г. ряд учеников Лукача (А. Хеллер, получившая впоследствии широкую международную известность, и др.) среди участников международной философской школы в Корчуле подписал письмо протеста против вторжения войск стран – участниц Организации Варшавского договора в Чехословакию 21 августа 1968 г. За это они были подвергнуты властями ВНР санкциям, главным образом по партийной линии.

Что касается академика М.Б. Митина, то он попытался полемизировать с представителями «школы Праксис» в статье: О так называемых «новых вариантах» марксизма // Иностранная литература. – 1969. – №3.

358 Выступление Лукача на страницах журнала «Вопросы философии» с критикой «школы Праксис» не состоялось.

359 Как выясняется из переписки, встреча Лукача и Лифшица произошла в марте 1969 г. во время кратковременного посещения Лифшицем Будапешта (см. его письмо Лукачу от 19 апреля 1969 г.).

360 Замысел написания Лукачем работы, систематически излагающей с марксистских позиций законы этики, остался неосуществленным.

361 В беседах с Й. Эрши, вспоминая 1930-е гг., проведенные в СССР, Лукач уделил большое внимание Лифшицу, которого назвал «одним из наибольших талантов, живших в то время» (см.: Lukács György. Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon. 205–208.o.). Лукач, работая в Москве в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса вместе с Лифшицем, нашел

в нем близкого единомышленника. Не удовлетворяясь попытками Ф. Меринга и Г.В. Плеханова эклектически дополнить марксизм (как социально-экономическую теорию) кантианской либо позитивистской эстетикой, Лукач и Лифшиц, понимавшие марксизм как универсальное, целостное мировоззрение, создавали в процессе реконструкции взглядов Маркса и Энгельса на искусство собственно марксистскую эстетику как органичную составную часть этого мировоззрения. Лифшиц, четко видевший, по словам Лукача, проблему реализма (особенно в литературе), уделил ей в своих работах большое внимание.

Вместе с тем Лукач не скрывал своих расхождений с Лифшицем, обозначившихся уже в 1930-е гг. Работая в то время над книгой «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» и первой редакцией «Разрушения разума», Лукач пытался преодолеть утвердившийся в марксистской традиции догматический взгляд о том, что в основе развития философии нового и новейшего времени лежит исключительно противостояние материализма и идеализма. Именно здесь, по его мнению, и наметился момент последующих его расхождений с Лифшицем. Оставаясь в СССР, Лифшиц был вынужден солидаризироваться (по мнению Лукача) с тем направлением в марксистской эстетике, которое сводило дело к критике и осуждению современной западной литературы, культуры. Это способствовало формированию в его сознании «совершенно консервативного» взгляда на многие явления культуры. «Я не думаю, что наша дружба закончилась бы, но, естественно, я далеко уже ушел от тех идей, которых Лифшиц придерживается по сегодняшний день».

Лифшиц, по мнению Лукача, «всегда был очень ортодоксален в своем мнении о том, что с реалистической теорией искусства может быть совместима только материалистическая философия». Так, некоторые явления современной драмы Лифшиц попросту отрицает, тогда как Лукач видит в них отражение и проявление трагического начала (он привел в этой связи в качестве конкретного примера пьесу Ф. Дюрренматта «Визит старой дамы»). Вершиной изобразительного искусства нового времени Лукач считает творчество П. Сезанна и В. Ван Гога (искусство которого Лифшиц тоже ценил, а поэзию первого декадента Ш. Бодлера считал гениальной), тогда как Лифшиц выдвигает в качестве идеала искусство Ренессанса, русскую икону XIV–XV вв. ставит выше передвижников. В искусстве XX в. Лифшиц видит отражение действительности в таких произведениях, как «Мастер и Маргарита» М. Булгакова (тогда как Лукачу фантастика романа Булгакова казалась «слишком темной» – см. об этом: Лифшиц М.А. Почему я не модер-

нист? М.: Искусство – XXI век, 2009. – С. 554), в живописи М. Нестерова 1930-х гг. и «Мира искусств», в фильмах Чаплина и Феллини, поэзии А. Твардовского, О. Мандельштама и Н. Заболоцкого. Материализм Лифшица в чем-то, согласно его собственному признанию, был ближе к экзистенциалистам и онтологам (М. Хайдеггеру и Н. Гартману), чем к позднему творчеству Д. Лукача («Онтология общественного бытия»), в котором Лифшиц находил «остаток трансцендентального, целеполагающего субъекта» и некоторое заискивание перед господствующим сциентизмом. См. критику Лифшицем философских взглядов позднего Лукача в: Лифшиц М.А. Г. Лукач // Лифшиц М.А. Что такое классика? М.: Искусство – XXI век, 2004. – С.102–166, например, 145.

В беседах с Эрши Лукач уделил внимание и роли журнала «Литературный критик» в литературной жизни СССР 1930-х гг.

362 В 1950–1960 гг. ряд молодых ученых, находившихся под покровительством тех, кого Лифшиц называл «старыми шимпанзе, цепляющимися за скалы» (Я. Эльсберг, А. Дымшиц, М. Храпченко и др.), выступил с критическими публикациями против Лифшица (В. Непомнящий, С. Бочаров, затем Ю. Н. Давыдов и др.). Критика велась с позиций противников «течения» 1930-х гг., но в более либеральном тоне. В Архиве Лифшица есть заметки об этом, по его словам, «хоре невылупившихся птенцов», называемых им также «младотурками» (либеральное движение в Турции начала XX века, завершившееся шовинизмом и резней армян). В. Непомнящий ныне стоит на позициях православного литературоведения, С. Бочаров написал серию сочувственных статей о К. Леонтьеве, а Ю. Давыдов, как и многие другие «младомарксисты» после перестройки М. Горбачева, стал активным антикоммунистом.

363 Речь может идти о статьях: Феноменология консервной банки // Коммунист. – 1966. – №12; Почему я не модернист? // Литературная газета. – 1966. – 8 октября; Осторожно – человечество! // Там же. – 1967. – 15 февраля.

364 В Архиве Мих. Лифшица (папка №390 «Книга живота моего», с. 59) хранится некролог Е.Ф. Усиевич, написанный Лифшицем. Приводим его:

«Скончалась Елена Феликсовна Усиевич, чья жизнь была неразрывно связана с историей нашей революции и нашей литературы. Е.Ф. родилась в 1893 г. в Якутии, в семье ссыльного польского революционера Феликса Кона. Она с ранних лет принимала участие в революционном движении, в 1915 году вступила в большевистскую

партию. Вместе со своим мужем Григорием Усиевичем она вернулась из революционной эмиграции в Россию с группой большевиков во главе с Лениным. Е.Ф. была активной участницей Октябрьской революции в Москве и гражданской войны. Человек неукротимой революционной энергии, она уже в пожилом возрасте участвовала в Отечественной войне в качестве одного из организаторов польского патриотического движения в Советском Союзе и редактора газеты Войска Польского, с которым она прошла далеко на Запад.

Делом жизни Е.Ф. была литературная критика. Многие советские поэты и писатели обязаны ей первой поддержкой, особенно дорогой в годы острой общественной борьбы, когда литературная критика была связана с чрезвычайной политической ответственностью. Она написала первую положительную статью о «Стране Муравии» А.Т. Твардовского. Рано были замечены ею и многие другие талантливые люди, вошедшие в советскую литературу. Она оказывала дружескую поддержку Андрею Платонову, и благодаря ее участию его статьи и рассказы печатались в журнале «Литературный критик». Жизненный путь Е.Ф. не был усыпан розами, ибо она никогда не отступала перед тем, что являлось с ее точки зрения принципиальной необходимостью. Можно было не соглашаться с ее оценками, но никто не мог отказать ей в глубоком уважении. Имя ее не будет забыто, пока существуют люди, которым дорого все светлое, что вошло в нашу жизнь вместе с Октябрьской эпохой. <далее рукой Лифшица написаны фамилии> И.И. Виноградов, М.Я. Гефтер, А.Г. Дементьев, Е.Я. Дорош, В.С. Кеменов, А.М. Кондратович, В Я. Лакшин, Ф.М. Левин, Р.И. Линцер, М.А. Лифшиц, В.Н. Некрасов, Л.Я. Рейнгардт, М.М. Розенталь, Л.И. Славин, С.С. Смирнов, И.С. Соколов-Микитов, А.Т. Твардовский, П.Ф. Юдин».

Написанный Мих. Лифшицем некролог Е.Ф. Усиевич с некоторыми изменениями и сокращениями (опущены, например, слова о поддержке А. Платонова) был опубликован: Е.Ф. Усиевич. Некролог, подписанный: Группа товарищей. // Известия. – 1968. – №14. – 18 января. – С. 6; Слово прощания. Подписи: А. Твардовский, С. Михалков, М. Лифшиц, И. Виноградов, А. Дементьев, Ф. Левин, П. Юдин, К. Чудинова // Литературная Россия. – 1968. – №4. – 19 января. – С. 22.

365 Имеется в виду письмо от 6 января 1968 г.

366 Только в 1971 г. (год смерти Лукача) в сборнике статей венгерских публицистов «Антифашизм – наш стиль» удалось опубликовать статьи 1930–1940 гг. «Георг Бюхнер – истинный и фальсифицированный на фашистский лад» и «Ответственность пишущих». (см. прим. 344).

367 Речь идет о венгерском издании книги «Своеобразие эстетического» (1965 г.).

368 Публикация в то время не состоялась.

369 Статья И. Саца о Лукаче вышла в 4–м томе «Краткой литературной энциклопедии» (1967 г.).

370 Издание называется «Элет эш иродалом» (Élet és irodalom) – «Жизнь и литература».

371 Из последующей переписки выясняется, что встреча состоялась весной 1969 г.

372 Вероятнее всего, речь идет о статье И. Саца о Лукаче в «Краткой литературной энциклопедии», перепечатанной венгерской газетой «Жизнь и литература» (см. прим. 369, 370).

373 Речь идет о восстановлении Лукача в партии в конце 1967 г.

374 Приезд Лифшица в Будапешт состоялся весной 1969 г.

375 Здесь у Лукача по-немецки приведенное выше в письме Лифшица по-английски выражение «good sleeper», которое можно перевести как «здоров спать». В беседе с классиком венгерской литературы Дюлой Ийешем (1902–1983) Лукач в последние годы жизни как-то признался, что позволяет ему поддерживать себя в состоянии постоянного душевного равновесия: я никогда в жизни, говорит он, не занимался самокопанием, мое внимание всегда было направлено только на внешний объект. Ср. признание Мих. Лифшица: «Как видите, я мало способен рассеять Вашу "острую депрессию". Тут нужно просто настроиться на внутреннюю жизнь. Я Вам завидую, представьте, хотя, кажется, завидовать нечему. У меня бывали моменты полной невозможности чего бы то ни было, кроме внутренней жизни, и это были не самые худшие моменты моего бытия. Суета и забота, которые посредине, пожалуй, хуже…» (из письма М.Г. Михайлову 12 апреля 1979 г.). См. также прим. 271.

376 Сокращенный до 80 листов вариант «Своеобразия эстетического» был передан в СССР для перевода в 1969 г., но работа над подготовкой русскоязычного издания книги застопорилась, поскольку в советской партийно-идеологической номенклатуре не было единства мнений относительно целесообразности публикации в СССР больших трудов Лукача. Инициатива публикации работ Лукача (см. в наст. издании:

Приложение XII) не была в то время поддержана в аппарате ЦК КПСС, где возобладала точка зрения тех работников агитпропа, которые считали пропаганду творчества венгерского философа и литературоведа принципиальной уступкой ревизионизму или, по меньшей мере, делом несвоевременным ввиду сложностей идеологической борьбы. См. подробнее: Стыкалин А. Дьёрдь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы. – 2009. – №1. См. также прим. 316.

377 Образование Венгерской коммунистической партии было провозглашено 24 ноября 1918 г.

378 Речь идет о Лайоше Фехере (1917–1981) – члене Политбюро ЦК Венгерской социалистической рабочей партии в 1957–1975 гг., заместителе председателя Совета Министров ВНР. Один из лидеров реформаторского направления в руководстве ВСРП, инициаторов реформы экономического механизма, начатой в 1968 г.

379 «Luchterhand» («Лухтерханд») – издательство в тогдашней Западной Германии.

380 Как следует из письма Лифшица Лукачу от 19 апреля 1969 г., текст этот был получен весной 1969 г.

381 Выход русскоязычного издания «Своеобразия эстетического» в это время не состоялся. См. прим. 306.

382 Публикация не состоялась.

383 Имеется в виду статья А. Дымшица «Обогащать искусство» (Москва. – 1969. – №1. – С.188–197), значительная часть которой была посвящена критике эстетики Лукача. Автор статьи, один из влиятельных официозных литературоведов 1960-х – начала 1970-х гг., признал, что Лукач – «мыслитель большой образованности, в его книгах можно отыскать и весьма ценные наблюдения, суждения и соображения» (С.191); вместе с тем у него много «неверных» идей, находящих себе поклонников в других странах, в том числе среди части советских эстетиков. Явно вульгаризируя взгляды Лукача, Дымшиц отмечал, что он «безразборчиво относит к антиреализму, к эстетике безобразного и действительно декадентские, враждебные реализму произведения, и произведения, не имеющие с декадентством ничего общего, вещи романтического и постромантического характера или вещи реалистические, но выраженные в сложной, не традиционной и не традици-

оналистской манере» (С.192). Впрочем, автор статьи был движим отнюдь не заботой о справедливой оценке художественных достоинств тех или иных произведений, но прежде всего политико-охранительскими установками. Наибольшее неудовольствие Дымшица вызывало «стирание граней» между социалистическим и критическим реализмом или, если более точно передать существо лукачевских идей, проводимая в ряде работ философа трактовка социалистического реализма как критического реализма современной эпохи, суть которой составляет переход от капитализма к социализму во всемирном масштабе. Ссылаясь на известную работу 1964 г. «Социалистический реализм сегодня», Дымшиц вступил в полемику с тезисом Лукача о том, что центральной проблемой социалистического реализма является критическое освоение сталинского периода: «Разве нет у борющегося в сегодняшних условиях за наши общие великие идеи и идеалы художника других, не менее, а более важных проблем? Разве сняты для него задачи утверждения нового человека, нового общества? Разве нет у него и более важных обличительных задач, разве в мире завершена борьба со злейшими силами реакции – с фашизмом, шовинизмом, милитаризмом?» (С.193). Внимательно следивший за новыми немецкоязычными публикациями Лукача Дымшиц отреагировал и на статью «Великий Октябрь и современная литература» (1967 г.): да, конечно, Лукач не отрицает позитивной роли Октябрьской революции, но все развитие СССР после 1920-х годов «вызывает у него пароксизмы гнева и скепсиса».

Критикуя эстетическую позицию Лукача, Дымшиц, таким образом, неизменно пытался выявить и ее политическое измерение, связанное, по его мнению, с ревизионистскими взглядами венгерского философа, созвучными в ряде моментов взглядам «его последователя» М. Лифшица, выраженным в статье «Либерализм и демократия» (Вопросы философии. – 1968. – №1). Не останавливаясь на голословных обвинениях Лукача в ревизионизме, Дымшиц проводит параллели между взглядами философа о демократизации социализма и тем, что проповедовали «горлопаны» из клуба Петефи в его родной Венгрии осенью 1956 г., а уже позже, в 1968 г., в Чехословакии «безответственные» литераторы, которые крикливо использовали те же лозунги демократизации социализма «в качестве демагогического прикрытия для политики пересмотра коренных основ социализма, его последовательной и принципиальной политики во всех областях жизни» (С.194). Не гнушаясь политических обвинений по адресу не только Лукача, но и Лифшица, и при этом зачастую вульгаризируя их идеи,

Дымшиц в довольно ернической манере проходится по ряду положений вышеупомянутой статьи Лифшица. Декларируемые Лифшицем, этим убежденным «борцом за реализм», демократические убеждения не идут, пишет он, дальше предложения организовать в Москве... музей абстрактной живописи: это и стало бы проявлением демократизации социализма.

Более развернуто мнение Дымшица о творчестве Лукача было выражено в его записке в отдел культуры ЦК КПСС от 14 октября 1968 г., написанной в ответ на просьбу высших партийно-идеологических инстанций, особенно интересовавшихся позицией крупного живущего философа-марксиста в связи с вводом войск пяти социалистических стран в Чехословакию 21 августа. См.: Дьёрдь Лукач: взгляд из Москвы (1968 г.) (Публикация, предисловие и комментарии А. Стыкалина) // Российско–австрийский альманах: исторические и культурные параллели. М. – Ставрополь, 2007. – Вып. III. – С. 184–200.

384 Лифшиц имеет в виду статью И. Астахова и А. Волкова «В кривом зеркале литературной энциклопедии» (Октябрь. – 1969. – №2. – С. 202–214) – отклик на вышедшие первые 5 томов «Краткой литературной энциклопедии». Среди прочего в ней говорилось об идеализации в статье А. Аникста «Литературоведение Западной Европы и Америки» трудов Д. Лукача, Э. Фишера, Р. Гароди, на самом деле, по мнению авторов, ревизующих исторический материализм и эстетические идеи основоположников марксизма.

385 Новости могут быть связаны с разрешением Лифшицу кратковременного посещения Венгрии.

386 Книга вышла только в 1985–1987 гг. См. прим. 376.

387 Речь идет о публикации: Герасимов В. Дорогой Октября. Славное 50-летие Венгерской Советской республики // Правда. – 1969. – 20 марта). Корреспондент «Правды» описывает свое посещение Д. Лукача, одного из народных комиссаров Венгерской Советской республики 1919 г., излагает содержание своей беседы с Лукачем. Как говорил философ своему собеседнику, «потребуется еще много труда и борьбы для того, чтобы идеи социализма получили свое полное воплощение в жизни. Для этого необходим умственный и физический вклад новых поколений. Без новых мыслей и революционной энергии новых поколений социализм, коммунизм не осуществимы». По мнению Лукача, задача марксистов заключается сегодня в том, чтобы «дать убедительное и обоснованное объяснение новым явлениям

в общественном развитии, глубже раскрыть их закономерность на основе ленинских принципов подхода к фактам. Задача эта должна решаться объединенными, совместными усилиями социалистических стран. Развитие марксизма не может происходить и без учета опыта КПСС, других братских партий». Говоря о традициях Венгерской Советской республики, Лукач отметил, что события тех лет «показали силу и величие пролетарского интернационализма – непобедимого оружия рабочего движения. Венгерские революционеры знали, что Советская Россия прилагает все силы, чтобы помочь им. С другой стороны, они понимали, что их борьба оттягивает силы Антанты, помогает первопроходцам социализма».

388 Статья не была опубликована. Единственной в те годы публикацией журнала, посвященной Лукачу, был довольно уважительный некролог (Вопросы философии. – 1971. – №11).

389 Встреча состоялась во время кратковременного посещения Лифшицем Будапешта в марте 1969 г.

390 Книгу подготовили на основании своих бесед с Лукачем трое посетивших его молодых западногерманских интеллектуалов – Ганс-Гейнц Гольц, Лео Кофлер и Вольфганг Абендрот. См.: Gespräche mit Georg Lukács. Hamburg, 1967.

391 Вероятно, речь идет о подготовке сборника статей Е.Ф. Усиевич. Лифшиц был членом Комиссии по ее литературному наследию, председателем Комиссии по его настоянию согласился стать А.Т. Твардовский, который обратился с письмами в издательства «Художественная литература» и «Советский писатель»: как бы там «отнеслись к вопросу об издании однотомника работ Е.Ф. Усиевич (на основе вышедшего несколько лет назад ее последнего прижизненного сборника)? Составление и вступительную статью готов взять на себя М.А. Лифшиц (тоже член Комиссии)» (см.: Твардовский А.Т. Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Художественная литература, 1983. – Т. 6: Письма (1932–1970). – С. 266. – Письмо Соловьеву Г.А., заведующему редакцией литературоведения и критики изд–ва «Художественная литература», 8 апреля 1968 г.). «Подготовленные сборники избранных работ Е. Усиевич, отредактированные М.А. Лифшицем и просмотренные Комиссией по литературному наследию, пока не изданы» (Там же. – С.573 – примечание М.И. Твардовской к указанному письму). См. также запись в рабочих тетрадях А.Т. Твардовского от 2 февраля 1968 и примечание к ней В.А. Твардовской: «Подготовленный комиссией по

наследию Е. Усиевич сборник ее статей (под ред. М.А. Лифшица) остался неизданным» (Твардовский А.Т. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. – 2003. – №8. – С. 140, 163–164). Памяти Е.Ф. Усиевич Мих. Лифшиц посвятил свою книгу «Искусство и современный мир» (1973, 1978 гг.).

392 13 апреля 1970 г. Лукач отметил свое 85-летие.

393 См.: A Selected Bibliography of Works by György Lukács (by J.Ambrus) // Hungarian Studies on György Lukács. Vol. II. Budapest, 1993, pp. 621–697.

394 Речь идет о вынужденном пребывании Лукача с супругой в румынском городе Снагове (в 40 км от Бухареста) с 21 ноября 1956 г. до середины апреля 1957 г. под полицейским контролем. В Румынию Лукач был незаконно депортирован советскими спецслужбами после того, как 18 ноября добровольно покинул здание югославского посольства в Будапеште, где нашел убежище вместе с большой группой лиц из окружения премьер-министра Имре Надя после вторжения 4 ноября советских войск в Будапешт и свержения правительства И. Надя. До апреля о судьбе Лукача было мало что известно в мире, и это сильно будоражило мировую общественность, в первую очередь писателей и интеллектуалов. См. подробнее: Стыкалин А. Дьёрдь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы. – 2009. – №1.

Материалы, связанные с пребыванием Лукача в Снагове, в том числе письма, адресованные им лидерам ВСРП, а также записи бесед с румынским партфункционером Н. Голдбергером см.: A Snagovi foglyok. Nagy Imre és tarsai Romániában. Iratok / Összeáll., a jegyzeteket és a bev. tanulmányt írta Baráth M. és Sipos L. Bp., 2006.

395 Это место там выглядит так: «По мнению оратора (т.е. Лифшица. – *Ред.*), Г. Пузис заслуживает осуждения за грубые политические выходки против Георга Лукача, одного из народных комиссаров Венгерской Советской Республики. М. Лифшиц выразил также протест по поводу того, что на страницах журнала "Вопросы литературы" напечатана статья, автор которой, Г. Пузис, именует его "учеником Лукача". Если бы мне довелось быть учеником такого выдающегося ученого, как Лукач, сказал оратор, я, вероятно, был бы умнее и образованнее, чем я есть. Но этого не было. Когда мы встретились и подружились с ним в 1930 году, у меня было уже вполне сложившееся мировоззрение. Лукачу никогда не приходило в голову считать меня своим учеником, о чем свидетельствуют документы, рисующие наши

действительные отношения» (Еще раз о статье «Эстетика» в «Новой американской энциклопедии» (Совещание в ИМЛ при ЦК КПСС) // Вопросы литературы. – 1969. – №6. – с. 94–113.). О том же, с некоторыми разночтениями, см.: О принадлежности Марксу статьи «Эстетика» в «Новой американской энциклопедии» (Выступление на совещании в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС 28 января 1969 г.) // Лифшиц М.А. Карл Маркс. Искусство и общественный идеал. – М.: Художественная литература, 1972. – С. 275–282. Вот слова, непосредственно продолжающие приводимые в письме: «И Лукачу никогда не приходило в голову считать меня своим учеником, о чем свидетельствуют документы, рисующие наши действительные отношения. Не хочу больше занимать ваше внимание личным вопросом, но если этот новый вид травли будет продолжаться, я свои документы опубликую» (С. 282).

396 Имеется в виду, вероятно, посещение Лифшицем Будапешта весной 1969 г.

397 26 июня 1939 г., подарив Лифшицу экземпляр своей только что вышедшей книги «К истории реализма», в работе над которой тот принимал участие в качестве переводчика и редактора, Лукач оставил посвящение: «Прошло уже десять лет со времени нашей первой встречи, которая не совсем случайно совпадает с началом моей новой творческой деятельности. По поводу всего, что при этом возникает, у меня такое же чувство, какое было у одного из современников Шекспира, писавшего ему: "Я хотел бы, чтобы все написанное мною читалось в Вашем свете..." Прошу Вас, примите доброжелательно и это создание, при возникновении которого Вы также не остались безучастным» (книга Лукача с его дарственной надписью находится в архиве дочерей Мих. Лифшица).

398 Речь идет о публикации наследства Е.Ф. Усиевич. См. также прим. 391, 400.

399 Гриб Владимир Романович (1908–1940) – историк литературы, критик, популярный и любимый студентами ИФЛИ преподаватель, лектор, «один из самых известных представителей "течения"» (НЛО. – 2007. – № 88. – С. 106), вследствие, может быть, «способности ясного изложения мысли, которым в такой превосходной степени владел талантливый» (Лифшиц М.А. В мире эстетики. – М.: Изобразительное искусство, 1985. – С. 312) автор работ об эстетике эпохи Просвещения, мировоззрении и творчестве Бальзака. См.: Гриб В. Избранные работы.

Статьи и лекции по зарубежной литературе / Вступ. статья Г. Фридлендера. – М., ГИХЛ, 1956; Копелев Л. Мысль и сердце ученого // Новый мир. – 1957. – №3. – С. 249–252; Орлова Р. Ученый, литератор, воспитатель // Знамя. – 1957. – №3. – С. 213–217; Берковский Н. Книга избранных работ В. Гриба // Вопросы литературы. – 1957. – №1. – С.232–237.

400 Последними публикациями наследства Е. Усиевич, В. Александрова, В. Гриба остаются их сборники, изданные в 1950-е гг. Кажется не случайным, что если отклик на сборник В. Александрова еще появился через два года после выхода (причем автор его, В. Лакшин, с обидой и горечью сетовал в нем на безучастие и невнимание к «талантливой книге»), то прямого отклика на книгу Е. Усиевич уже не было. Больше повезло А. Платонову: ИМЛИ издает, например, полное собрание сочинений «великого русского писателя XX века». Однако со времен перестройки предпочтение отдается его односторонне, тенденциозно трактуемому художественному наследию как критика, противника и жертвы «сталинского режима», «великой утопии»; его литературно-критическое наследие остается в тени.

401 Хотя со времени дискуссии 1939–1940 гг. вокруг книги Лукача «К истории реализма» за Лифшицем усилиями многочисленных недоброжелателей закрепилось в определенных кругах мнение как о последователе (если не эпигоне) Лукача, последний неизменно подчеркивал их интеллектуальное равноправие. Работы Лифшица, посвященные реконструкции эстетических взглядов Маркса и Энгельса, Лукач считал классическими. «После талантливых и глубоких трудов М.А. Лифшица о развитии эстетических воззрений Маркса, после его тщательной работы по собиранию и систематизации разрозненных высказываний Маркса, Энгельса и Ленина по вопросам эстетики были устранены всякие сомнения в наличии у них связной и последовательной системы идей в области эстетики», – писал он в предисловии к «Своеобразию эстетического» (см.: Лукач Д. Своеобразие эстетического. Т.1. – М.: Прогресс, 1985. – С. 10). Эту мысль Лукач проводил и раньше, например, в предисловии к опубликованному в 1946 г. в Венгрии под его редакцией сборнику высказываний Маркса и Энгельса по вопросам литературы и искусства. Основой при подготовке этого сборника послужила составленная Лифшицем известная антология «Маркс и Энгельс об искусстве» (М.: Искусство, 1937–1938 гг.), в 1940-е годы выведенная в СССР из употребления ввиду несоответствия ее концепции утвердившимся в тот период стереотипам восприятия взглядов Маркса на отношения между художником и партией. Ориен-

тация Лукача на книгу Лифшица, дававшую более полную и объективную реконструкцию эстетических воззрений Маркса и Энгельса, вызвала настоящее негодование в Институте философии АН СССР, куда МИД СССР в 1949 г. направил для заключения конспект ряда новых статей Лукача (см. в наст. издании *Приложение* IV.).

402 В Будапеште юбилейный сборник не вышел. Единственное известное комментаторам издание, посвященное 85-летию Д. Лукача: Ad Lectores 10.: Georg Lukács zum 13. April 1970. Neuwied, Berlin; Lüchterhand, 1970.

403 Фрагмент статьи Лифшица к юбилейному сборнику Лукача опубликован в книге: Лифшиц М.А. Что такое классика? – М.: Искусство – XXI век, 2004. – С. 161–163.

404 Имеется в виду, очевидно, книга: Beyer, Wilhelm Raimund. Vier Kritiken. Heidegger. Sartre. Adorno. Lukácz, Köln, 1970, S. 184ff.

405 В последний год жизни Лукач действительно много работал над набросками в автобиографическом жанре. Они были подготовлены к печати его учеником Иштваном Эрши вместе с серией интервью, в которых также нашли отражение главные вехи жизненного пути философа. См. немецкое издание: Lukács Gy. Gelebtes Denken. Eine Autobiographie im Dialog. Fr.am Main, 1981. Сокращенное англоязычное издание: Lukács Gy. Record of a Life. An Autobiographical Sketch. London, 1983. Венгерское издание: Lukács György. Megélt gondolkodás. Életrajz magnószalagon. Bp., 1989.

Далее перевод письма Лукача приводится в редакции, найденной в Архиве Мих. Лифшица.

406 Работа Лифшица: К вопросу о взглядах Маркса на искусство. – М; Л., Гослитиздат,1933; этой книге Лифшица предшествовали его опубликованные статьи: К вопросу об эстетических взглядах Маркса (1927 г.); Эстетические взгляды Маркса // Литературная энциклопедия. – М., 1932. – Т. 6.

407 Работа Лукача: Маркс и Энгельс в полемике с Лассалем по поводу «Зикингена» // Литературное наследство. – М., 1932. – Т.3.

408 Монография «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества», впервые опубликованная в 1948 г. в Швейцарии, была написана в годы московской эмиграции. Возможно, Лукач в данном случае не вполне прав: в его книге о Гегеле красной нитью проходит

главная идея «течения» 1930-х гг. о «великих консерваторах человечества», а при исследовании философии Гегеля им применяется метод «течения»: «не только вопреки, но в определенной мере и благодаря». Следует также заметить, что в двух статьях Лифшица о Гегеле (1931 и 1932 гг.) намечена тема о влиянии на философию Гегеля классической политической экономии, которая занимает одно из центральных мест в книге Лукача, не случайно, очевидно, опубликованной с посвящением Мих. Лифшицу.

409 Сближение Лукача с венгерской компартией стало возможным после ареста и гибели в сталинских застенках его давнего недруга Белы Куна. В 1939–1941 гг. философ активно сотрудничал с теоретическим и общественно-политическим журналом венгерской коммунистической эмиграции «Új hang», пропагандировавшим линию антифашистского народного фронта. Его редактором был ученик Лукача и его соратник по венской эмиграции 1920-х гг. Йожеф Реваи, выдвинувшийся на роль главного идеолога венгерской компартии. Следует иметь в виду, что в условиях, когда действовал пакт Молотова – Риббентропа, идеи антифашистской борьбы было в тактическом плане легче отстаивать на венгерском, а не на немецком материале.

410 Гриб В.Р. – см. прим. 399; Верцман Израиль Ефимович (1906–?) – литературовед, автор работ об идеологии и эстетике Просвещения, творчестве и мировоззрении У. Шекспира, И. В. Гёте, О. Бальзака; Пинский Леонид Ефимович (1906–1981) – литературовед, автор работ о реализме эпохи Возрождения, творчестве Данте, М. Сервантеса, Ф. Рабле, У. Шекспира, Ф. Вийона и др. См., например: Пинский Л.Е. Магистральный сюжет: Ф. Вийон, В. Шекспир, Б. Грасиан, В. Скотт / Вступ. статья А.А. Аникста. – М., Советский писатель, 1989. О В. Грибе и Л. Пинском см., в частности, воспоминания Г. Померанца в его книге «Записки гадкого утенка» // Знамя. – 1993. – №7, 8.

411 Новелла Бальзака: «З. Маркас» (1840 г.). Его герой (далее – из примечания «Нового литературного обозрения» к текстам Лифшица – НЛО. – 2007. – №88) – «несостоявшийся великий политик и оратор, преданный тем ловкачом, который был обязан ему своей карьерой, умер в безвестности и нищете; последние месяцы жизни непреклонного идеалиста и гордеца описаны глазами студента-повествователя: “То была не скромность, а смирение, не христианское смирение, неотделимое от милосердия, но смирение, подсказанное разумом, сознание того, что таланты в наши дни бесполезны, что ты не можешь

проникнуть в среду, отвечающую твоим склонностям, и жить в ней. В иные минуты этот взгляд мог бы метать молнии. Из этих уст должен был исходить громовый голос, очень напоминавший голос Мирабо"» (Бальзак О. Собр. соч.: В 28 т. – М.: Голос, 1997. – Т. 19–20. – С.209. См. также наброски ненаписанного романа М. Лифшица (см.: Михаил Александрович Лифшиц / Под ред. В.Г. Арсланова – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 16 и далее).

412 Аттила Агг (р. 1941) – современный венгерский философ, социолог.

413 Мы сочли возможным и важным привести эти письма в данном издании, хотя они формально не являются частью переписки Мих. Лифшица и Д. Лукача. (Письма были опубликованы: см. Лифшиц М.А. Что такое классика? – М.: Искусство – XXI век, 2004. – С. 163–166.)

414 Записка была опубликована в кн.: Беседы на Лубянке. Следственное дело Дёрдя Лукача. Материалы к биографии. – 2-е изд. – М.: Институт славяноведения РАН, 2001. – С. 141.

415 Записка была опубликована в кн.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. – М.: МФД, 1999. – С. 439–444.

416 Записка была подготовлена в Институте философии АН СССР по заданию вышестоящих партийно-идеологических структур и 5 сентября 1949 г. направлена в отдел балканских стран МИД СССР директором института академиком Г.Ф. Александровым (см. сопроводительное письмо Александрова: АВП РФ. Ф. 077. Оп. 29. П. 26. Папка 134. Л. 117).

417 Marx – Engels. Művészet, irodalom. Lukács György előszavával. Bp., Szikra, 1946.

418 Авторы докладной записки не точны – на самом деле Маркс высоко оценивал «Крошку Цахес» Гофмана, как произведение, в котором в символико-фантастической форме выступают реальные черты буржуазных отношений. См.: К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве: В 2 т. – М.: Искусство, 1957. – Т. 2. – С. 602.

419 Акмеизм – течение в русской поэзии 1910-х гг. XX в. Возникло как реакция на символизм. Мистическим устремлениям символизма к непознаваемому противопоставили конкретно-чувственное восприятие вещественного мира, декларировали возврат слову его изна-

чального, не символического смысла. К акмеизму как литературному течению тяготели Н. Гумилев, О. Мандельштам, А. Ахматова.

420 «Серапионовы братья» – литературная группа в Петрограде-Ленинграде в 1920-е гг. Стремясь к художественному воплощению современности, не чуждались эксперимента, нередко навлекая на себя обвинения в формализме, много внимания уделяли освоению технологии искусства в самом широком диапазоне: от русского психологического романа до остросюжетной прозы Запада. Среди участников литературной группы К. Федин, М. Зощенко, Н. Тихонов, В. Каверин, Л. Лунц, М. Слонимский, к «Серапионовым братьям» были близки известные литературоведы формалистической школы (выступавшие и как прозаики) Ю. Тынянов и В. Шкловский.

421 Доклад А.А. Жданова, очевидно, цитируется по отдельно изданной брошюре.

422 Marx – Engels. Művészet, irodalom. 10 o.

423 Ibid., 21 o.

424 Lukács Gy. Irodalom és demokrácia. Bp., 1947. Некоторые цитаты из работ Лукача в записке искажены, номера страниц в ряде случаев указаны неточно.

425 Цитата из известной статьи Лукача «Партийная поэзия», вошедшей в сборник статей «Литература и демократия»: Lukács Gy. Irodalom és demokrácia. Bp., 1947, 46.o.

426 Катедер-социализм (немецкое: Kathedersozialismus) – течение социалистической мысли в Германии в 1860–1870-е гг. Его сторонники апологетически относились к современному им прусскому (германскому) государству, поддерживали его активную экономическую политику, проповедовали идею социалистических реформ, осуществляемых сверху сильным государством. Идейные истоки катедер-социализма лежали в концепции «социальной монархии» Л. Штейна. Среди ведущих представителей Г. Шмоллер, Л. Брентано, А. Вагнер.

427 Имеется в виду постановление ЦК ВКП(б) «О литературной критике и библиографии» (декабрь 1940 г.), в соответствии с которым был закрыт журнал «Литературный критик».

428 Marx – Engels. Művészet, irodalom. 5.o.

429 Увольнение Лифшица в 1949 г. с философской кафедры престижного московского вуза было следствием резкой критики по его адресу в ходе развернувшейся в это время в СССР кампании «борьбы с космополитизмом». В записке «О мерах ликвидации космополитизма в философии» (1949), адресованной в ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову и подписанной директором Института философии АН СССР Г. Александровым, редактором журнала «Вопросы философии» Д. Чесноковым и секретарем парткома Института философии Ф. Константиновым, Лифшиц был назван в числе философов, которые «в течение ряда последних лет вели антипатриотическую работу, распространяя враждебное ленинизму космополитическое мировоззрение». В записке был упомянут также журнал «Литературный критик», редактор которого М. Розенталь, как было сказано, «группировал и вдохновлял безродных космополитов» (РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.160. Л.46, 48). В Архиве Лифшица есть стенограмма двухдневного заседания кафедры философии МГИМО, посвященного одному вопросу – разоблачению «космополита» и «врага марксизма-ленинизма» М.А. Лифшица. На этом заседании было принято решение об изгнании Лифшица из МГИМО. Однако, как свидетельствует в своих воспоминаниях сын М. Розенталя, в ту пору – студент МГИМО, видимо, еще до этого решения Лифшиц не остался без защиты: студенты на открытом партийном собрании с приглашением всех студентов и преподавателей, где должно было происходить «избиение» Лифшица, освистали его гонителей, и «Михаила Александровича изгнали позже, уже на закрытом партактиве» (см. об этом: Розенталь Э.М. Бунт на корабле // Розенталь Э.М. Живое прошлое. Воспоминания выпускника МГИМО. – М.: Вагриус Плюс, 2006. – С. 97–99. Здесь же, в главе «Отец» (с. 133–140), – о том, как П.Ф. Юдиным был защищен от гонений звонком «бывшему в те годы вторым лицом в государстве» Г.М. Маленкову М.М. Розенталь, которого, по словам сына, «от репрессий спасло чудо»).

430 Rudas László. Irodalom és demokrácia // Társadalmi Szemle, 1949. 6– 7 sz. 412– 439 o. Рудаш Ласло (1885– 1950) – философ-марксист, ветеран коммунистического движения в Венгрии. Как и Лукач, возвратился в 1945 г. на родину из СССР после долгих лет жизни в эмиграции.

431 Эти статьи впервые опубликованы в кн.: Арсланов В.Г. Постмодернизм и русский «третий путь». Tertium datur российской культуры XX века. – М.: Культурная революция, 2007. – С. 323–326.

432 Полевой (наст. фам. Кампов) Борис Николаевич (1908–1981) – писатель, автор «Повести о настоящем человеке» (1946 г.), общественный деятель, Герой Соц. Труда (1974 г.). В 1950-е гг. в качестве секретаря правления Союза советских писателей руководил Иностранной Комиссией Союза писателей. В сентябре 1949 г., в период подготовки в Венгрии кампании по травле Лукача, находился в Будапеште как корреспондент центральных советских газет на судебном процессе по делу Ласло Райка, организованном по схожему с большими московскими процессами 1936–1938 гг. сценарию. Данное письмо Б.Н. Полевого напечатано на бланке Союза советских писателей СССР и датировано 5 апреля 1955 г. Отметим также, что, например, 13 марта 1954 Б. Полевой писал «Секретарю ЦК КПСС тов. П.Н. Поспелову: «…Вслед за позорной статьей А. Гурвича, напечатанной в свое время в "Новом мире", в этом же журнале одна за другой были опубликованы уже совершенно похабные статьи "Об искренности в литературе" В. Померанцева и "Дневник Мариэтты Шагинян" М. Лившица (так! – *Ред.*) (см.: Хранить вечно (специальное приложение к «Независимой газете»). – 1999. – №7, 29 октября. – С. 3 (11). О последствиях публикации той статьи для Лифшица см. в прим. 238).

433 Неточная информация.

434 По поводу статьи Д. Лукача «К вопросу о парламентаризме», опубликованной в 1920 г. в венском журнале «Коммунизм» (рупоре ряда ультралевых группировок в Коминтерне), В. Ленин писал: «Статья Г. Л. (Д. Лукача. – *Ред.*) очень левая и очень плохая. Марксизм в ней чисто словесный; различие "оборонительной" и "наступательной" тактики выдуманное; конкретного анализа точно определенных исторических ситуаций нет; самое существенное (необходимость завоевать и научиться завоевывать все области работы и учреждения, где проявляет свое влияние на массы буржуазия, и т.д.) не принято во внимание» (Ленин В.И. ПСС. – Т. 41. – С. 135–136).

435 В начале 1930-х гг., в обстановке сталинской «культурной революции», Лукачу, как и другим «уклонистам» разных лет, пришлось принять на себя целую обойму критических залпов. Так, 20 ноября 1930 г. на общем собрании партячейки Института Маркса – Энгельса венгерский философ, в это время работавший в Институте, был вынужден давать объяснения в связи с совсем не забытой книгой «История и классовое сознание», в свое время вызвавшей фурор в европейском коммунистическом движении (Беседы на Лубянке. Следственное

дело Дёрдя Лукача. Материалы к биографии. – М.: Институт славяноведения РАН, 1999. – С. 91, 92). Подобного рода самокритические выступления, однако, не могли в полной мере стать «охранной грамотой» для Лукача. В конце января 1931 г. «Правда», подводя итоги борьбы с «меньшевиствующим идеализмом», осудила А. Деборина за то, что, критикуя в свое время Лукача, он пытался закамуфлировать свои собственные идеалистические взгляды. Лукач же в этой публикации был однозначно охарактеризован как идеалист-гегельянец (см.: Об итогах дискуссии и очередных задачах марксистско-ленинской философии // Правда. – 1931. – 26 января). Об «идеалистической ревизии» марксизма Лукачем писал весной 1931 г. и будущий академик М. Митин в журнале «Под знаменем марксизма» (М.Б. Митин. Очередные задачи работы на философском фронте в связи с итогами дискуссии // Под знаменем марксизма. – 1931. – №3). Можно согласиться с американским исследователем Д. Пайком, высказавшим предположение, что Лукач добился в 1931 г. отправки с партийным поручением в Берлин, дабы в самый разгар идеологических чисток не мозолить глаза своим критикам (Pike D. Lukacs and Brecht. Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press, 1985). Вместе с тем полтора года пребывания в ИМЭ были памятны Лукачу не только грубой травлей со стороны партийных инстанций, но и плодотворной работой над текстами классиков мировой философии. В это время им был написан ряд серьезных научных работ: «Маркс и Энгельс в полемике с Лассалем по поводу "Зикингена"» и др. Парадоксально свидетельство Лифшица: «Впоследствии Лукач мне говорил, что в сводчатом "погребе Рязанова" (Д.Б. Рязанов – директор ИМЭ до 1931 г. – *Ред.*) он провел лучшие дни своей жизни» (О встречах с Д. Лукачем (из воспоминаний Мих. Лифшица) // Философские науки. – 1988. – №12. – С.76).

Б. Полевому, который на рубеже 1920–1930-х гг. был начинающим литератором, вероятно, вспомнилась кампания борьбы с «меньшевиствующим идеализмом» А. Деборина и его школы, к жертвам которой он автоматически пристегнул и Лукача, хотя это неточно.

436 В конце 1940 г.

437 Б. Полевой был гостем от советских писателей на съезде венгерских писателей в апреле 1951 г.

438 Начало так называемой «дискуссии о Лукаче» 1949–1950 гг. (а по сути дела – грубой травле философа) было положено в апреле 1949 г. статьей Л. Рудаша, опубликованной в теоретическом журнале

Венгерской партии трудящихся «Társadalmi Szemle». См. материалы «дискуссии»: A Lukács–vita. Szerk.: Ambrus J. Bp., 1985. Уже в том же апреле посольство СССР в Венгрии направило в МИД СССР перевод этой статьи наряду с другими материалами о Лукаче, сопроводив это сообщением об «антиленинских, антисоветских» установках, протаскиваемых в работах Лукача (АВПР. Ф.077. Оп. 29. Папка 134. Д. 26). Получив эти материалы, МИД СССР обратился в Институт философии АН СССР с просьбой дать заключение (см. в наст. издании *Приложение* IV).

439 Речь идет о докладе руководителя Союза советских писателей А. Фадеева на XIII пленуме Союза советских писателей в Москве в январе 1950 г. См.: Фадеев А. О литературной критике // Правда. – 1950. – 1 февраля.

440 Как писал Лукач в 1946 г., «новая демократическая культура формируется по всей Европе в условиях, когда остается неизменной материальная основа общества, капиталистическая система производства» (Lukács György. Magyar irodalom – magyar kultúra. Bp., 1970. 307. o.). Концепция Лукача, делавшая акцент на медленном, поступательном движении к социализму через развитие реальной демократии, была подвергнута критике в ходе «дискуссии» 1949–1950 гг. См.: A Lukács–vita. Bp., 1985. Между тем, она в целом не противоречила установкам венгерской компартии 1945–1946 гг., согласованным со Сталиным.

441 В донесениях посольства СССР в Венгрии, относящихся к 1952 г., отмечалось, что «неразоружившийся» Лукач, хотя и реже выступает на страницах печатных изданий, сохранил свое влияние в духовной жизни страны. См. подробнее: Стыкалин А.С. Дьёрдь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы. – 2009. – №1. – С. 88–125.

442 II съезд советских писателей состоялся в Москве в декабре 1954 г. Рюриков Борис Сергеевич (1909–1969) – критик, литературовед, в 1953–1955 гг. главный редактор «Литературной газеты». В 1968 г. опубликовал рецензию на хрестоматию Мих. Лифшица «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве» издания 1967 г. (Рюриков Б. Вечно живые законы красоты // Известия. – 1968. – №10 (15709), 13 января. – С. 5) и, будучи главным редактором журнала «Иностранная литература», предложил написать и опубликовал (см. об этом: Каган М. О времени и о себе… – СПб. – 1998. – С. 94, 123) большую статью М. Кагана

о том же издании (Каган М. Марксизм и эстетика // Иностранная литература. – 1968. – № 5. – С. 193–204). Об этих статьях Мих. Лифшиц писал: «В предисловии к предшествующему изданию составитель просил товарищеской критики и полезных указаний. Мне известны только два печатных отзыва об этой книге. Рецензия газеты "Правда" (все же, вероятно, – "Известия", в "Правде" обнаружить рецензию не удалось. – *Ред.*) отметила ее положительное значение. Более подробный отзыв журнала "Иностранная литература" содержит, естественно, некоторые критические замечания, но, увы, более ядовитые, чем полезные. Автор этого отзыва относит меня к догматикам и дает понять читателю, что в некоторых отношениях моя хрестоматия является пережитком отсталого схематизма тех времен, когда допускалось, что всякое истинное искусство имеет реалистическую основу» (К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве: В 2 т. – М.: Искусство, 1976. – Т.1. – С. XLVI).

443 А.М. Румянцев – в 1955 г. зав. отделом науки и культуры ЦК КПСС, позже вице-президент АН СССР, экономист.

Б.Н. Пономарев – в 1955 г. зав. международным отделом ЦК КПСС, позже секретарь ЦК КПСС, в 1972–1986 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. Специалист по истории КПСС, академик.

444 Утром 4 ноября 1956 г., когда советские войска вошли в Будапешт в целях осуществления смены власти в Венгрии, Д. Лукач и его жена Гертруд вместе с большой группой лиц из окружения премьер-министра Имре Надя нашли убежище в посольстве Югославии. 18 ноября супруги Лукач покинули посольство по согласованию югославской и венгерской сторон, но были при выходе из посольства задержаны советскими спецслужбами и через несколько дней депортированы в Румынию, в курортный город Снагов в 40 км от Бухареста.

445 В ноябре – декабре 1956 г. отношения титовской Югославии как с СССР, так и с новым венгерским правительством, приведенным к власти силовым путем, осложнились в силу различий в оценках первопричин венгерского кризиса. Острое раздражение советского руководства вызвали как речь Тито на партактиве в г. Пуле с критикой действий СССР в Венгрии, так и предоставление свергнутому премьер-министру Имре Надю убежища в посольстве ФНРЮ в Будапеште после того, как он выступил по радио с осуждением советского силового вмешательства во внутренние дела Венгрии. Подробнее см.: Стыкалин А.С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. – М., 2003; Он же. СССР – Югославия: зигзаги

двусторонних отношений (вторая половина 1950-х – начало 1960-х годов) // Славяноведение. – 2006. – №3. – С. 95–102.

446 См. подготовленную Архивом Лукача в Будапеште антологию откликов на творчество Лукача на Западе в этот период: Lukács–recepció Nyugat–Európában (1956–1963). Archívumi Füzetek III / Szerk. Tallár F. Bp., 1983.

447 Лукачу был в это время 71 год.

448 Для понимания исторического контекста необходимо иметь в виду, что действия СССР в Венгрии вызвали крайне негативный отклик среди западных интеллектуалов, в том числе на левом фланге. Деятели культуры, продолжавшие активно сотрудничать с Москвой (например, французские артисты И. Монтан и С. Синьоре, посетившие СССР в декабре 1956 г.), подверглись обструкции общественного мнения в своих странах. На усиление антисоветских тенденций во Франции и Великобритании повлияло и неосторожное выступление Н.С. Хрущева, который, явно блефуя, намекнул на возможность применения Советским Союзом сильно действующего оружия против Франции и Великобритании в случае продолжения ими военной кампании на Суэцком канале. См. также: Стыкалин А.С. Илья Эренбург и венгерские события 1956 г. (К истории взаимоотношений писателя с хрущёвской партийной элитой и левой интеллигенцией Запада в 1950-е годы) // XX век. Русская литература глазами венгров, венгерская литература глазами русских / Отв. редактор Ю.П. Гусев. – М.: ИСл РАН., 2007. – С. 218– 247.

449 Лакснесс Хальдоур (1902–1998) – исландский писатель, лауреат Нобелевской премии 1955 г.

450 Обеспокоенность судьбой Лукача выражали (в том числе в беседах с советскими эмиссарами) Ж.П. Сартр, Б. Рассел и другие крупные интеллектуалы. Лица, близкие к итальянской компартии, выступили с инициативой о приглашении Д. Лукача на постоянное жительство в Италию, что, впрочем, не нашло поддержки ни в Москве, ни в Будапеште. См. подробнее: Стыкалин А.С. Дьёрдь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы. – 2009. – №1. – С. 88–125.

451 26 февраля временное руководство Венгерской социалистической рабочей партии после долгих проволочек приняло решение разрешить Д. Лукачу вернуться в Будапешт. 11 апреля Дьёрдь и Гертруда

переступили порог своей будапештской квартиры на Белградской набережной Дуная. Главная венгерская партийная газета «Непсабадшаг» в этот день дала информацию: «Проф. Д. Лукач обратился к Венгерскому революционному рабоче-крестьянскому правительству с письмом, содержащим просьбу о разрешении вернуться на родину, где он желает заниматься научной работой. Правительство удовлетворило просьбу Д. Лукача».

452 Как явствует из рукописных помет на тексте документа, до руководства Союза писателей было доведено мнение отдела культуры ЦК КПСС.

453 В.А. Крючков – впоследствии, в 1988–1991 гг., председатель КГБ СССР.

454 Речь идет о драматических событиях осени 1956 г., см. прим. 444.

455 Во второй половине 1950-х гг. Лукач опубликовал на Западе ряд работ, в том числе в Италии и Германии известную работу «Против неверно понятого реализма». Он сотрудничал прежде всего с изданиями левой ориентации, в частности со связанными с итальянской компартией журналом «Nuovi argomenti», издательством «Einaudi».

456 Кампания критики Лукача велась в Венгрии с осени 1957 г. Подробнее см.: Стыкалин А.С. Дьёрдь Лукач – мыслитель и политик. – М., 2001.

457 Такой сборник вышел в ГДР. В нем участвовали авторы из разных стран, в том числе и Венгрии. См.: Georg Lukacs und der Revisionismus. Eine Sammlung von Aufsatzen. Hrsg. V. Hans Koch. Berlin, Aufbau, 1960.

458 Предупреждение могло быть сделано осенью 1958 г. в связи с шумным делом Б. Пастернака, опубликовавшего в Италии роман «Доктор Живаго» и получившего Нобелевскую премию, от которой он был вынужден отказаться. Подобно Пастернаку, опубликовавшему свой роман в близком к итальянской компартии издательстве «Фельтринелли», Лукач в 1957 г. издал свою работу о социалистическом реализме как критическом реализме современной эпохи в другом, связанном с ИКП издательстве – «Эйнауди». См.: Lukacs Gy. Il significato attuale del realismo critico. Torino, Einaudi, 1957.

459 Главным подарком Лукачу на родине к его 80-летнему юбилею стало венгерское издание его итоговой работы по эстетике «Своеобразие эстетического», в 1963 г. вышедшей в оригинале, на немецком языке. См.: Lukács Gy. Az esztétikum sajátossága. I–II. Bp., 1965. В юбилейном 1965 г. Лукачу была предоставлена возможность опубликовать на родине и еще ряд работ разных лет, в том числе программную литературоведческую статью «Социалистический реализм сегодня» (1964) с анализом творчества А. Солженицына. Вышла новым венгерским изданием и книга «Разрушение разума». На юбилей философа откликнулись ведущие венгерские периодические издания, в том числе главная партийная газета «Непсабадшаг». В публикациях воздавалось должное заслугам Лукача в развитии марксистской эстетики, теории реализма, в критике буржуазной философии. Поскольку проблема восстановления философа в партии еще не была решена, вопрос о политическом лице Лукача, как правило, обходился стороной. Отклики венгерской прессы на «Своеобразие эстетического» ознаменовали собой начало поворота в оценке поздней эстетики Лукача, в ходе «дискуссии» 1958–1959 гг. объявленной одним из проявлений ревизионизма. Отныне в кадаровской Венгрии за эстетикой Лукача (и его теорией литературы как частью эстетики) признавалось право на существование в рамках марксистской парадигмы. Менее определенным было отношение к публиковавшимся на Западе политическим текстам позднего Лукача, в которых критика сталинской политической практики зачастую выходила за рамки принятых в мировом коммунистическом движении клише. Среди венгерских откликов на «Своеобразие эстетического» см. отзыв ученицы Лукача Агнеш Хеллер, опубликованный и на английском языке: New Hungarian Quartely, 1966. №24.

460 Ошибка. Лукач жил в СССР с самого конца 1929 г. до середины 1931 г., а затем с весны 1933 г. по конец лета 1945 г.

461 Под очерками о реализме в мировой литературе имеется в виду книга: Lukács Gy. Studies in European Realism (London, 1950). Большинство составивших ее очерков были написаны и публиковались в 1930-е гг. в СССР. Новое англоязычное издание: New York, 1964. Из немецкоязычных изданий см.: Probleme des Realismus I. Essays über realismus. Neuwied– Berlin, Luchterhand, 1971. См. также немецкоязычное издание очерков о русских писателях: Lukács G. Der russische Realismus in der Weltliteratur. Berlin, Aufbau, 1952. Более полное, исправленное издание западногерманского издательства «Лухтерханд», включившее в себя и совсем новую работу о Солженицыне – 1964 г. Венгер-

скоязычное издание 1946 г. «Великие русские реалисты» вобрало в себя работы, написанные в СССР и посвященные писателям XIX века (См.: Lukács Gy. Nagy orosz realisták. Bp., 1946; позже переиздавалось). Продолжением этой книги явился ее второй том, в который вошли очерки о М. Горьком, М. Шолохове, А. Платонове, А. Фадееве, А. Макаренко и других писателях, причисленных Лукачем к литературе социалистического реализма (См.: Lukács Gy. Nagy orosz realisták. Szocialista realizmus. Bp., 1952). Публикация этого сборника явилась своего рода ответом Лукача на обвинения в игнорировании современной советской литературы, звучавшие в ходе разнузданной критической кампании 1949–1950 гг. См. также: A Selected Bibliography of Works by György Lukács // Hungarian Studies on György Lukács. Vol. II. Bp., 1993.

462 Речь идет о лекции, прочитанной в июне 1956 г. в Политической академии Венгерской партии трудящихся. Уже в том же 1956 г. вышло на английском и немецком языках (публикация в ГДР в октябре 1956 г., в канун венгерского восстания, вызвала большой скандал, давший идеологам СЕПГ повод говорить о Лукаче как о разносчике идущей из Венгрии «контрреволюционной заразы»). См. более позднее западногерманское издание: Der Kampf des Fortscritts und der Reaktion in der heutigen Kultur // Lukács Gy. Marxismus und Stalinismus. Hamburg, Rowohlt, 1970.

463 Имеется в виду книга: Wider den missverstandenen Realismus. Hamburg, 1958 (в 1957 г. опубликовано в Италии под названием «Актуальное значение критического реализма»).

464 Интервью чешскому публицисту А. Лиму. См.: Georg Lukács o literature a tvurcin marxismu // Literarný noviný, 1964, №13 (вскоре было переиздано на немецком языке венским журналом «Тагебух»: Tagebuch, Wien, 1964, №19).

465 Летом 1958 г. критика Лукача перекинулась из Венгрии и Восточной Германии в СССР. 18 июня, через два дня после завершения в Будапеште судебного процесса по делу Имре Надя, вынесшего бывшему премьер-министру смертный приговор, один из главных идеологов ВСРП говорил советскому дипломату о желательности выступлений советской печати с критикой Лукача. В записи беседы советника посольства СССР Ю.Н. Чернякова с членом Политбюро, секретарем ЦК ВСРП Д. Каллаи отмечается: «я задал тов. Каллаи вопрос, как он смотрит на возможность опубликования в советской печати венгерских выступлений с критикой взглядов философа Лукача.

Тов. Каллаи ответил, что сейчас не имеется никаких оснований для проявляемой советской печатью сдержанности в отношении освещения проводимой в Венгрии работы по борьбе с вреднейшей ревизионистской деятельностью Лукача. Если бы критику Лукача начали в Советском Союзе, сказал тов. Каллаи, а потом она развернулась бы в Венгрии, то это дало бы возможность кое-кому говорить о "критике по указке Москвы", но даже и в этом самом невыгодном случае международное коммунистическое движение, несомненно, получило бы пользу. В действительности получилось так, что борьбу с лукачевским влиянием первые начали немецкие товарищи (в журнале "Айнхайт" летом 1957 г.), затем выступили венгры, сейчас готовятся итальянцы (последнее в общем не соответствовало действительности, ибо в ИКП не было установок подключаться к критике Лукача. – *Ред.*), и молчание советских товарищей может уже быть неправильно понято. Тов. Каллаи сказал, что такое мнение он уже высказал находившемуся недавно в Венгрии академику Митину и пользуется еще раз случаем сказать о желательности выступлений советской печати с разоблачением Лукача. На мой вопрос, какую форму такого выступления тов. Каллаи считает более подходящей: перепечатку ли советскими журналами венгерских статей или собственные статьи советских авторов, тов. Каллаи ответил, что советские товарищи, по его мнению, могли бы воспользоваться венгерскими статьями о Лукаче как поводом для того, чтобы высказать свое собственное мнение, тем более, что Лукача в Советском Союзе знают довольно хорошо.

Я ответил, что соображения тов. Каллаи будут сообщены нами соответствующим советским организациям» (РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.58. Л.52–53).

«Молчание советских товарищей», о котором говорит Каллаи, было недолгим. Уже летом-осенью 1958 г. его нарушил целый залп критических выпадов по адресу Лукача со страниц советской прессы. Начало положил в августе Я. Эльсберг в «Литературной газете» (См.: Эльсберг Я. Об ошибочных взглядах Лукача // Литературная газета. – 1958. – 9 августа). Редкий советский учебник по эстетике и литературоведению конца 1950-х – начала 1960-х гг. обходился без дежурной критики венгерского «ревизиониста», соратника Имре Надя Д. Лукача, якобы принижающего роль мировоззрения в художественном творчестве и недооценивающего значение советской литературы и культуры. Некоторым обществоведам конъюнктурная критика Лукача помогла сделать неплохую карьеру. Это, к примеру, автор слабых агитпроповских брошюр по эстетике А. Егоров, ставший со временем

академиком-секретарем Отделения философии и права АН СССР. См.: Егоров А. Против ревизионизма в эстетике // Вопросы философии. – 1958. – №9 (статья была перепечатана в Венгрии: Társadalmi Szemle. 1958. N.11); Эльсберг Я. Проблемы реализма и задачи литературоведения // Вопросы литературы. – 1958. – №11. См. также статью Б. Сучкова // Знамя. – 1958. – №11. В ряду статей того времени несколько выделяется более глубоким знанием предмета выступление М. Хевеши, впоследствии ставшей наиболее видным советским лукачеведом: Хевеши М.А. К критике воззрений Г. Лукача // Вопросы философии. – 1958. – №6. Вместе с тем нападки на Лукача официозной эстетики только способствовали повышению интереса к его творчеству в кругах советской гуманитарной интеллигенции. См. подробнее: Стыкалин А. С. Дьёрдь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы. – 2009. – №1. – С. 88–125.

466 Прежде всего в издательствах «Luchterhand», «Rowohlt».

467 Демичев П.Н., в 1968 г. кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС.

468 Кирай Иштван (1921–1989) – критик, литературовед, журнальный редактор, влиятельная фигура в венгерской литературной жизни.

469 30 октября 1968 г. в «Литературной газете» была опубликована статья А. Дымшица «Корни и плоды Эрнста Фишера», с красноречивым подзаголовком «Австрийский писатель, именующий себя “марксистом”, выступает в роли пособника империалистической пропаганды». Упоминался в ней и Лукач – в весьма негативном плане. Как писал, в частности, А. Дымшиц, «в книге “Искусство и сосуществование”, целиком повторяя старые и давно разбитые “аргументы” Георга Лукача, Фишер тщится доказать, будто знаменитая статья В.И. Ленина “Партийная организация и партийная литература” обращена только к партийным публицистам и не имеет отношения к проблемам художественного творчества». В той же статье речь шла о том, что Фишер заимствовал у Лукача противопоставление «трибунов» и «бюрократов» (имелась в виду известная работа Лукача конца 1930-х годов «Народный трибун или бюрократ?»). Более развернуто свои представления о творчестве и идейно-политической позиции Лукача Дымшиц изложил в записке от 14 октября 1968 г., подготовленной по поручению отдела культуры ЦК КПСС, где особенно заинтересовались поведением Лукача в период «Пражской весны» и его

откликом на вмешательство армий стран – участниц Организации Варшавского договора в Чехословакии, а также влиянием идей Лукача на настроения европейской интеллигенции в свете «Пражской весны». См.: Дьёрдь Лукач: взгляд из Москвы (1968 г.) / Публ., пред. и комм. А.С. Стыкалин // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. – М.; Ставрополь, 2007. – Вып. 3.

470 Речь идет о письме, в котором Лукач выразил свое несогласие с участием Венгрии в предпринятой 21 августа 1968 г. военной акции стран – участниц ОВД в отношении Чехословакии.

471 Бертран Рассел (1872–1970) – крупный западный философ, логик, математик выступал не только в роли частного лица, он был одним из инициаторов и лидеров международного Пагуошского движения.

472 В записи беседы дипломата М. Кокеева с профессором И. Кираем имеется следуюший фрагмент:

«Интересно, что направив свое известное письмо в ЦК ВСРП, Дьёрдь Лукач не только не пошел на огласку факта и содержания письма, но и категорически отказался давать интервью корреспонденту "Франс Пресс", заявив, что оценка событий в Чехословакии – сугубо внутреннее дело ВСРП, и иностранные журналисты не имеют к этому делу никакого отношения. Более того, Лукач не откликнулся на призыв Бертрана Рассела присоединиться к тем деятелям культуры, которые "подняли голоса протеста против агрессии в Чехословакии". Так что в целом поведение Лукача на данном этапе можно охарактеризовать как лояльное.

Тем более досадно, что в такой обстановке в "Литературной газете" появляется статья Дымшица, искусственно привязывающего Лукача к Фишеру и косвенно – к событиям в Чехословакии. Посольство ВНР в Москве проинформировало центр об этой статье, и она вызвала чувство недоумения. Секретарь ЦК ВСРП тов. Ацел, продолжал собеседник, в беседе со мной поинтересовался содержанием последней статьи, резко диссонирующей с предыдущей статьей Дементьева (речь, вероятно, идет об одной из статей критика и литературоведа А.Г. Дементьева, члена редколлегии журнала "Новый мир", но о какой конкретно статье, трудно сказать. – *Ред.*). Мне кажется, добавил тов. Кирай, что по наиболее важным вопросам идеологии, касающимся двух партий, нам следовало бы более четко координировать свои выступления. Конечно, мы понимаем, что данная статья отражает только личную точку зрения Дымшица, но все равно какой-то неприятный осадок

остается…» См.: Запись беседы третьего секретаря посольства СССР в ВНР М.Е. Кокеева с профессором Будапештского университета им. Л.Этвеша Иштваном Кираем от 3 ноября 1968 г. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 25. ЛЛ. 222–224)

473 Сообщение посольства СССР в Австрии, о котором здесь идет речь, нам неизвестно. На самом деле среди австрийских коммунистов не было однозначного отношения к «Пражской весне» и акции стран ОВД против ближайшего соседа Австрии – Чехословакии. Как и лидеры более влиятельных итальянской и французской компартий, руководство КПА (Коммунистическая партия Австрии) летом 1968 г. не считало исчерпанными политические, не силовые методы разрешения чехословацкого кризиса, что нашло отражение и на страницах партийной газеты «Фольксштимме», которая 11 июля открыто обвинила лидеров КПСС в сознательной дезинформации советского народа относительно якобы существующей угрозы социализму в Чехословакии. После 21 августа в кругах КПА была поддержана идея проведения совещания компартий в целях критического обсуждения советской политики в отношении Чехословакии. Позже в руководстве КПА возобладала линия на компромисс с Москвой, Э. Фишер, персонифицировавший собой курс на идейное обновление, был исключен в 1969 г. из партии. С другой стороны, из КПА вышло немало ее членов (в том числе интеллектуалов), не только увидевших в произошедших 21 августа событиях акцию, позорящую мировое коммунистическое движение, но и разочаровавшихся в результате в возможностях воплощения своих прежних идеалов. В отличие от более самостоятельных в материальном и идеологическом отношении итальянской и французской компартий, австрийская партия так и не смогла выйти из перманентного кризиса путем радикального обновления своей доктрины. После подавления «Пражской весны» она окончательно маргинализируется в австрийском обществе.

474 См.: Fisher E. Kunst und Koexistenz. Wien, 1966. Позиция, занятая Фишером в связи с чехословацкими событиями, дала повод острой критической кампании против него в СССР, начало которой было положено главным печатным органом КПСС. См.: Петров И. В унисон с реакцией // Правда. – 1968. – 5 октября; Платковский В. Эрнст Фишер без маски // Известия. – 1969. – 10 апреля; Козинг А. Эрнст Фишер – современный марксист? – М.: Прогресс, 1971; Суровцев Ю. В лабиринте ревизионизма (Эрнст Фишер, его идеология и эстетика). – М. : Худож. лит., 1972; Дымшиц А. За и против. – М.: Современник, 1972.

475 Имеется в виду позиция Лукача, изложенная им, в частности, в статье второй половины 1940-х гг. «Партийная поэзия».

476 Интервью, которое Лукач дал журналистам П. Рени и П. Панди, было опубликовано в главной газете ВСРП «Népszabadság» 24 декабря 1967 г. См. на английском языке: At home with György Lukács // The New Hungarian Quarterly. Vol. IX. №29. Spring 1968, Budapest.

477 В своем рождественском интервью газете «Népszabadság» за 1967 г. Лукач, в сущности, повторил уже звучавший в статье 1964 г. «Социалистический реализм сегодня» тезис о том, что ни в одной социалистической стране невозможно написать правдивый роман о современности без критического осмысления сталинской эпохи. Это вызвало полемику главного идеолога кадаровской ВСРП Дьёрдя Ацела, заметившего, что «одностороннее подчеркивание [Лукачем] нарушения преемственности в нашем развитии искажает реальную картину» (Aczél Gy. Eszmenk erejével. Bp., 1970. 20.o.). Ацел полемизировал со взглядами Лукача в этот период, в частности, в своей программной лекции в политической академии ВСРП в апреле 1968 г., в которой были выражены приверженность курсу на экономические реформы в собственной стране, поддержка коммунистов-реформаторов в соседней Чехословакии и вместе с тем указано, что руководство ВСРП, признавая существование идейного плюрализма в венгерском обществе, не потерпит создания политической оппозиции. В специальном документе, подготовленном весной 1968 г. в аппарате ЦК ВСРП, отмечалось, что в выступлениях Лукача последних лет (в том числе его интервью) рождается определенная концепция, в которой наряду с «правильными» присутствуют и спорные моменты – преувеличение специфичности советского пути развития и недооценка советского опыта для восточноевропейских стран, строящих социализм, применение категории «сталинизм», чересчур негативистская оценка пройденного Венгрией в последние десятилетия исторического пути, чрезмерный якобы акцент на опасности бюрократизма, выхолащивающего, по его мнению, социалистическое содержание общественных процессов в СССР и социалистических странах (См.: Urbán K. Lukács és az MSzMP 1967/68–ban // Magyar Nemzet. 1990, ápr.2). Дистанцируясь от некоторых заявлений Лукача, руководство ВСРП в то же время старалось дать понять венгерской интеллигенции, что философа и партию (восстановившую его в своих рядах) большее объединяет, нежели разделяет. Оно не препятствовало также публикации его новых работ в Венгрии. Лукач воспринимал свои разногласия с главным идеоло-

гом партии как нечто вполне естественное. В одном из интервью он прямо заявил, что ни в коем случае не хотел бы оказаться в роли официального философа, ибо это не способствовало бы развитию марксистской мысли в Венгрии.

478 Речь идет об интервью Лукача, опубликованном в мае 1968 г. в венгерском литературном журнале «Kortárs». Оно имело широкий резонанс в мире, было перепечатано ведущими коммунистическими газетами Югославии («Борба»), Италии («L'Unita»). См. англоязычную публикацию: Lukács on Coexistence // The New Hungarian Quarterly. Vol. IX. №32. Winter 1968. Budapest. См. также адресованную в ЦК КПСС справку Главного управления по охране государственных тайн в печати (Главлит) от 25 июля 1968 г. о зарубежных публикациях и комментариях некоторых произведений и выступлений Д. Лукача (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 20. Л. 54–57). В откликах зарубежной прессы отмечалось, что Лукач остался последовательным в критике всего того, что называется «официозным марксизмом», и в своем требовании поставить весь предшествующий период развития марксизма «под увеличительное стекло самокритики». Особое внимание как западных комментаторов, так и представителей Главлита привлекла мысль Лукача о том, что «в сталинский период европейская интеллигенция утратила веру в благонамеренность» коммунистов. Комментировался и тезис Лукача о том, что для людей, разочаровавшихся в западной демократии, сегодняшний социализм не является притягательной силой, ведь «у нас нет приемлемых ответов на вопросы», которые ставит наше время, и люди «беспомощно разводят руками и говорят: "Судьба человечества в самом деле безвыходна"».

479 Речь идет о вышеупомянутом интервью, опубликованном в «Népszabadság» 24 декабря 1967 г. Д. Лукач был восстановлен в ВСРП в августе 1967 г., хотя широкая общественность была информирована об этом позже.

480 Слова А. Чаковского хорошо передают некоторое недоумение советского идеологического истеблишмента начавшимся с середины 1960-х гг. изменением официального отношения к Лукачу в Венгрии, причем явная неготовность и нежелание следовать примеру венгерских коллег в деле переоценки политического лица Лукача сочетались со стремлением избежать открытых межпартийных разногласий.

481 Речь идет об отделе ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Материал, о котором идет речь, не публикуется. (Опубликован на венгерском языке: Múltunk, 2001. №4.)

482 Во время драматических событий в Венгрии октября – ноября 1956 г. Лукач становится министром культуры в правительстве И. Надя, которое было признано в СССР ревизионистским и устранено путем силового вмешательства Советской армии 4 ноября.

483 Эту идею Лукач, в частности, проводил в своих беседах с западногерманскими политологами Г.-Г. Гольцем, Л. Кофлером и В. Абендротом, записи которых составили книгу «Беседы с Лукачем» (Gespräche mit Georg Lukács. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt, 1967; англоязычное издание: Conversations with Lukács. London, Merlin Press, 1974; в 1968 г. вышло на итальянском). В справке Главлита о публикациях и комментариях произведений и выступлений Лукача в зарубежной прессе (июль 1968 г.) отмечалось, что обсуждение широкого круга политико-философских проблем Лукач в этих беседах сводит к осуждению «сталинизма». Более того, он скатывается, по мнению чиновников Главлита, на антисоветские позиции, заявляя, что сталинизм в СССР и социалистических странах уничтожается сталинскими методами, поскольку тон задает политическая полиция, существующая как «государство в государстве». По мнению Лукача, сталинские методы преодоления сталинизма являются следствием того положения в нынешнем марксизме, при котором тактическим задачам отдается предпочтение перед принципиальными теоретическими вопросами. Экземпляр немецкоязычного издания «Бесед с Лукачем», поступивший в 1968 г. в Фундаментальную библиотеку АН СССР по общественным наукам (будущий ИНИОН), был отправлен с спецхран (См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 20. Л. 55–57).

484 Неточность. Работа Лукача «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» была написана еще в 1930-е годы в Москве, хотя впервые опубликована в немецкоязычном оригинале в 1948 г. (Der junge Hegel: Uber die Beziehungen von Dialektik und Ökonomie. Zürich – Wien, 1948).

485 Речь идет о «Своеобразии эстетического».

486 Свою концепцию творчества А. Солженицына Лукач изложил в работе 1964 г. «Социалистический реализм сегодня» (русское издание:

Вопросы литературы. – 1991. – №4) и статье 1969 г. «Романы Солженицына». См. англоязычное издание этих двух работ, приуроченное к присуждению писателю Нобелевской премии: Solzhenitzsyn. London, Merlin Press, 1970.

487 Не публикуется.

488 В некрологе была прослежена вся духовная эволюция Д. Лукача, который был назван «человеком большой и сложной судьбы»: «философ по преимуществу, свои энциклопедические знания, талант полемиста, энергию ученого-исследователя он отдал разработке актуальнейших духовных проблем. Работы Д. Лукача отличались остротой рассмотрения темы и привлекали внимание мировой философской общественности. Вместе с тем воззрения Лукача не всегда были последовательными, порою он допускал серьезные политические ошибки». В некрологе было уделено внимание и историко-литературным работам Лукача; как отмечалось, благодаря верному чувству историзма и широкой эрудиции в его работах «открывается живая и точная картина развития общественных отношений в исторической специфике той или иной страны, конкретной социально-психологической ситуации, в которой создавалось то или иное произведение искусства». Как резюмировали авторы некролога, «советская философская общественность сохранит память о Дьёрде Лукаче, видном ученом, мыслителе, внесшем заметный вклад в развитие мировой философской культуры» (Вопросы философии. – 1971. – №11. – С.179–181).

489 Имеется в виду, в частности, публикация в «Вопросах философии» (1958. – №5) главы из монографии «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества».

490 Работа «Молодой Гегель» была опубликована в издательстве «Наука» в 1987 г., работа «Своеобразие эстетического» в издательстве «Прогресс» в 1985–1987 гг. в 4 томах. Как выясняется из справок Главлита, в 1968 г. в спецхранах крупнейших советских библиотек находились «История и классовое сознание» (французское издание 1960 г.), «Против неверно понятого реализма» (1958), в открытых фондах находились все издания «Разрушения разума», «Теория романа» (французское и западногерманское издания 1963 г.), «Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей» (издание 1967 г., ФРГ), «Экзистенциализм или марксизм» (французское издание 1948 г.), западногерманский сборник статей «Schriften zur Literatursoziologie» (1961). Некоторые западные издания работ Лукача были помещены

в спецхран прежде всего из-за антисоветского содержания предисловий, написанных другими авторами. Это отчасти касалось и франкоязычного издания «Истории и классового сознания» (1960), в предисловии к которому актуальность этой книги обосновывалась венгерскими событиями 1956 г. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 20. Л. 54–57.

491 По итогам рассмотрения записки М. Иовчука в отделе науки и учебных заведений и отделе по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран ЦК КПСС был подготовлен новый документ, вынесенный на заседание секретариата ЦК в начале июня 1972 г. Публикацию ряда работ Лукача решено было включить в план двустороннего сотрудничества в области общественных наук. В дальнейшем активизация усилий по ознакомлению советской гуманитарно-научной общественности с творчеством Лукача была признана несвоевременной и от издания его работ решено было отказаться.

Список сокращений

АВПРФ – Архив внешней политики Российской Федерации
австр. – австрийский
амер. – американский
АН – Академия наук
англ. – английский
АОН – Академия общественных наук при ЦК КПСС
АПРФ – Архив Президента Российской Федерации
болг. – болгарский
ВАК – Высшая аттестационная комиссия
венг. – венгерский
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМОЛА – Военно-морская ордена Ленина академия им. Ворошилова
ВМПУ – Военно-морское политическое училище ВМФ
ВМФ – Военно-морской флот
ВНР – Венгерская Народная Республика
ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей с заграницей
ВПТ – Венгерская партия трудящихся
ВСРП – Венгерская социалистическая рабочая партия
«В. ф.» – журнал «Вопросы философии»
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
Вып. – выпуск
ГДР – Германская Демократическая Республика
ГИХЛ – Государственное издательство художественной литературы
гл. – главный
Гослитиздат – см. ГИХЛ
гос. – государственный
Д. – дело
древнегр. – древнегреческий
зав. – заведующий
зам. – заместитель
изд-во – издательство

ИККИ – Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала
ИКП – Институт красной профессуры
ИМЛИ – Институт мировой литературы АН СССР
ИМЭ – Институт Маркса – Энгельса
ИМЭЛ – Институт Маркса – Энгельса – Ленина
Информбюро – Информационное бюро
и.о. – исполняющий обязанности
ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
ИСл РАН – Институт славяноведения РАН
исполком – исполнительный комитет
итал. – итальянский
ИФ – Институт философии АН СССР или РАН СССР
катол. – католический
КГБ – Комитет государственной безопасности
Коминтерн – Коммунистический Интернационал
КПА – Коммунистическая партия Австрии
КПГ – Коммунистическая партия Германии
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
л. – лист
лат. – латинский
лит. – литературный
Литфонд – Литературный фонд СССР
МГИМО – Московский государственный институт международных отношений
МГУ – Московский государственный университет
МИД – Министерство иностранных дел
МИФЛИ – Московский институт истории философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского
МОРП – Международное объединение революционных писателей
МФД – Международный фонд «Демократия»
нем. – немецкий
НЛО – Новое литературное обозрение
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НК ВМФ – Народный комиссариат ВМФ
общ. – общественный
ОГИЗ – Объединенное государственное издательство
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
отв. – ответственный
оп. – опись
парт. – партийный
ПНР – Польская Народная Республика
полит. – политический
п. – порядок
псевд. – псевдоним
ПУ ВМФ – Политуправление Военно-морского флота
РАН – Российская академия наук

РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей.
РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РНР – Румынская Народная Республика
РОССПЭН – «Российская Политическая Энциклопедия», издательство
с. – страница
СДПГ – Социал-демократическая партия Германии
сов. – советский
совр. – современный
СПб – Санкт-Петербург
ССП – Союз Советских писателей
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
т., тов. – товарищ
ф. – фонд
франц. – французский
ЧССР – Чехословацкая Социалистическая Республика
ЦК – Центральный Комитет

Указатель имен

В «Указатель имен» включены только фамилии, встречающиеся в письмах и документах.

А

Августин Аврелий (354–430), христ. богослов, политик 138
Агг (Ágh) Аттила (р. 1941), венг. философ, социолог 136, 137
Адоратский Владимир Викторович (1878–1945), директор ИМЭЛ (1931–1939) 140
Александров (Келлер) Владимир Борисович (1898–1954), лит. критик 72, 130, 132, 144, 147
Александров Григорий Васильевич (1903–1983), кинорежиссер 166
Альтман Иоган Львович (1900–1955), историк литературы 58
Андреев Андрей Андреевич (1895–1971), сов. гос. и парт. деятель 143
Архипцев Федор Тимофеевич (1911–1993), зам. директора ИФ АН СССР (1960-е гг.) 166
Аттила (ум. 452), вождь племени гуннов 39
Ацел (Aczél) Дёрдь (1917–1991), секретарь ЦК ВСРП 171

Б

Байер (Bayer) Уильям Раймонд (1902–1990), нем. философ 131
Бакалов Георгий (1873–1939), болг. историк, публицист 39
Бальзак (Balzac) Оноре де (1799–1850), франц. писатель 33, 134, 149
Баскин Марк Петрович (1899–1964), философ 36, 166
Бауэр (Bauer) Отто (1882–1938), один из лидеров австр. социалистов 36, 140
Белов, сотрудник ИФ АН СССР (1950-е гг.) 156
Бензелер (Benseler) Франк (р. 1927), издатель Д. Лукача 109, 115, 116
Бортштибер (Bortstieber) Гертруд (1882–1963), вторая жена Д. Лукача, экономист 32, 36, 52, 56, 64, 74, 77, 136 (упоминается в большинстве писем)
Брамс (Brahms) Иоганнес (1833–1897), нем. композитор 39

В

Васильев, сотрудник ИФ АН СССР (1950-е гг.) 156
Васильев Павел Николаевич (1910–1937), поэт 142
Вейль (Вайль, Weil) Феликс (1898–1975), нем. философ 30, 31
Верцман Израиль Ефимович (1906–?), историк литературы 134
Виден (Wieden) Питер, псевдоним Фишера Эрнста
Видмар Йосип (1895–1992), словенский историк литературы, критик 98
Вико (Vico) Джамбаттиста (1668–1744), итал. философ 109, 158
Вирта Николай Евгеньевич (1906–1976), писатель 145
Вольтер (Voltaire) Франсуа Аруэ (1694–1778), франц. философ, писатель 65
Войтинская Ольга Сергеевна (1905–1968), лит. критик, преподавала в ИКП, работала в редакциях газет «Известия», «Литературная газета» 141

Г

Габоры, семья А. Габора (Gabor) (1884–1953), венг. писателя 59
Гароди (Garaudy) Роже (р. 1913), франц. философ, полит. деятель 98, 99, 103–105, 137, 168
Гартман (Hartmann) Николай (1882–1950), нем. философ 105
Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), нем. философ 30, 31, 59, 60, 62, 64, 67, 69, 94, 95, 105, 132, 140
Гераклит (544–483 гг. до н. э), древнегр. философ 158
Герман Виттория Михайловна (р. 1927), дочь М.А. Лифшица, журналист, переводчик 51, 74
Герцен Александр Иванович (1812–1870), писатель, публицист, философ 58, 59, 112
Гёте (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749–1832), нем. поэт 37, 52, 89, 122
Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), 147
Горький (Пешков) Алексей Максимович (1868–1936), писатель 45, 147, 177
Гофман (Hoffmann) Эрнст Теодор Амадей (1776–1822), нем. писатель 149, 150
Гриб Владимир Романович (1908–1940), историк литературы, критик 130, 132, 134, 144
Гронский (Федулов) Иван Михайлович (1894–1985), журналист, лит. критик, гл. редактор журнала «Новый мир» (1931–1937) 141, 142
Гроссман Василий Семенович (1905–1964), писатель 158
Гуковский Григорий Александрович (1902–1950), историк литературы 157
Гуссерль (Husserl) Эдмунд (1859–1938), нем. философ 140

Д

Деборин (Иоффе) Абрам Моисеевич (1881–1963), философ,

один из создателей ИФ АН СССР, академик 141
Демичев Петр Нилович (1918–2010), сов. гос. и парт. деятель 169
Денеш (Dénes) Андраш, зам. зав. межд. отделом ЦК ВСРП (1960-е гг.) 166
Денисов Георгий Аполлинарьевич (1909–1996), сов. гос. и парт. деятель 166
Дильтей (Dilthey) Вильгельм (1833–1911), нем. философ, историк культуры 176
Динамов Сергей Сергеевич (1901–1939), историк литературы, критик 141
Добролюбов Николай Александрович (1836–1861), лит. критик, публицист 52
Достал (Dostál) Владимир (1930–1975), чешский историк литературы, критик 92, 94, 98
Дымшиц Александр Львович (1910–1975), историк литературы 111, 169
Дэкс (Daix) Пьер (р. 1922), франц. писатель 103, 168

Е

Еголин Александр Михайлович (1896–1959), историк литературы, парт. деятель 36
Ермилов Владимир Владимирович (1904–1965), лит. критик, публицист 58

Ж

Жданов Андрей Александрович (1896–1948), сов. гос. и парт. деятель 143, 150
Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971), лингвист, историк литературы, академик 157

З

Зиммель (Simmel) Георг (1858–1918), нем. философ, социолог 176
Золтаи (Zoltai) Денеш (1908–1990), венг. философ 72, 74

И

Иллеш (Illés) Бела (1895–1974), венг. писатель, жил в Москве (1923–1945) 141
Иовчук Михаил Трифонович (1908–1990), сов. философ и парт. деятель 179

К

Кабачник Мартин Израилевич (1908–1997), химик-органик, академик 95
Казин (Kazin) Альфред (1915–1998), амер. лит. критик и историк культуры 89
Кант (Kant) Иммануил (1724–1804), нем. философ 44, 45, 85
Каюмов Л.П., доктор филологических наук 166
Кеменов Владимир Семенович (1908–1988), гос. деятель, историк искусства 45, 144
Кирай (Király) Иштван (1921–1989), венг. лит. критик 169

Кирпотин Валерий Яковлевич (1898–1997), историк литературы, критик 58, 143, 148
Кокеев М.С., третий секретарь посольства СССР в ВНР 169, 170, 172
Константинов Федор Васильевич (1901–1991), философ, академик 117
Корнилов Борис Петрович (1907–1938), поэт 142
Крючков Владимир Александрович (1924–2007), сов. гос. и парт. деятель 163, 164
Кузьменко Юрий Борисович, инструктор отдела культуры ЦК КПСС (1960-е гг.) 169
Кухарский Василий Феодосьевич (р. 1918), музыковед, работник аппарата ЦК КПСС (1960-е гг.) 169
Кьеркегор (Kierkegaard) Сёрен (1813-1855), датский философ, теолог, писатель 118

Л

Лакснесс (Laxness) Хальдор (1902–1998), исландский писатель 162
Лакшин Владимир Яковлевич (1933–1993), историк литературы, критик 88
Ласки (Lasky) Мелвин Дж. (1920– 2004), амер. журналист, издатель 89
Лассаль (Lassalle) Фердинанд (1825–1864), нем. публицист, драматург, политик 31
Левин Фёдор Маркович (1901–1981), лит. критик, зам. редактора журнала «Литературный критик» (1930-е гг.) 144
Ленин Владимир Ильич (1870–1924) 31, 34, 137, 140–142, 151, 152, 174, 175
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841), 146
Лешнитцер (Лешницер, Leschnitzer) Франц (1905–1967), нем. лит. критик, публицист, переводчик 100, 102, 114, 116
Линцер Раиса Исаевна (1905–1990?), жена И.А. Саца, переводчик 56, 64
Литвакова И., консультант по литературе Югославии 161, 162
Лифшиц Герман Михайлович (1930–1992), сын М.А. Лифшица, историк 74
Лукач (Lukács) Анна (р. 1922–?), дочь Д. Лукача, экономист 51, 74, 77, 111, 112, 139
Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), полит. и гос. деятель, публицист, академик 31

М

Макаренко Антон Семенович (1888–1939), педагог, писатель 177
Малахов, возможно, Кронид Малахов, лит. критик (1930-е гг.) 144
Маленков Георгий Максимилианович (1902–1988), сов. гос. и парт. деятель 143
Манн (Mann) Томас (1875–1955), нем. писатель 44, 62, 89

Маркс (Marx) Карл (1818–1883) 31, 50, 52, 57, 94, 105, 118, 125, 132, 139, 142, 149–153
Меланхтон (Melanchthon) Филипп (1497–1560), нем. гуманист и теолог 138
Меринг (Mehring) Франц (1846–1919), нем. публицист, политик 31
Месарош (Mészáros) Иштван (р.1930), венг. философ, ученик Лукача 109
Мехлис Лев Захарович (1889–1953), сов. гос. и парт. деятель 141
Миндсенти (Mindszenty) Йожеф (1892–1975), кардинал, глава венг. катол. церкви (1945–1974) 47
Митин Марк Борисович (1901 – 1987), философ, гл. редактор журнала «В. ф.» (1960–1967), академик 117
Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986), сов. гос. и парт. деятель 143

Н

Надь (Nagy) Имре (1896–1858), венг. полит. и гос. деятель, экономист 162
Ницше (Nietzsche) Фридрих (1844–1900), нем. философ 135, 176

П

Павлов (Досев) Тодор (1890–1977), болг. философ 39
Паскаль (Pascal) Блез (1623–1662), франц. математик и физик 102
Пастернак Борис Леонидович (1890–1960), поэт, писатель 147, 171
Переверзев Валериан Федорович (1882–1968), историк литературы 142
Перикл (490–429 г. до н. э.), древнегр. полит. деятель 39
Пикассо (Picasso) Пабло (1881–1973), франц. художник 80
Пинский Леонид Ефимович (1906–1981), историк литературы 134
Пичикян Анна Михайловна (р. 1938), дочь М.А. Лифшица, историк искусства 74
Платон (427–347 до н.э.), древнегр. философ 39, 151
Платонов (Климентов) Андрей Платонович (1899–1951), писатель 72, 130, 144, 147
Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918), философ, полит. деятель 31
Плоткин Лев Абрамович (1906–1978), историк литературы, критик 157
Полевой (Кампов) Борис Николаевич (1908–1981), писатель, общ. деятель 159–162
Поликарпов Дмитрий Александрович (1905–1965), зам. зав. идеологическим отделом ЦК КПСС (1960-е гг.) 169
Пономарев Борис Николаевич (1905–1999), сов. гос. и парт. деятель, историк партии, академик 161
Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) 146, 147

Р

Рагозин, лит. критик (1930-е гг.) 144
Разумный Владимир Александрович (р. 1924), эстетик 164, 165
Рамм Елизавета Рувимовна, лит. редактор изд-ва «Советский писатель» 72
Рассел (Russell) Бертран (1872–1970), англ. ученый, философ, общ. деятель170
Реваи (Révai) Йожеф (1898–1959), венг. гос. и полит. деятель, историк литературы 48, 49
Рейнгардт Лидия Яковлевна (1909–1994), вторая жена М.А. Лифшица, историк искусства 40, 73, 107, 110, 114 (упоминается в большинстве писем)
Розенталь Марк Моисеевич (1906–1975), философ, зам. гл. редактора «В. ф.» (1953–1958) 72, 141, 144
Рудаш (Rudas) Ласло (1885–1950), венг. гос. и полит. деятель, философ 154, 159
Румянцев Алексей Матвеевич (1905–1993), экономист, зав. Отделом науки и культуры ЦК КПСС (1953–1955) 161
Рюриков Борис Сергеевич (1909–1969), историк литературы, критик 160, 163
Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (1870–1938), революционер, создатель и первый руководитель ИМЭ 72, 141

С

Сартр (Sartre) Жан-Поль (1905–1980), франц. философ, писатель 58
Сац Игорь Александрович (1903–1980), лит. секретарь Луначарского, критик, переводчик 35, 46, 56, 61, 62, 65, 67, 73, 79, 80, 83, 96, 105, 107, 114, 121, 123, 132, 142, 144 (упоминается в большинстве писем)
Сац Наталья Александровна (1900–1962), сестра И.А. Саца, актриса, жена Луначарского 142
Серафимович (Попов) Александр Серафимович (1863–1949), писатель 141
Серени (Szerényi) Шандор, зам. зав. Отделом науки и культуры ЦК ВСРП (1950-е гг.) 164
Сигети (Szigeti) Йожеф (р. 1921), венг. философ-марксист, академик 176
Сирмаи (Szirmai) Иштван, зав. отделом агитации и пропаганды ЦК ВСРП (1950-е гг.) 163
Смеляков Ярослав Васильевич (1913–1972), поэт 142
Сокольников (Бриллиант) Григорий Яковлевич (1888–1939), сов. гос. и парт. деятель 142
Солженицын Александр Исаевич (1918–2008), писатель, публицист, общ. деятель 83, 85, 87–89, 109, 171
Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) 142, 143, 152, 175

Станиславский Константин Сергеевич (1863–1938), теоретик театра, режиссер, 166
Суслов Михаил Андреевич (1902–1982), сов. гос. и парт. деятель, секретарь ЦК КПСС (вопросы идеологии и мирового коммунистического движения) 162

Т

Твардовский Александр Трифонович (1910–1971), поэт, редактор журнала «Новый мир» (1950–1954, 1958–1970) 73, 81, 82
Тимофеев Леонид Иванович (1904–1984), историк литературы, член-корреспондент АН СССР (1958) 166
Толстой Лев Николаевич (1828–1910) 145
Трегуб Семен Адольфович (1907–1975), лит. критик, публицист 143
Трущенко Е.Ф. (р. 1916) инструктор отдела культуры ЦК КПСС (1950-е гг.) 163

У

Усиевич Елена Феликсовна (1893–1968), лит. критик, переводчик 40, 44, 49-51, 56, 72, 73, 79, 81, 96, 111, 114, 118, 121, 130, 132, 141,142, 144–147 (упоминается в большинстве писем)
Усиевич Марина Александровна (1924–2004), дочь Е.Ф. Усиевич, экономист 66, 76, 128

Ф

Фадеев Александр Александрович (1901–1956), писатель, общ. деятель 143, 148, 158, 159, 177
Федорова, сотрудница ИФ АН СССР (1950-е гг.) 156
Фейербах (Feuerbach) Людвиг (1804–1872), нем. философ 32, 33
Фехер (Fehér) Лайош (1917–1981), венг. гос. и полит. деятель 125, 129
Фишер (Fischer) Эрнст (1899–1972), австр. писатель, политик, философ, иногда писал под псевд. Питер Виден 42, 98, 99, 104, 105, 168, 170
Флиг (Flieg) Леопольд (1893–1939), деятель КПГ 29
Фогараши (Fogarasi) Бела (1891–1959), венг. философ-марксист 176
Франц-Иосиф (Fraz Joseph I) (1830–1916), австр. император и венгерский король (1848–1916) 39
Фрейд (Freud) Зигмунд (1856–1939), австр. психиатр и психолог 91
Фридлендер Георгий Михайлович (1915–1995), историк литературы, академик 35, 51
Фридман, сотрудница ИФ АН СССР (1950-е гг.) 155
Фурщик М., деятель КПГ, философ-марксист 30

Х

Хайдеггер (Heidegger) Мартин (1889–1976), нем. философ 135

Ч

Чаковский Александр Борисович (1913–1994), общ. деятель, писатель 169, 172
Чемберлен (Chamberlain) Хьюстон Стюарт (1855–1927), англ. писатель, социолог 45
Черняков Юрий Николаевич (р. 1918), сотрудник посольства СССР в Венгрии (конец 1950-х гг.) 163, 164
Чертков Виктор Петрович (1910–1976), зав. сектором Института философии АН (1954–1968) 166
Черчилль (Churchill) Уинстон (1874–1965), гос. деятель Великобритании 39

Ш

Шамполион (Champollion-Figeac) Жан-Жак (1778–1867), франц. археолог 39
Щедрин Н., Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826–1889), писатель 56
Шершенко Людмила Анатольевна, научный сотрудник ИФ АН СССР 35
Шолохов Михаил Александрович (1905–1984), писатель 177
Шпенглер (Spengler) Освальд (1880–1936), нем. философ, культуролог 140, 158, 176
Шпет Густав Густавович (1879–1937), рус. философ 140
Штраус (Strauss) Рихард (1864–1949), нем. композитор 39

Э

Эльсберг Яков Ефимович (1901–1976), историк литературы 111, 113, 116
Энгельс (Engels) Фридрих (1820–1895) 52, 57, 125, 139, 149–153
Эпиктет (ок. 50–138), древнегр. философ, представитель позднего стоицизма 42, 43
Эпикур (341–271 до н. э.), древнегр. философ 136
Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967), писатель, общ. деятель 35

Ю

Юдин Павел Федорович (1899–1968), философ, общ. деятель, дипломат, академик 58, 72, 140–142

Я

Яношши (Jánossi) Лайош (1912–1978), пасынок Д. Лукача, физик 74, 77
Яношши (Jánossi) Ференц (1914–1997), пасынок Д. Лукача, экономист 40, 41, 66, 74, 77, 125, 127–129, 136–139

Содержание

Предисловие.

В.Г. Арсланов. «Гибель правды есть ее победа...» (Философия и этика Д. Лукача и Мих. Лифшица в свете их переписки) 5

Мих. Лифшица и Д. Лукач. Переписка. 1931–1970 гг. 27

Д. Лукач – Мих.Лифшицу. Берлин, 20 сентября 1931г. 28

Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Берлин, 18 ноября 1932 г. 32

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. Без даты. (Весна 1944 г.) 34

Письмо Гертруд, жены Д. Лукача, Мих. Лифшицу, 9 июня 1944 г. 36

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. Ленинград, 12 января 1945 г. 38

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. Без даты. (1945 г.) 41

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. 5 февраля 1945 г. 43

Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 11 февраля 1946 г. 46

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. Без даты. (Весна 1946 г.) 51

Д. Лукач – Мих. Лифшицу. 25 марта 1946 г. 52

Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. Москва, 7 ноября 1946 г. 57

Мих. Лифшиц – Д.Лукачу. Москва, 9 января 1955 г. 59

Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 25 января 1955 г. 60
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу 21октября 1955 г. 61
Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 13 ноября 1955 г. 63
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. 1955 г. 65
М. Лифшиц – Д. Лукачу. 5 февраля 1956 г. 67
Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 18 февраля 1956 г. 68
М. Лифшиц – Д. Лукачу. 28 апреля 1957 г. 70
Д. Лукач – М. Лифшицу. Будапешт, 8 ноября 1957 г. 70
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. 1 мая 1963 г. 72
Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 15 мая 1963 г. 74
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. 27 мая 1963 г. 77
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. 3 ноября 1963 г. 78
Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 11 ноября 1963 г. 79
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. 21 марта 1964 г. 81
Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 28 марта 1964 г. 82
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. Москва, 7 июня 1964 г. 84
Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 12 июня 1964 г. 86
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. 16 июля 1964 г. 88
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. Москва, 14 октября 1964 г. 90
Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 31 октября 1964 г. 93
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. 29 декабря 1964 г. 94
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. 17 марта 1965 г. 97
Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 5 апреля 1965 г. 98
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. Москва, 28 июля 1965 г. 100
Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 27 августа 1965 г. 102
М. Лифшиц – Д. Лукачу. 11 октября 1965 г. 103
Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 29 октября 1965 г. ...104
М. Лифшиц – Д. Лукачу. 19 сентября 1966 г. 106

Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 17 сентября 1966 г. ..108
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. 13 марта 1967 г. 110
Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 22 апреля 1967 г. 112
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. 28 апреля 1967 г. 113
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. 3 июня 1967 г. 114
Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 15 июля 1967 г. 115
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. 18 декабря 1967 г. 117
Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 6 января 1968 г. 119
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. 21 января 1968 г. 121
Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 6 февраля 1968 г. 123
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. 1 ноября 1968 г. 124
Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 25 ноября 1968 г. 125
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. 18 февраля 1969 г. 126
Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 23 марта 1969 г. 127
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. 19 апреля 1969 г. 127
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. 5 мая 1970 г. 129
Д. Лукач – Мих. Лифшицу. Будапешт, 17 июня 1970 г. 131
Мих. Лифшиц – Д. Лукачу. 16 ноября 1970 г. 133
Мих. Лифшиц – А. Аггу и Ф. Яношши. 22 июня 1971 г. 136

Приложение

I. Начало 1930-х гг. Докладная записка П.Ф. Юдина директору ИМЭ В.В. Адоратскому о перестройке работы кабинета истории философии в ИМЭ 140

II. 1937 г. Записка О. Войтинской о журнале «Литературный критик» , направленная в ЦК ВКП(б) 141

III. 1940 г. Докладная записка секретарей ССП СССР А.А. Фадеева и В.Я. Кирпотина секретарям ЦК ВКП(б) «Об антипартийной группировке в советской критике» ..143

IV. 1949 г. Записка, подготовленная Институтом философии АН СССР, об идейно–теоретических взглядах профессора Лукача в области литературы и искусства ..149

V. 1953 г. Статьи, появившиеся в стенных газетах Института философии и Президиума АН СССР 154

VI. 1955 г. Письмо секретаря ССП СССР Б. Полевого в ЦК КПСС и резолюция по этому письму 159

VII. 1956 г. Записка Иностранной комиссии ССП о реакции югославских литераторов на депортацию Д. Лукача в Румынию и отклик на нее в ЦК КПСС 161

VIII. 1959 г. Фрагмент из записи беседы сотрудников посольства СССР в Венгрии Ю.Н. Чернякова и В.А. Крючкова с заведующим отделом агитации и пропаганды ЦК ВСРП Иштваном Сирмаи 5 мая 1959 г. ..163

IX. 1964 г. Полемика или сенсация? (По поводу одной статьи) // Советская культура. (По поводу статьи Мих. Лифшица в журнале «Новый мир», посвященной работам В. Разумного.) 164

X. 1965 г. Сообщение советского посла в ВНР тов. Денисова Г.А. о готовящемся юбилее известного литературоведа и эстетика Г. Лукача 166

XI. 1968 г. Письмо главного редактора «Литературной газеты» А.Б. Чаковского в ЦК КПСС П.Н. Демичеву 169

XII. 1972 г. Записка Ректора Академии Общественных наук при ЦК КПСС М. Иовчука в ЦК КПСС «Об анализе концепций и взглядов Георга (Дьердя) Лукача» 173

Примечания 180

Список сокращений 281

Указатель имен 284

Мих. Лифшиц и Д. Лукач. Переписка. 1931–1970 гг. –
М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2011. – 296 с.
ISBN 978-5-904099-07-7
Тираж 400 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Типография Момент»,
Московская обл., г. Химки, Библиотечная ул., д. 11

Книги издательства «Grundrisse» можно купить:

в книжном магазине «Фаланстер»:
Москва, М. Гнездниковский пер., 12/27 (вход в арке)
http://www.falanster.su
(495) 749-5721

в книжном магазине «Гилея»:
Москва, Тверской б., д. 9
http://www.gileia.org
(495) 925-8166

Оптовая продажа:
ООО «Берроунз»
(495) 971-47-92